

Протяните руку над бездною. Нет страха над бездною, ибо духу страшнее комната и ковер.
Николай Константинович Рерих

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Москва
2023

УДК 910.4(47)
ББК 26.8г
В27

Разработка серии и оформление обложки *И. Осипов*

Современная версия, составление, примечания, комментарии — *В. Протопопов*

В27 **Великие** русские путешественники. — Иллюстрированное издание. — Москва : Эксмо, 2023. — 608 с. : ил. — (Подарочные издания. Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-04-174394-9

Первые русские путешественники или совершали паломничества к святым местам, или отправлялись в «хождения» по торговым делам. Постепенно к интересам религиозным и коммерческим начали добавляться цели геополитические: в XVI—XVII веках вдаль, и прежде всего за Урал, устремились русские землепроходцы, которые совершили невозможное: практически наугад, небольшими отрядами, без гарантированных шансов на успех они открывали новые земли, наносили их на карту и основывали там русские поселения и остроги. Столетие спустя правительство начало снаряжать экспедиции, в состав которых уже входили ученые, натуралисты и географы. За разведкой боем последовало планомерное научное изучение и описание животного и растительного мира, природных богатств, незнакомых народов, культур и цивилизаций. Имена знаменитых русских путешественников и первооткрывателей Афанасия Никитина, Федота Котова, Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Владимира Атласова, Витуса Беринга, Гавриила Сарычева, Ивана Крузенштерна, Василия Головнина, Федора Беллингаузена, Михаила Лазарева, Николая Миклухо-Маклая и многих других золотыми буквами были вписаны в мировую летопись великих географических открытий. Усилиями этих отважных героев ширилась, прирастала землями и набирала мощь Российская империя. В первой половине XIX века российских исследовательских экспедиций было снаряжено больше, чем Францией и Великобританией, вместе взятыми. И каждая экспедиция сопровождалась уникальными открытиями мирового масштаба.

Эта книга — увлекательное, живое, красиво иллюстрированное путешествие по истории великих географических открытий, совершенных отечественными первопроходцами, наша дань их беспримерному подвигу.

УДК 910.4(47)
ББК 26.8г

ISBN 978-5-04-174394-9

© Современная версия, макет, иллюстрации, примечания, оформление. Fortune Triumph Limited, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

РАЗВЕДКА БУДУЩЕГО ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Начнем с панегирика... коммерции! Именно торговля создала нашу цивилизацию и, следовательно, должна рассматриваться как один из наиболее универсальных механизмов социальной эволюции человечества. Вы не найдете народа, чья торговая деятельность появилась бы лишь недавно. Какие бы племена в какой бы глубочайшей древности ни заселяли ту или иную территорию, — они уже приносили с собой навыки обмена. Не имевшие еще письменности и государственности, наши предки были преисполнены ненасытного любопытства, здравого смысла и тяги к улучшению своей жизни. Что до нашей с вами истории, то уже самые первые письменные источники прямо указывают на торговую (импортно-экспортную) деятельность славян. «В Правилах церковных митрополита Киевского Иоанна (XI в.) говорится, что русские купцы ездили к “поганым” “купли ради”»¹.

И здесь мы подходим к теме нашей книги, утверждая: именно церковники и купцы были первыми путешественниками — хлеба духовного и хлеба насущного ради. И со времен фараонов они вели записки о своих походах. На Руси первым — и выдающимся! — сочинением такого рода по праву считается «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» (1104—1106)². За ним последовали другие подобные хождения: архиепископа Антония, в миру Добрыни Ядрейковича (1200—1204)³, Игнатия Смольнянина (1389—1392)⁴ и дяка Александра (1391—1396)⁵ — в Царьград; Зосимы — в Царьград, Афон и Палестину (1419—1422)⁶; Варсонофия — в Египет, Синай и Палестину (между 1456—1462)...

К этому можно добавить описания хождений в Италию на Ферраро-Флорентийский Собор (40-е годы XV в.). Вот что читаем у современного исследователя: «Самыми ранними текстами, писавшимися еще во время пребывания русской делега-

¹ Книга хожений. М., 1984. *Хожение* — это жанр средневековой русской литературы, форма путевых записок, в которых отечественные путешественники описывали свои впечатления от посещения иностранных земель. Другие названия жанра — «путник», «странник», «паломник», «скаска», «посольство». Для современного человека слово *хожение* кажется неблагозвучным и даже неправильным, поэтому мы будем далее писать на современный лад — *хождение*, хотя это не совсем точно с исторической и научной точки зрения.

² См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II, кн. 8, СПб., 1849. С. 7—45.

³ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872.

⁴ Издавалось неоднократно, — см., например: Путешествие диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим // Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II, кн. 8, СПб., 1849. С. 96—108; Православный палестинский сборник. Т. IV, вып. 3. СПб., 1887.

⁵ См.: Полное собрание русских летописей. М., 1848, т. 4, с. 357—358; Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 376—378; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Кн. 8. С. 71—72.

⁶ См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II, кн. 8, СПб., 1849. С. 58—69.

ции за границей и законченными сразу же или вскоре по возвращении русичей домой, являются: «Хождение во Флоренцию»... неизвестного суздальца¹, «Заметка о Риме» (название условное) также неизвестного автора², «Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945»³... и «Исидоров собор и хождение его» Симеона Суздальского⁴... Симеон Суздальский составил еще одну версию рассказа о лично пережитом в Италии: «Повесть священноинока Симеона Суздальца, како римский папа Евгений составлял осмый собор со своими единомышленниками»⁵.

Следует отметить: авторы этих и других подобных текстов, как правило, основное внимание уделяли все же не описанию посещаемых ими стран; их главной задачей было создание более или менее связных рассказов о конечных предметах своих путешествий, будь то святые места Палестины или перипетии Собора.

Упомянем здесь еще своего рода «пограничные» хождения: гостя⁶ Василия в Малую Азию, Египет и Палестину (1466)⁷, Василия Позняка в Александрию и Иерусалим (1558—1561)⁸, Василия Гагары в Иерусалим и Египет (1634—1637)⁹. Пограничными, или переходными, промежуточными, их можно обозначить потому, что, будучи купцами, «гость Василий» и Василий Гагара предпринимали не торговые путешествия, а религиозные палом-

ничества — подобные тем, которые уже несколько столетий совершали церковнослужители.

Знаменательно, что тогда же, когда гость Василий отправился в Святую землю, состоялось и первое чисто купеческое предприятие, чье описание сохранила история: знаменитое ныне «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472). Фактически писаную историю русской торговли можно отсчитывать от этого первенца жанра, возглавившего серию дошедших до нашего времени путевых записок о приключениях русских купцов в чужеземных странах.

Можно предположить, что писались такие путевые дневники и раньше, но за их авторами, в отличие от церковных иерархов, не стоял тот могучий общественно-политический (и бюрократический) институт, который обладал бы возможностями, желанием и практическими потребностями сохранять и распространять подобного рода сочинения.

Любой народ объединяют язык, вера — и торговля! Именно постоянная насущная потребность в товарообмене, то есть в удовлетворении ежедневных жизненных потребностей податного сословия и элиты, наряду с политическими амбициями московских князей и центростремительной деятельностью церкви заложил основы необратимой интеграции удельных земель. И русские купцы сыграли в этом процессе уникальную роль.

Пути доставки товаров и их ассортимент, количество и цены; изменение со временем структуры торговли и условий, в которых она происходила; распад Киевской Руси, татаро-монгольское нашествие, возвышение Московского княжества; внутривосточные преобразования и войны (захватнические и оборонительные); технический прогресс и церковный раскол XVII века — все это и многое другое вносило свою лепту в эволюцию русской торговли, а следовательно, не могло не сказаться на маршрутах торговых путей, которые прокладывали энтузиасты.

Вслед за никитинским, уже в XVI—XVII веках, были созданы описания путешествий купца Федота Котова (1623—1624) и другие подобные сочинения. Традиция рассказов о торговых вояжах продолжилась и в XVIII веке.

Хотелось бы обратить внимание читателя на трансформацию жанра купеческих «хождений». Начиная с безыскусных, хотя в своей наивности порой и восхитительных поденных записей и описаний городов, людей, рынков, обычаев и диковин, эти рассказы становятся все подробнее и достовернее, в них появляется складность и занимательность, зоркость наблюдений дополняется размышлениями и анализом увиденного и пережитого.

¹ Хождение во Флоренцию // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 468—493.

² Заметка о Риме // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. С. 494—495.

³ Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945 // Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература древней Руси и XVIII в. (Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 363). М., 1970. С. 254—264.

⁴ Исидоров собор и хождение его // Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Приложения. С. 89—101.

⁵ Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 86.

⁶ Слово «гость», часто встречающееся в исторических источниках, означает «купец». Далее мы это словоупотребление в большинстве случаев не оговариваем.

⁷ См.: Хождение гостя Василия/Под редакцией архимандрита Леонида // Православный Палестинский сборник. Т. 2, вып. 3 (вып. 6). СПб., 1884, 18 с.; Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 169—177, 350—361 и 417—420.

⁸ Первые издания — 1884 и (по другому списку) 1887 гг.

⁹ Первая полная публикация: Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849 г. Т. II, кн. 8. С. 110—122.

Купец XV—XVII веков — это по преимуществу отчаянный сорвиголова, толкаемый в соседние княжества и в чуждаемые земли жаждой наживы. Негоцианты XVIII века — это зачастую в одном лице предприниматели и путешественники, писатели, дипломаты, шпионы... Вообще русский купец за границей почти всегда был по совместительству, в той или иной мере, и дипломатом, и разведчиком, и географом, поэтому характер таких путевых записок и их место в русской истории и литературе определяются, на наш взгляд, не столько особенностями текста, сколько социальной принадлежностью автора, диктовавшей ему точку зрения на переживаемые и описываемые перипетии путешествия.

Нельзя не вспомнить здесь и дипломатических посланцев московского правительства: все они по долгу службы составляли официальные отчеты, а некоторые — весьма содержательные описания своих приключений и мест, в которых побывали. Наряду с паломниками, купцами и позднейшими профессиональными географами и натуралистами они по праву должны быть причислены к сонму русских путешественников. До наших дней дошло около 50 так называемых «Статейных списков» — отчетов-дневников московских посольств о пребывании в иностранных государствах¹.

Особый интерес представляют списки XVII в., сохранившиеся в Столбцах Сибирского приказа.

Из них следует, что центральное правительство отнюдь не обладало монополией внешних сношений: при надобности сибирские наместники и воеводы снаряжали в пограничные страны собственные посольства. Вот что писал об этих «непатентованных дипломатах» крупный исследователь конца XIX — начала XX в. Н. Н. Оглоблин²: «Они оставили нам любопытные “статейные списки” своих посольств, представляющие ценные материалы не только для политической истории среднеазиатских владений XVII века и наших сношений с ними, но и для географии и этнографии цен-

тральной Азии (Курсив наш.— *Ред.*). Из немалого ряда “статейных списков” XVII в., сохранившихся в столбцах Сибирского Приказа (в Московском Архиве Министерства Юстиции), предлагаю (в своем пересказе, с сохранением всех характерных выражений подлинников) три “статейных списка” из числа более древних. Каждый из них отличается теми или другими характерными особенностями»³.

Далее следует вводящее в тему предисловие Оглоблина и подробное изложение им этих «статейных списков» — посольства Меньшого-Ремезова к Калмыцкому Контайше (1640—1641), посольства П. Семенова к Мунгальскому Цысану-хану (1649—1651), «Рассказа К. Москвитина о поездке к Мунгальскому царю Чичину (1647)». А ведь кроме них (если задержаться только на XVII веке) были еще и томский казак Иван Петлин, совершивший в 1618—1619 годах по инициативе Тобольского воеводы князя И. С. Куракина официальную поездку российских представителей в Китай и оставивший ее описание⁴; и предпринявший в 1654—1657 годах по поручению царя Алексея Михайловича посольскую миссию в Пекин Федор Байков⁵, и другие. Из записок московских и сибирских посланников в пору составить отдельную серию...

* * *

Но самыми важными, самыми значительными русскими путешествиями стали экспедиции второй половины XIX — первой четверти XX века. На эти десятилетия припадает изучение (и освоение) Приамурья Г. И. Невельским, плавание фрегата «Паллада», исследовательские азиатско-дальневосточные походы П. П. Семенова-Тян-Шанского, Чокана Валиханова, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, И. В. Мушкетова, М. В. Певцова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Ц. Цыбыкова, П. К. Козлова, В. К. Арсеньева, открытие не только для России, но и для всего мира экзотики Новой Гвинеи Н. Н. Миклухо-Маклаем, арктические одиссеи барона Толля, лейтенанта Колчака, отца и сына Вилькицких, наконец — индийская сага Н. К. Рериха...

Россия после реформ Александра II стала совсем другой, обновленной державой: из николаевского застоя, пройдя через очищающее поражение

¹ Статейный список посольства стольника и наместника Переславского Ивана Ивановича Чемоданова в Венецию в 1656 году; Статейный список посольства стольника и наместника воронежского Василия Лихачева во Флоренцию в 1659 году; Статейный список посланников Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина; Статейный список Петра Ивановича Потемкина (1667—1669); Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора, и проч. Все они опубликованы в «Памятниках дипломатических сношений России» (1851—1871. Т. I—IX).

² Николай Николаевич Оглоблин (1852 — не ранее 1919) — крупный русский историк-археолог, составитель колоссального научного описания «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768)» и множества других исследований, а также известный публицист-социолог. После октябрьского переворота 1917 г. был вынужден эмигрировать.

³ Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские статейные списки) // Исторический Вестник. 1891. Т. XLVI. № 10. С. 157.

⁴ Роспись Китайского государства и Монгольских земель, составленная томским казаком И. Петлиным // Сибирский вестник. СПб., 1818. Кн. 8, с. 211—236.

⁵ См.: Путешествие боярского сына Федора Исакиевича Байкова в Китай в 1654 году // Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II, кн. 8. С. 124—134.

в Крымской войне, она вступила на путь прогресса, едва ли не впервые со времен Петра Великого ставя привычную для себя, но позабытую за полтора столетия задачу: «Догнать и перегнать».

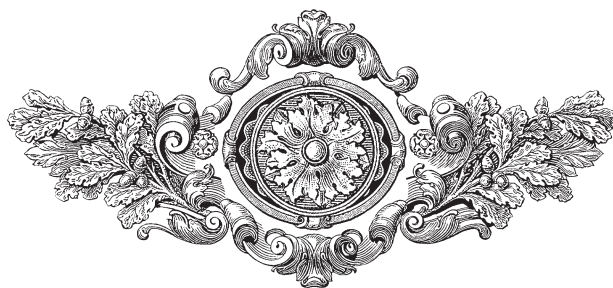
Модернизация требовала не только новейших технологий, современной промышленности, средств связи, реорганизации управленческого аппарата, — она нуждалась в качественно новых знаниях о пограничных и соседних территориях, народах и государствах. Кажется, впервые в истории русское правительство осознало фундаментальную, государственную потребность в комплексном, продуманном, спланированном, всеобъемлющем освоении собственных пространств и изучении сопредельных.

Одно из характернейших свойств цивилизации — экспоненциальное умножение информации. А также, добавим, переход от инстинктивного, бессознательного накопления знаний к их целенаправленному и планируемому поиску. Как теология со временем превратилась в философию, как из алхимии родилась химия, — так из вынужденных странствий «наугад» сложилась в конце концов стратегия и тактика изучения земной поверхности — во всем ее разнообразии: геологическом, географическом, ботаническом, зоологическом, климатическом... человеческом.

* * *

Нет человека вне истории, но и сама история явлена в человеческих судьбах. Именно поэтому столь интересны рассказы русских путешественников — купцов, первопроходцев, мореплавателей, географов и натуралистов — о том, как по мере расширения знаний об окружающем мире менялся сам этот мир. Изучая пространство, они влияли на его судьбу.

Предлагаемая вашему вниманию книга — это своеобразная антология отечественных странствий, цепь ярких эпизодов и незаурядных биографий, «собрание пестрых глав» — часто от первого лица. Вошедшие в нее избранные страницы из серии «Великие путешествия» дополнены материалами о тех путешественниках, чьи одиссеи еще ждут своей презентации. Можно сказать, что настоящий том подводит промежуточные итоги большого десятилетия знакомящего читателей с историей хождений, поездок, плаваний и экспедиций в сопредельные и чуждальные страны, и одновременно намечает перспективу на будущее, предварительно знакомя вас с выдающимися отечественными путешественниками, заслуживающими того, чтобы их приключения посвятили отдельные тома. Они достойны того, чтобы мы познакомились с ними поближе.

АФАНАСИЙ НИКИТИН

Столетиями люди стремились к открытию новых земель. Викинги добирались до Северной Америки, иезуиты проникали в закрытые для чужеземцев Китай и Японию, морских пиратов штормы и течения уносили (порой безвозвратно) в неизведанные области Тихого океана...

Но была одна чудесная страна, куда неудержимо влекло всякого предприимчивого европейца. Ее ковры и шелка, шафран и перец, изумруды, жемчуг, алмазы, золото, слоны и тигры, неприступные горы и лесные чащи, молочные реки и кисельные берега лишили покоя не одно романтическое (либо корыстолюбивое) сердце.

Страна эта — Индия. Ее искали, о ней мечтали, пути в нее прокладывали лучшие из мореплавателей. Колумб открыл свою «Индию» (оказавшуюся Америкой) в 1492 году, Васко да Гама достиг настоящей Индии в 1498. Но он немного — на четверть века — опоздал: Индия была уже «открыта».

А толчком к этому послужило стечение несчастливых поначалу личных обстоятельств не слишком богатого, но энергичного и любознательного тверского купца Афанасия Никитина. В 1468 году он набрал (в долг!) товаров и отправился из Твери через Кострому и Нижний Новгород на Кавказ. Но когда он спустился по Волге до Астрахани, один из его кораблей был захвачен разбойниками, а другой разбила буря у Каспийского побережья. Никитин продолжил путешествие (возвращаться домой он не смел: за потерю товаров ему грозила долговая яма). Посуху он достиг Дербента, перебрался в Персию и морем проник в Индию. Там Афанасий пробыл три года (1471—1474) и через Африку (Сомали), турецкие земли (Трапезунд) и Черное море отправился на родину, но домой не добрался: умер в Великом княжестве Литовском, не доезжая Смоленска. Его записки («тетради») были доставлены купцами в Москву и включены в летопись.

* * *

Путешествие за три моря, возможно, не было первым заграничным хождением для Афанасия. Скорее всего, к своим 33 годам, когда он отправился в Персию, этот предприимчивый человек успел немало побродить по свету. Вообще можно утверждать, что в первую очередь купцы, а не ученые, завоеватели и авантюристы с великим упорством расширяли пределы известного мира, искали и находили новые земли, устанавливали связи с новыми народами. Но среди тысяч купцов, пускавшихся в полные опасностей путешествия в отчаянной решимости подешевле купить, подороже сбыть, можно по пальцам перечесть тех, кто оставил по себе путевые записки. И Афанасий Никитин — среди них. Более того, ему удалось посетить страну, куда до него не ступала нога европейца, — удивительную, вождленную Индию. Его немногословное «Хождение...»местило целую россыпь драгоценных сведений о староиндийской жизни, до сих пор не утративших своей ценности. Чего стоит одно только описание торжественного выезда индийского султана в окружении 12 визирей и в сопровождении 300 слонов, 1000 всадников, 100 верблюдов, 600 трубачей и плясунцов и 300 наложниц!..

Издательство «Эксмо» дважды издавало знаменитое «Хождение за три моря» — памятник не только литературный, исторический и географический, но памятник человеческому мужеству, любопытству, предприимчивости и упорству. Приводим здесь с сокращениями этот текст.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

...Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское¹, второе море Индийское — море Индостанское², третье море Черное — море Стамбульское. Пошел я от святого Спаса златоверхого³, с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича⁴ и от владыки Геннадия Тверского⁵ и от Бориса Захарыча на низ Волгою.

Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы⁶ и святых мучеников Бориса и Глеба⁷ Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой Великого князя⁸ (Тверского), и отпустил меня свободно. Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин⁹ тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от Великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай¹⁰, Берекезан¹¹.

И въехали мы в Вузаны-реку¹². Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные ве-

сти, будто в Вузаны стережет купцов хан Касим¹³ и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне¹⁴, застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу¹⁵, они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести. И пошли мы к Дербенту¹⁶ в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, а тут есть городок Тарки¹⁷, а люди вышли на берег, и пришли кайтаки¹⁸ и людей же с него поймали всех.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены <...> И мы, заплавав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе¹⁹, а иные пошли работать в Баку.

А я пошел в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур²⁰, да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев,

¹ Каспийское море.

² Индийский океан.

³ Кафедральный собор в Твери. Построен в конце XII в.

⁴ *Михаил Борисович* (1461—1485) — великий князь Тверской.

⁵ Епископ Тверской.

⁶ Монастырь Святой Троицы — монастырь в г. Калягине, основанный игуменом Макарием.

⁷ Имеется в виду одна из церквей Калязинского монастыря, названная в честь Бориса и Глеба, сыновей Великого князя киевского Владимира Святого, канонизированных русской церковью.

⁸ Речь идет об Иване III Васильевиче.

⁹ *Василий Папин* — посол Ивана III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара. *Ширваншах* — шах Ширвана, расположенного на северо-востоке Азербайджана.

¹⁰ *Сарай* — столица Золотой Орды.

¹¹ *Берекезан* — местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

¹² Рукав Волги в нижнем ее течении, впадает в р. Ахтубу.

¹³ *Касим* — первый хан астраханский (с 1466 г.).

¹⁴ *Бугун* — одна из мелей в устье Волги.

¹⁵ *Ез*, или *яз*, — заграждение на реке; устраивается, чтобы задержать рыбу для ее ловли.

¹⁶ *Дербент* — город на западном берегу Каспийского моря. Известен с VI в. н. э.

¹⁷ *Тарки*, или *Тарху* — крепость на дагестанском побережье Каспийского моря.

¹⁸ *Кайтаки* — жители области и княжества Кайтак, или Кайтаг, в западном Дагестане, к северо-западу от Дербента.

¹⁹ *Шемаха* — город в Ширване, ныне районный центр Азербайджана.

²⁰ *Чапакур* — селение в Мазандаране на южном берегу Каспийского моря.

да в Сари¹, в Мазандаранской земле², жил месяц. А оттуда пошел к Амулю³ и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду⁴, а из Демавенда — к Рею⁵... А из Рея пошел к Кашану и тут был месяц; а из Кашана к Найину, а из Найина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда к Сирджану, а из Сирджана к Таруму⁶, где финиками кормят домашний скот, батман⁷ по 4 алтына. А из Тарума пошел к Дару⁸, а из Лара к Вендору⁹.

И тут есть пристанище Ормузское¹⁰; тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили. А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве¹¹ с конями.

И шли мы морем до Маската¹² 10 дней; а от Маската до Дега¹³ 4 дня; а от Дега к Гуджерату¹⁴; а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индиго

¹ Сари — город в Мазандаране, в 25 км к югу от Каспийского моря.

² Мазандаран, или Мазендеран, — область в Северном Иране, занимающая узкую полосу между южным побережьем Каспия и хребтом Эльбурс.

³ Амуль, или Амоль, — самый крупный город Мазандарана.

⁴ Демавенд — массив и гора, высшая точка хребта Эльбурс (5604 м).

⁵ Рей — один из величайших городов средневекового Ирана; развалины его находятся в 8 км к юго-востоку от Тегерана.

⁶ Кашан, Найин, или Наин, Сирджан, Тарум — иранские города на пути следования Афанасия Никитина.

⁷ Батман — старинная мера веса. В XVII в. употреблялась официально, но только для инородческих окраин Московского государства. В разных местах батманом называли разные веса, в пределах 10 фунтов. Восточные (кавказские, персидские, среднеазиатские) батманы отличались еще большим разнообразием.

⁸ Лар — город на юге Ирана; дважды посещался Афанасием Никитиным.

⁹ Бендер — гавань, порт (перс.), имеется в виду Старый Ормуз (см. следующее примечание).

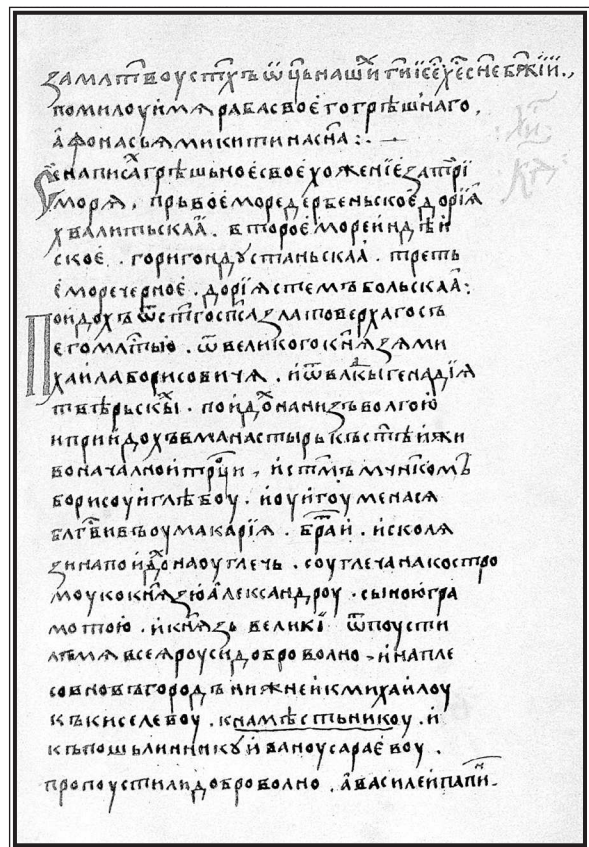
¹⁰ Ормуз (Хормуз, Гурмыз) — остров и старинный порт в Персидском заливе; Старый Ормуз находился на материке на побережье залива.

¹¹ Тава, или даба, — местное название морского судна.

¹² Маскат — порт на Оманском берегу Аравийского полуострова.

¹³ Дега — неясно, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин; можно предположить, что имеется в виду Диу — порт у полуострова Катхавар на западе Индии.

¹⁴ Гуджарат — область на западе Индии. Во времена Афанасия Никитина Гуджарат был самостоятельным государством.

Лист Троицкого списка «Хождения за три моря».

XVI в.

и лакх¹⁵; а от Камбая¹⁶ к Чаулу¹⁷. От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Мужики и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку.

А князь их — фата¹⁸ на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или

¹⁵ Индиго и лакх — краски, получаемые из растений.

¹⁶ Камбай — порт у одноименного залива в Гуджарате.

¹⁷ Чаул — гавань на Малабарском берегу Индии к югу от Бомбея.

¹⁸ Фата — имеется в виду «дхоти» — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер.

Русский купец.

Немецкая гравюра из собрания П. Я. Дашкова. XVI в.

с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчижи же и девочки ходят голыми до 7-ми лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали¹ 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира² 6 дней. И живет здесь джунирский, индийский Асад-хан³, Меликтучаров холоп; говорят, что он держит

¹ Пали — город к востоку от Чаула.

² Джунир (Джуннар) — город к востоку от Бомбея.

³ Асад-хан — вероятно, Джуннарский наместник Мухамед-шаха III. В середине XIV в. в Декане создалось мусульманское государство во главе с династией Вахманидов. Во время пребывания Афанасия Никитина в Индии на престоле Вахманидов находился Мухаммед-шах III. От имени этого шаха государством фактически управлял министр (везир) Мухаммед Гаван, носивший титул Мелик-ат-туджар; Афанасий Никитин везде называет его Меликтучаром.

от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем⁴; в течение 20 лет он бьется с кафирами⁵ — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях; много у него слонов, и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев, а привозят их из Хорасанской земли⁶, или из Аравийской, или из Туркменской и Чагатайской⁷; привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю⁸; дошел же до Джунира, благодаря бога, здоровым — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев в днем, и ночью всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное. Вино же у них готовят в больших орехах кокосовой пальмы, а брагу — в татне⁹. Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. В Индийской земле кони не рождаются; здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя. В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, и кушанья для них варят господарьни; они же гостям и постель стелют, и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь — дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель... Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третью обертывают голову.

Боже, боже великий, боже истинный, боже благий, боже милосердный.

И в том Джунире хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не бусурманин, а русский, то сказал: «И жеребца отдам, и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммедову; если же

⁴ Тьма — десять тысяч; термин вошел в обиход русского языка того времени после монгольского завоевания.

⁵ Кафир — «неверный», так мусульманские завоеватели называли немусульман; Афанасий Никитин кафирами, или кафарами, называет только индуистов, в отличие от «бусурман», т. е. мусульман.

⁶ Хорасанская земля, или Хорасан, — северо-восточная область Ирана. В Средние века к Хорасану причисляли всю территорию от пустыни Дешти-Кевир на западе до р. Амударьи и гор Вадахшана на востоке и от пустыни Каракум на севере до хребта Гиндукуш и области Сеистан на юге.

⁷ Чагатайская земля — в XIII—XV вв. название Средней Азии.

⁸ Индийская земля — Индостан, Индия.

⁹ Татна — род растения, из которого в Индии готовили опьяняющий напиток.

не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму, и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок 4 дня, на Спасов день, в пост пресвятой Богородицы. И господь бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на Спасов день. Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане; молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунира вышли в день Успения пречистой к Бидару¹, большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги² также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов³, столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки⁴, на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым мроят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими

и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами <...>

Весна здесь наступила с Покрова святой Богородицы⁵; весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину. Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана⁶. Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет, а управляют князья и бояре — хорасанцы, воюют также все хорасанцы <...>

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов⁷, кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи длиною в две сажени. А в Бидар пришел в Филиппово заговенье⁸ из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество. И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани⁹. Они не стали от меня таитьсь ни в чем — ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута¹⁰. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некото-

⁵ Покров святой Богородицы — 1 октября.

⁶ В действительности Бидар был только столицей Вахманидов, а не всей мусульманской Индии.

⁷ *Футун* — южноиндийская монета разной ценности в разных местностях, золотая и серебряная.

⁸ *Филиппово заговенье* — в православной церкви пост с 14 ноября по 24 декабря.

⁹ *Ходжа Юсуф Хорасани* — мусульманское имя, принятое Афанасием Никитиным.

¹⁰ Всех же вер в Индии 84 — по-видимому, Афанасий Никитин имеет в виду многочисленные секты и ответвления индуизма.

¹ *Бидар* — город на Деканском плоскогорье, в 100 км к северо-западу от Хайдарабада.

² *Кулунгир*, *Кульбарга* (Гулбарга) — города в Декане.

³ *Ков* — мера длины, различная для разных областей Индии (от 6,5 до 15 км). Афанасий Никитин считает в кове по 10 верст в среднем.

⁴ *Камка* — шитая золотом цветная шелковая ткань, парча.

рые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату¹ — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище (бутхана). Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния... К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбрасывают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени², а с коней — по 4 футь. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч, а бывает время, когда и 100 тысяч. Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царь-граде³, в левой же руке у него копье; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиной у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири⁴ с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правую рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу, и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, то индеец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, поднимают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их

без дверей и поставлены на восток; так же на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Е[риходя или уходя, кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански — Мекка, по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все голыми, только на зад плат; и женки все голые, только на зад фата, а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов, на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу. А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут «отцами». Индийцы вола зовут «отцом», а корову «матерью»; на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу, по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем. В Индии как малостоящее и дешевое считаются женки: хочешь знакомства с женкою — два шетеля; хочешь за ничто бросить деньги, дай шесть шетелей⁵. Таков у них обычай. Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар за 15 дней до бусурманского великого праздника⁶. А Великого дня воскресения Христова не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества Христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер я молю бога, чтобы он хранил меня: «Боже господи, боже истинный, боже, ты бог милосердный, бог творец, ты господь еси. Бог един, ты царь славы, творец неба и земли». А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного, никакой бусурманской еды, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду, и с женкой связи не имел. А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал: бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний.

А от Ормуза идти морем до Галата 10 дней, а от Галата до Дега — 6 дней, а от Дега до Маска-

¹ *Парвата* — храмовый комплекс на правом берегу р. Кистны в 175 км к юго-востоку от Хайдарабада.

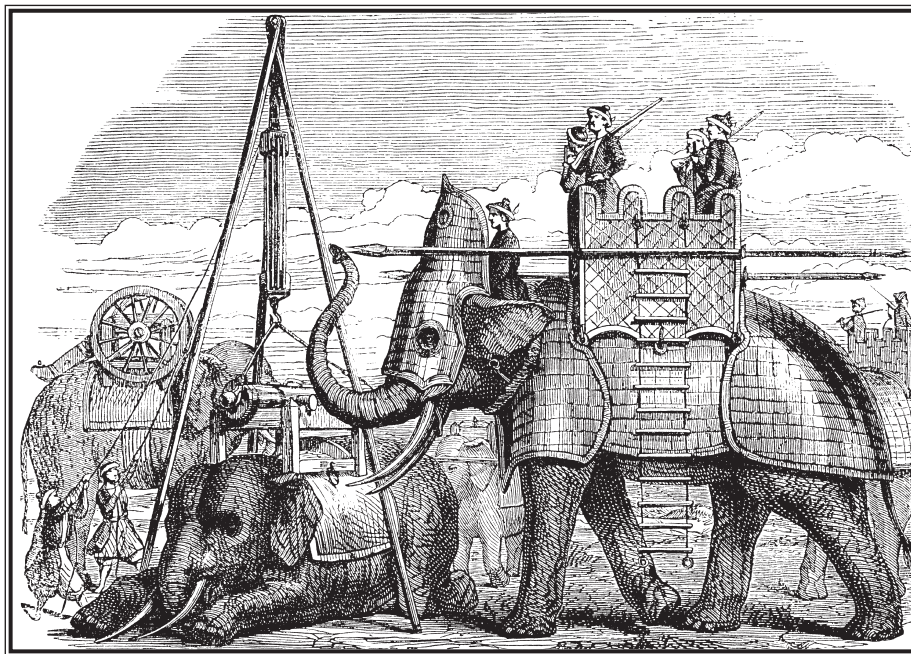
² *Шекшень* — мелкая серебряная монета.

³ Как царь Юстиниан в Царьграде — дается сравнение с положением руки на конной статуе византийского императора Юстиниана I в Константинополе.

⁴ *Кичири*, или *кхичри*, — индийское блюдо из риса с маслом и приправами.

⁵ *Шетель*, или *шитель*, — серебряная монета.

⁶ *Бусурманский великий праздник* — имеется в виду улубайрам, один из двух главных мусульманских праздников.

Индийский боевой слон.

Гравюра из «Иллюстрированной истории Индии» Джеймса Гранта. 1886 г.

та — 6 дней, а от Маската до Гуджарата — 10 дней, а от Гуджарата до Камбая — 4 дня, а от Камбая до Чаула — 12 дней, а от Чаула до Дабула¹ — 6 дней. Дабул же — это пристань в Индостане, последняя из бусурманских. А от Дабула до Каликута² — 25 дней, а от Каликута до Цейлона — 15 дней, а от Цейлона до Шабата³ идти месяц, а от Шабата до Негу⁴ — 20 дней, а от Пегу до Чина да до Мачина⁵ идти месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая⁶ идти посуху 6 месяцев, а морем идти 4 дня. Да украсит бог покров мой.

Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всего берут десятину. А Камбай — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем все делают

алачи⁷, да пестряди⁸, да грубую шерстяную ткань, да делают краску индиго; в нем же родится лакх, сердолик и гвоздика. Дабул — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана, Туркестана и Старого Хормуза; и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.

А Каликут есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну; кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, циннамон, корица, гвоздика, пряное коренье, адряк⁹ да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.

А Цейлон же есть немалая пристань Индийского моря, а в нем на высокой горе¹⁰ отец Адам. Да около него рождаются драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак. Рождаются также слоны, а продают их на локоть, да страусы — продают их на вес.

¹ *Дабул* — в XV в. важный торговый порт на Малабарском берегу Индии, в 136 км к югу от Бомбея.

² *Каликут* — знаменитый в XIII—XIV вв. порт на юге Малабарского берега Индии.

³ *Шабат* — точно не выяснено, какую страну имеет в виду Афанасий Никитин.

⁴ *Негу* — область в Южной Бирме, в нижнем течении р. Иравади.

⁵ *Чин* и *Мачин* — обычные у мусульманских народов средневековые названия Китая; у Афанасия Никитина — Южный Китай.

⁶ *Китай* — имеется в виду Северный Китай.

⁷ *Алача* — персидская ткань из сученых шелковых и бумажных ниток.

⁸ *Пестрядь* — ткань из разноцветных ниток, тафта или миткаль.

⁹ *Адрик* — вид имбиря.

¹⁰ Имеется в виду Адамов пик на Цейлоне, где, согласно верованиям мусульман, сохранился след ноги первочеловека Адама.

А Шабатская пристань Индийского моря весьма велика. Хорасанцам здесь дают жалованье, по деньге¹ на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь дает тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье дает, да на еду каждый месяц по 10 денег. А родится в Шабате шелк, сандал², жемчуг, — и все дешево.

В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А роятся в нем драгоценные камни, рубин, яхонт. Продают эти камни дервиши.

А Чинская же да Мачинская — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор, а продают его на вес и дешево <...>

Шабат же от Бидара 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там жемчуг высшего качества, и все дешево. А до Цейлона идти морем 2 месяца. В Шабате же роятся шелк, фарфор, жемчуг, сандал, слонов продают на локоть.

В Цейлоне роятся обезьяны, рубины и кристаллы. В Каликуте роятся перец, мускат, гвоздика, фуфал³ и цвет. В Гуджарате родится индиго и лак, а в Вамбае — сердолик. В Райчуре⁴ же родится алмаз, старой и новой копи; почку⁵ алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего — по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней⁶, черноватого цвета — от 4 до 6 кеней, а белый алмаз — 1 деньга.

Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана, и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат евреи считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабаитяне не евреи, не бусурмане, не христиане — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями, ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся дикие кошки и обезьяны и по дорогам нападают на людей, так что из-за обезьян и диких кошек ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти посуху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах. У откормленных оленей режут пупы, так как в них находится мускус. А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу,

¹ *Деньга, тенгэ* — серебряная монета разного веса и ценности в разных местах.

² *Сандал* — сандаловое дерево, общее название нескольких видов пахучих деревьев, ценимых за запах и твердость.

³ *Фуфал* — плод ореховой пальмы.

⁴ *Райчур* — город к юго-западу от Хайдарабада.

⁵ *Почка* — на Руси мера веса для драгоценных камней — 2,13 г.

⁶ *Кены* — мелкая монета, $\frac{1}{64}$ тенги.

и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день⁷ в бусурманском Бидаре в Индостане. Бусурмане же встретили байрам в среду месяца мая, а заговорел я месяца апреля в первый день. О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет, когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый Великий день встретил я в Каине⁸, другой Великий день в Чепакуре в Мазандеранской земле, третий день в Ормузе, а четвертый Великий день в Бидаре, в Индии, вместе с бусурманами. И тут я плакал много по вере христианской <...>

В бусурманской же Индии, в Великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку, и с ним 20 великих везиров да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи с городками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищальями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи, по кентарю⁹, к хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами, да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь. А на султана кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак — огромный алмаз, да золотой сайдак¹⁰ с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку, с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный балдахин, с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь сидит

⁷ *Великий день* — Пасха.

⁸ *Каин* — не установлено, какой город Афанасий Никитин имел в виду.

⁹ *Кентарь* — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

¹⁰ *Сайдак* — полный набор вооружения конного воина.

на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый, с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми, только плат на заду, стыд завешен.

Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне¹, где родится жемчуг, да в Джиддо², да в Баку, да в Египте, да в Арабстане³, да в Ларе. Знойно и в Хорасанской земле, да не так. А в Чагатае очень знойно. В Ширазе же да в Йезде и в Кашане знойно, но бывает ветер. А в Гилян⁴ очень душно и сильно парит, да и в Шамахе сильный пар. В Вавилоне (Багдаде) знойно, тоже в Хумсе⁵ и Дамаске. В Алеппо⁶ же не так знойно. А в Севастей губе⁷ и в Грузинской земле на все большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской земле⁸ также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля⁹. Русская земля да будет богом хранима! <...>

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь. Из города Бидара вышел за месяц до бусурманского улу-байрама, по вере Мухаммеда, пророка божия. А Великого дня христианского — Христова воскресения — не знаю, а говел с бусурманами в их заговенье и разговелся с ними. Великий день встретил в Кульбарге, от Бидара 20 ковов <...>

А от Кульбарга пошел до Кулура¹⁰; а в Кулуре родится сердолик, и здесь его отделяют, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие. И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Коилконду¹¹, а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Гульбарге, а от Гульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина — к Камендрии, а от Камендрии — к Кынарясу, а от Кынаряса — к Сури,

а от Сури пошел к Дабулу — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все поморье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву и сговорившись о корабельной плате, дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы. И тут люди все воскликнули: «олло конькар бизим баттти мудна насип болмышты», что по-русски значит: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, — и они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Дару и в Ларе был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу¹², 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух¹³, 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду, 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани¹⁴, 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану, а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел к Куму¹⁵, а из Кумы пошел в Саву¹⁶. А из Савы пошел в Султанию¹⁷. А из Султанин пошел до Тавриза¹⁸. А из Тавриза пошел в орду к Хасан-беку¹⁹, в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого [султана] послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас; да и Токат²⁰ взяли и подожгли, Амасию²¹ взяли и пограбили там много

¹² Шираз — главный город южноиранской области Парс (Фарс).

¹³ Аберкух, или Эберкух, — город в северной части области Фарс, к юго-западу от Йезда.

¹⁴ Испагань — Исфахан, город в центральной части Ирана.

¹⁵ Кум — город в Иране, к югу от Тегерана.

¹⁶ Сава, или Саве, — город в Иране, к северо-западу от Кума.

¹⁷ Султания — Султанийэ (Сольтание), город в северной части Ирана на дороге Тегеран — Тебриз.

¹⁸ Тавриз — Тебриз, город в Иранском Азербайджане.

¹⁹ Хасан-бек стоял во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу («белобаранных»).

²⁰ Токат — город в Малой Азии, к северу от Сиваса.

²¹ Амасия — Амася, город в Малой Азии, к северо-западу от Сиваса, на реке Ешиль-Ирмак.

¹ Бахрейн — группа островов в Персидском заливе.

² Джидда — гавань в Аравии на Красном море.

³ Арабстан — Аравия.

⁴ Гилян, или Гилян, — область на северо-западе Ирана.

⁵ Хуме, или Хомс, — древняя Эмеса, город в Сирии.

⁶ Алеппо — город в Сирии.

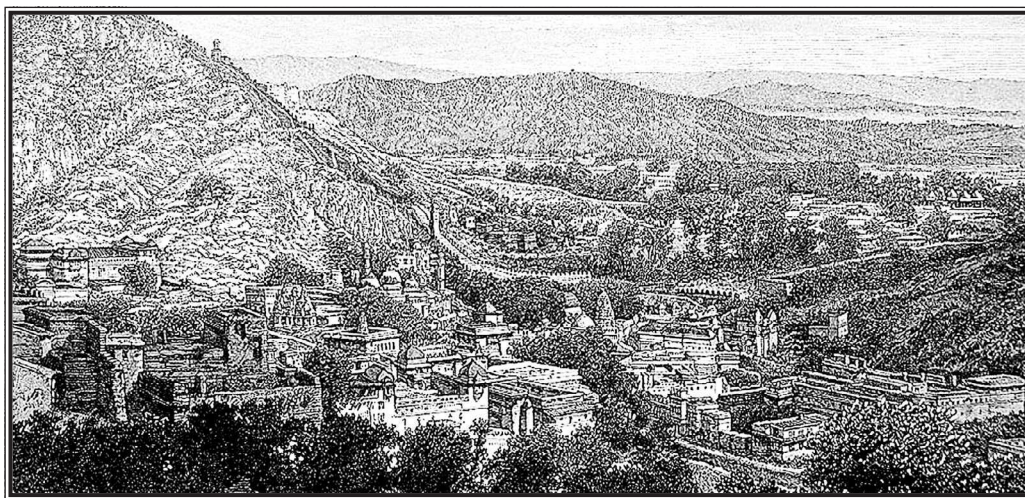
⁷ В Севастей Губе — Сивас, Севастия греков, город в восточной части Малой Азии, на р. Кызыл-Ирмак.

⁸ Волошская земля — Валахия, ныне Румыния.

⁹ Подольская земля — Подолия, русская область по верхнему течению р. Днестр.

¹⁰ Кулур — алмазные копи в районе Райчура, к юго-западу от Хайдарабада.

¹¹ Коилконда — Голконда, город к юго-востоку от Гулбарги.

Вид Амбера.

Гравюра на дереве. 1885 г.

сел. И пошли воюя на Караман¹. А я из орды пошел к Арзинджану², а из Арзинджана пошел в Трапезунд.

И пришел в Трапезунд³ на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и пробыл в Трапезунде 5 дней. И, придя на корабль, стоворился о плате — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину, а отдать его в Кафе⁴. В Трапезунде же субыши⁵ и паша причинили мне много зла: унесли весь мой хлам к себе в город, на гору, да и обыскали все; что мелочь была хорошая — всю выкрали, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного... Плыл же морем по ветру 5 дней и доплыл до Вонады⁶, но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане⁷ 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю;

¹ *Караман* — туркменское государство в юго-восточной части Малой Азии, существовавшее в XIII—XV вв.

² *Арзинджан* — Эрзинджан, город на Армянском нагорье к востоку от Сиваса.

³ *Трапезунд* — Трабзон, город на южном побережье Черного моря.

⁴ *Кафа* — ныне Феодосия, город и порт на юго-восточном берегу Крыма.

⁵ *Субыши*, или *субаши*, — военачальники, местные феодалы в Османской Турции.

⁶ *Вонада* — мыс на южном берегу Черного моря, к западу от Трабзона.

⁷ *Платана* — городок и гавань на южном берегу Черного моря, к западу от Трабзона.

боже истинный, боже покровитель! — потому что, кроме него, иного бога не знаем.

И море, было, проплыл, да занесло нас к Балаклаве, а оттуда к Гурзуфу, и стояли здесь 5 дней.

Божиею милостью приплыл в Кафу за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря. Остальное бог знает, бог покровитель ведает...

* * *

Внятное и размеренное, лишенное всяких литературных излишеств и при этом очень личное повествование Афанасия Никитина читается одним духом, но... ставит перед читателем множество вопросов. Как этот человек, лишившись всего своего имущества, добрался до Персии, а оттуда в Индию? Знал ли он заранее заморские языки или выучил их по дороге (ведь он так точно передает русскими буквами татарскую, персидскую и арабскую речь)? Было ли среди русских купцов обыкновенным умение ориентироваться по звездам? Как он добывал себе пропитание? Как собрал деньги, чтобы возвратиться в Россию?.. Тем и ценен этот первый из дошедших до нас рассказов о странствиях русских купцов в чужие пределы, что пробуждает наше любопытство, побуждает обращаться к повествованиям тех, кто после Никитина предпринимал дальние походы с целью, как они думали, получить прибыль, а оказалось — чтобы оставить нам не тускнеющие от времени описания своих странствий.

ФЕДОТ АФАНАСЬЕВИЧ КОТОВ

О московском купце Федоте Афанасьеве¹ Котове известно немного, вернее, почти ничего. Удивляться этому не приходится: он жил в первой половине XVII века — эпоху бурную, не располагавшую к сохранению архивов. Смутное время — не зря так называют пятнадцатилетие конца XVI — начала XVII веков, на которое, по-видимому, пришлось отрочество или юность Котова.

Напомним: в 1598 году умирает сын Ивана Грозного царь Федор Иоаннович — прерывается династия Рюриковичей. Царем становится фактический (с 1587 года) правитель государства Борис Годунов. Как почти каждый российский самодержец — из тех, чье происхождение или приход к власти вызывали сомнения в их легитимности, — Годунов прибегает к репрессиям. Вскоре на страну обрушивается голод 1601—1603 годов. Начинается чехарда самозванцев, а вслед за нею — Русско-польская война (1609—1618). После избрания в 1613 году на трон представителя новой династии — Романовых — на Руси спокойнее не стало. Долго еще ее сотрясали народные восстания. Лишь с заключением Деулинского перемирия (1618) наступает период постепенной стабилизации.

Есть предположение, что род Котовых вел торговлю с Востоком. Впервые имя самого Федота Котова встречается в 1617 году, когда боярская дума, желая отблагодарить англичан за участие в заключении Столбовского мира², вознамерилась по просьбе посла Джона Мерина (Мерика) выделить им участок около Вологды для посевов льна. Многие купцы выступили против, но Котов в числе других не видел в этом никакого ущерба русской льняной торговле. В 1619 году он упоминается как вновь поддержавший англичан, на этот раз речь шла о предоставлении им права осуществлять английскую торговлю с Персией через Московское государство. Побывал в Персии и сам Котов: как торговый представитель царя Михаила Федоровича Романова он в 1623—1624 годах совершил путешествие в Персию «в купчинах, с государевой казною». Его описание вошло в историю под названием «О ходе в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят».

В ходе этой экспедиции Котов преодолел по воде и суше тысячи верст: сперва спустился вниз по Волге до Астрахани, затем доплыл по Каспию до Ширвана, отсюда по суше дошел до Исфахана, потом побывал в «Турской земле», «Индеи» и «городе Индейском Урмузе». После благополучного возвращения на родину Котов либо сам описал свой поход, либо он был записан по его рассказу. Рассказ Котова — это дневник очевидца, тем он и ценен. Даже когда его описания недостоверны или фантастичны, они опираются на конкретные дошедшие до него слухи и, по-видимому, в очень малой степени зависят от литературной традиции. От описания городов, протяженности

¹ В старину только дворяне имели право писать отчество на *-вич*, «подлый» же народ писался на *-ов*.

² *Столбовский мир* — подписанный 27 февраля 1617 г. в Столбово (близ Тихвина) мирный договор, положивший конец Русско-шведской войне 1613—1617 гг. Этот договор совершенно отрезал Россию от Балтийского моря. Установленные Столбовским миром границы сохранялись до начала Северной войны 1700—1721 гг.

маршрутов и способов их преодоления до обычаев и внешнего вида местного населения, от ассортимента товаров и рыночных цен до встречи персидского шаха Аббаса — все в повествовании Котова представляет собой не литературную стилизацию, а подробный отчет очевидца. Нет сомнения, что современники Котова должны были зачитываться рукописями его «Хождения». С тех пор прошло более трех с половиной веков, но рассказ этот не потускнел и не выцвел — как не выцветает небесно-голубая глазурированная плитка, покрывающая купола восточных мечетей, столь наглядно описанных вдумчивым, наблюдательным и непредвзятым русским путешественником.

Этот рассказ был включен издательством «Эксмо» в приложения к изданию «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. В основу этой публикации было положено близкое к факсимильному воспроизведение одного из дошедших до нашего времени старинных списков памятника — «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века» (Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 1. С. 67—125).

В ходе подготовки «Хождения...» к печати использовалась также первая (неполная) его публикация — «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят» (Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 15. М., 1852).

Предлагаем вашему вниманию из этой публикации рассказ об Исфахане. Незадолго до путешествия Котова шах Аббас I Великий (1587—1629) сделал его столицей Сефевидов¹ — тут-то и начался золотой век города. Персы называли его Нисф-е-Джахан («половина мира»), подразумевая, что увидеть Исфахан — все равно что увидеть половину мира. Это был один из крупнейших городов того времени с населением более полумиллиона жителей, полутора сотнями мечетей, почти полусотней медресе, более чем тысячей торговых лавок. Не удивительно, что на русского путешественника он произвел ошеломляющее впечатление.

ИСФАХАН

Исфахан — столичный город Персидского царства, город большой и великолепный, только крепость плоха, вроде глиняного забора вокруг садов.

¹ Названа по имени основателя — шаха Исмаила Сефевидов, или Исмаила I (1487—1524) — шахиншаха Азербайджана и Персии, полководца и поэта, прадеда Аббаса Великого.

Царские дворцы стоят воротами на большую площадь. Ворота высокие, над воротами — палаты, золотом расписанные. Они стоят одна над другой в три яруса. В те палаты приходят всякие послы и купцы. Палаты, в коих живет сам шах, стоят в садах, от ворот далече; они — низкие. А здесь живут шахские жены, и большие ворота этого дворца тоже выходят на площадь, но они низкие. Жилые палаты стоят в саду далеко от ворот. А у обоих ворот стоят беки и тюфянчи, а по-русски — дети боярские и стрельцы. Между крепостью и посадами — большая широкая площадь. Вокруг площади — вымощенный камнем ров, а в нем вода. По обоим концам площади стоят по два столба каменных высоты в два человеческих роста. На площади, напротив шахских ворот, лежат пушки медные и железные, среди них есть и большие, но лежат в беспорядке, без станков и без колод, а иные песком и землею забиты. Площадь гладкая, ровная, длиною больше четырехсот сажень², а поперек — сажень сто. Около площади [торговые] ряды, кофейни, гостиные дворы, мечети — и все каменные. Гостиных дворов, сказывают, больше ста.

У них на амбарах и внутри нарисованы разными красками и золотом всякие травы. Торгуют там всякие люди: тезики, индийцы, турки, арабы, армяне, аравляне и жиды. А с конца площади на высоких воротах стоят часы. И то место расписано золотом и искусно отделано. А при часах русский мастер. Теми воротами ходят в Тынчак³ — это у них такой большой [торговый] ряд, как у нас Сурожский ряд. Тут торгуют всякими товарами и деньги делают. А в ряду лавки каменные, с амбарами наверху, своды каменные и крыши искусно построены. Лавки снаружи и внутри расписаны разными красками и золотом. С двух сторон Тынчи большие ворота с железными цепями и коновязи. В Тынче, кроме верхних амбаров и [торговых] киосков, еще русских лавок двести⁴. А сбоку Тынчи ряд, там делают всякие медные изделия. В том же ряду киндяки⁵ делают и красят. А миткали⁶ привозят из Индии и от арабов.

[Торговый] ряд — каменный, с верхними амбарами, своды каменные. Лавок в том ряду до

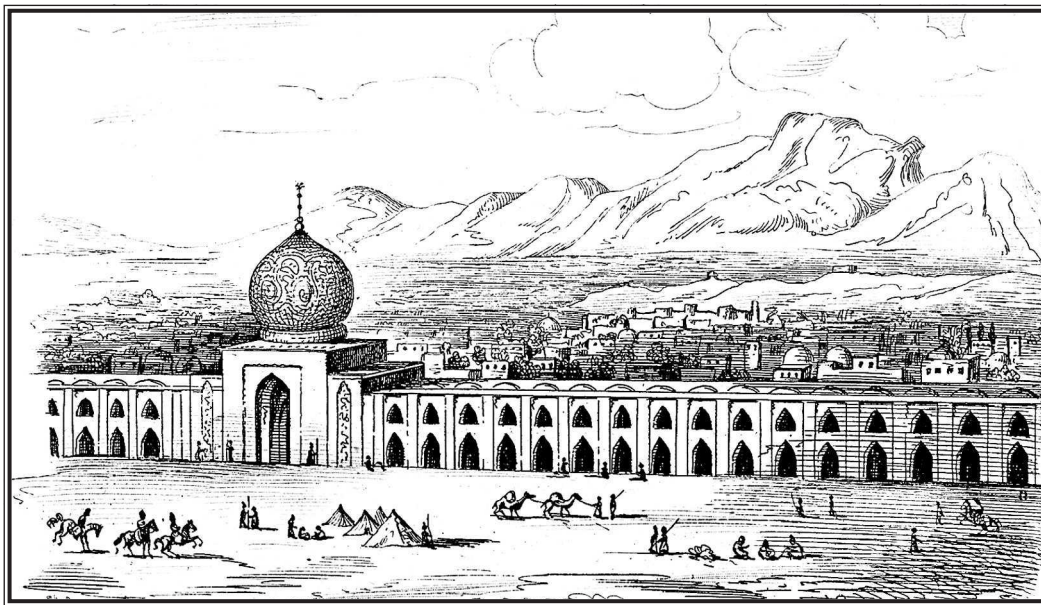
² Т. е. более 860м. (Сажень по Соборному уложению 1649 г. равнялась 3 аршинам, или 2,16 м.)

³ Центральная торговая площадь и рынок в Исфахане; ныне — пл. Имама Хомейни.

⁴ Явное преувеличение или описка переписчика. В XVII в. числовые значения передавались буквами; вместо «с» (200) разумнее предположить «е» (5).

⁵ Киндяки — набивные ткани.

⁶ Миткаль — суровая тонкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения. Состоит из довольно толстых нитей неотбеленной пряжи, обычно имеет сероватый оттенок.

Исфахан.

Гравюра Ж. Буайи из издания «Живописное путешествие в Азию и Африку». 1839 г.

четырёхсот. А как из Тынчи выйти, то по правую руку, мимо шахских ворот, ещё есть ряд, на котором торгуют разными товарами, продают башлыки, а около шахских ворот делают сабли и шатры. И ряд тот со сводами каменными и верхними амбарами. А в том ряду, кроме верхних амбаров, есть ещё двести лавок. Между этими рядами есть ещё ряд. На другой стороне площади, напротив Тынчи, также ряд каменный с каменными сводами, и в том ряду делают сундуки, всякие деревянные изделия, решетки, и пишут книги, и продают чернила и чернильницы. А посреди того ряда строит шах новую большую мечеть, которую строят уже шестой год и должны достроить к 7133 (1625) году, а величину мечеть — в длину от больших дверей восемьдесят сажень, поперек, с приделами, сто сажень. И строят из резного камня. Постройка и обработка камня искусны. В мечети уже есть вода. Мечеть ещё не покрыта, но разряжена, как скверная невеста. Она ещё не достроена, но над воротами и все внутри уже расписано золотом. Тут же перед мечетью сидит их мулла и судит мужей с женами, разводит их и выдает разводные грамоты. С другой стороны мечети идет ряд того же базара, где делают седла. А лавок в том ряду, кроме верхних амбаров, девяносто.

По левую сторону Тынчи, против шахских ворот, по другой стороне площади, ряд, где торгуют всякой всячиной, делают шелковые и [хлопчато] бумажные товары. А посреди того ряда, против шахских ворот, стоит большая каменная мечеть. В том ряду лавок

двести. Все те [торговые] ряды около площади, а позади них и по сторонам, и на перекрестках есть ещё ряды, и все они каменные. А подле площади, от Тынчи налево и направо, построены каменные палаты, называются кофейни; они расписаны красками и золотом, с обеих сторон кофейен сделаны деревянные решетки, сквозь которые кызылбаши¹ смотрят на игру, а денег не платят. Верх у всех кофейен расписан красками с золотом.

Во всех кофейнях выше роста человека протянута переплетенная проволока вроде сетки или шахматной доски. В каждой клетке стоит по стеклянной стопке с фитилем, в них налито кунжутное масло, и те склянки зажигают с маслом по вечерам. Да в кофейнях же сделаны бассейны каменные с водою, и кругом тех бассейнов ребята пляшут с бубенцами индийскими. А иные бьют по бубнам и в зурны играют и в сопелки. Ребята все молодые и хорошие, и платье на них, и чалмы, и кушаки с золотом, а за пояс на боках как бы сборки лихо подот-

¹ Т. е. персы. Кызылбаши, или Шахская земля, — названия Персии на Руси в XVI—XVII вв. Шахская земля — от названия верховного правителя Персии шаха, кызылбаши — по имени правивших в стране кызылбашских племен, которые составляли до начала правления шаха Аббаса I основную военную силу Сефевидов. Название «кызылбаши» (буквально «красноголовые») эти племена получили из-за красных полос на головном уборе, который они носили. В Московской Руси персов называли кызылбаши даже в официальных документах.

кнуты. А на площади торгуют всякими товарами, и мелочью, и ветошью, и всякие овощи продают: яблоки и арбузы, дыни и груши, и огурцы, и померанцы, и оранжи, курагу, лимоны свежие, изюм, винные ягоды кишмиш и всякий виноград, орехи грецкие, ядра миндальные, и иные всякие овощи, и хлеб — пшеницу, и муку, и пшено, и просо, и дрова, и солому пшеничную. А сена [на продажу] нет во всей шахской земле, только трава, в трубки скрученная. Все продают на вес на батманы: дрова и траву, и муку, и пшеницу, и масло, и всякие овощи.

Тут же на площади устраиваются разные зрелища: играют в кости в чашах, раскладывают по земле камешки, делая разные узоры, гадают по книгам, дервиши сказывают, как жили их проклятые¹ святые, проповедуют свое учение. О дервишах будет написано ниже. В конце площади, у Тынчи, на верхних амбарах устроены большие сараи, сверху крытые, по бокам открытые. Тут персы бьют в набаты² и в литавры, трубят в большие трубы, как коровы режут, и играют на зурнах. Это с правой стороны Тынчи. С левой стороны сделан такой же сарай. Тут бьют в двадцать набатов, трубят в трубы и играют на зурнах турки, взятые шахом в Багдаде в плен.

Каждый вечер народ со всем товаром и с харчем с площади сгоняют, площадь чистят и ровняют мелким камнем и крупным песком, поливают водою, чтобы не было летом пыли от коней. И тогда на площадь выезжает сам шах потешиться, чуть не ежедневно заезжает в кофейни, а перед ним пляшут потешные его молодцы³ и ребята из кофейен. А другие стоят против него на площади с восковыми горящими свечами. И вокруг всей площади горят светильники с нефтью! И так он тешится до позднего вечера: стреляют порохом, селитрою и бумагой, и кружатся по площади, как змеи. А шах охоч и днем погулять по площади и рядам, в которых не так многолюдно; тогда перед ним ходят скороходы с батожками, но иной раз он гуляет и без скороходов.

От большой площади, от Тынчи, до старой площади версты с полторы, если идти вдоль каменных рядов в левую сторону. А на старой площади продают всякое зерно, овощи и дрова на вес. Тут устраиваются разные зрелища: выпускают больших живых змей, волхвуют, виновных казнят (вспарывают животы и кожу с живых сдирают и на уды мечут⁴).

¹ Суннитские.

² Бубны.

³ Шуты.

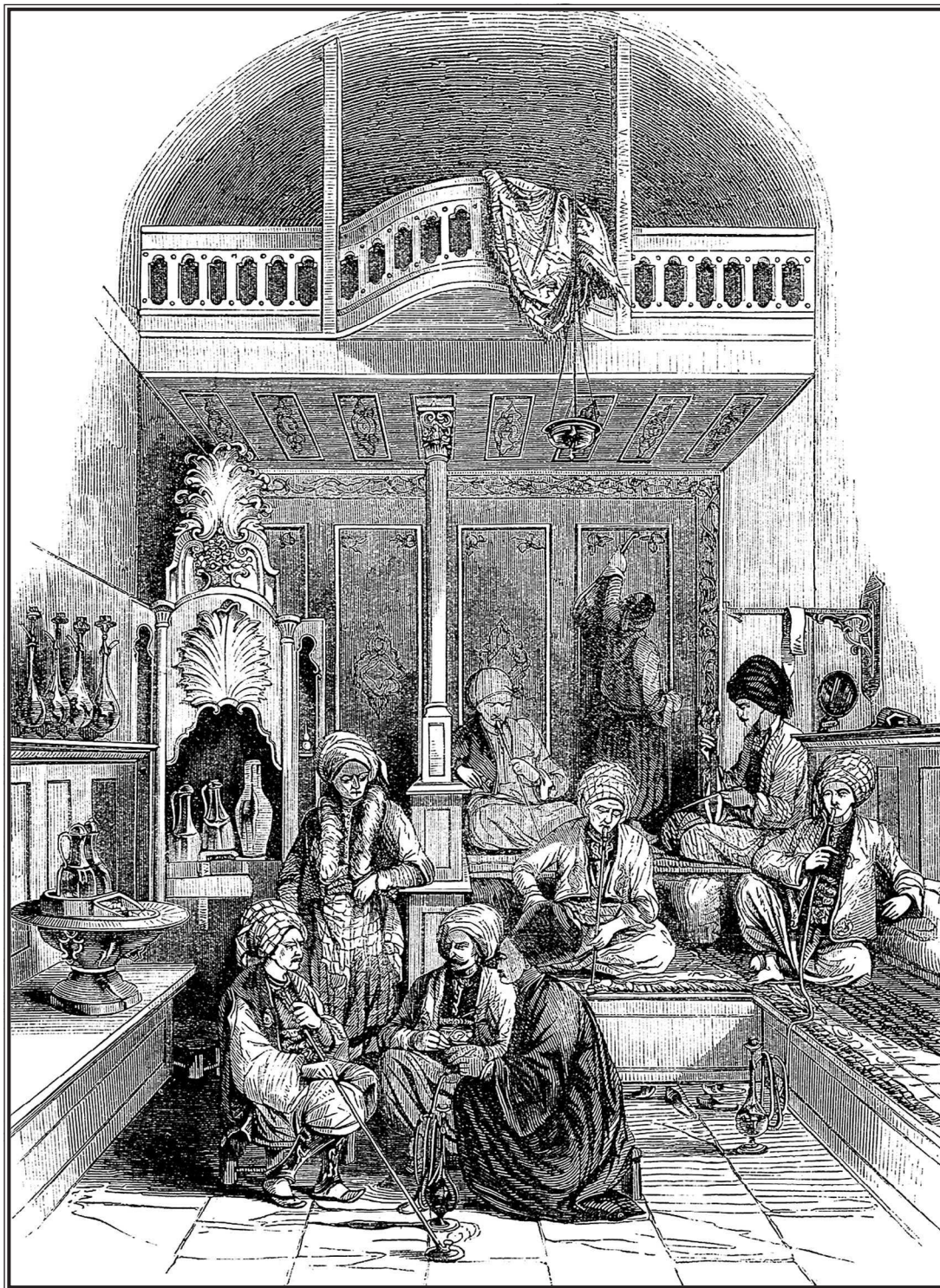
⁴ Возможно, означает: *режут на части*. М. П. Петровский, осуществляя издание 1906 г. по списку XVII в., предположил вместо «на уды» (на части или на члены [тела]) — «на узы» (талисманы, амулеты).

25 июня 7132 (1624) года шах вернулся после взятия турецкого города Багдада. В Исфахане его встречали промеж садов и армянских слобод. Навстречу шаху вышли из города все люди с женами и с детьми, весь народ по статьям: кызыл-баш и персы, армяне своим полком с женами и детьми, индийцы своим полком, жиды своим полком с женами и детьми, аврамляне своим полком, курды своим полком, все пешие, блятьки своим полком. И на конях ехали красиво, шеголевато, скороходы с барсами, в чистом платье, украшенном золотом, держа быстрых коней, перед самим шахом. Перед ним же, на ходу, пляшут ребята из кофейен, бьют в ладоши, а пляшут с бубенцами индийскими.

Встречали шаха за пять верст от главной площади. Дорога шла между садами армянских, жидовских, аврамлянских и тебризских слобод⁵. Шахские сады пышные и тянутся до того места, где сам шах живет. Вокруг них каменные ограды и по обе стороны садов частые ворота, расписанные золотом. А над воротами палаты с крылечками⁶ впереди, и все расписано золотом. Версты за две от площади в этих садах сделан большой каменный бассейн: стоит, полный воды. В середине бассейна поставлена медная труба, из той трубы бьет вверх из-под земли вода выше роста человека. Доехали до моста, построенного в шахских садах через реку Испоганьку. Эта река невелика, мелка, ее и человек, и конь перейдут вброд, она проходит через сады и слободы. В ней водится рыба, похожая на русских подъязиков, только вкус другой, да и той очень мало. Кроме этой рыбы, никакой другой нет. Не доходя до моста, от улицы идут через сады в поля большие слободы, называются жулфы — армянская, аврамлянская, жидовская, тебризская; в каждой — мечеть по своей вере. Через реку стоит большой и высокий каменный мост длиною в 150 саженой, шириною в 40 саженой. А по обе стороны моста высокие и широкие, как городские, стены, на верх которых ведут каменные лестницы. Сквозь стены сделан проход для людей, а от прохода вниз к воде тоже идут лестницы. По обе стороны моста на стенах сидели жонки ряда в два, а где и в три. При встрече шаха, когда он ехал из-под Багдада, они кричали во весь голос, били себя руками по губам, благодаря чему голос раздваивался. Тут же, на мосту, трубили в большие трубы, играли на зурнах, били в литавры и в набаты. Когда проходил шах, все люди, жонки, ребята и девки кричали и плясали. Крик сто-

⁵ Т. е. выходцев из Тебриза. *Тебриз* — центральный город провинции Азербайджан, в XVI в. — столица государства Сефевидов (1501—1555), в XVII в. — крупный торгово-ремесленный центр, в следующем после похода Котова столетии — столица Тебризского ханства (1742—1802).

⁶ Балконами.

В турецкой кофейне.

Гравюра из американского иллюстрированного издания
«*Gleason's Pictorial Drawing-Room Companion*». 1854 г.

ял такой страшный, что нельзя было друг с другом словом перемолвиться, а теснота была такая, что невозможно было ни ехать, ни идти пешком — друг друга давили, разрывали платье, отрывали стремяна, а пеших топтали. В персидском царстве закон такой: кто не идет шаха встречать — от 7 до 80 лет, мужского полу и женского, — того казнят смертною казнью (животы вспарывают).

От моста ехать промеж садов, путь идет широкой улицей. Частые ворота в сады расписаны золотом, над воротами палаты с крыльцами, тоже расписанные золотом. Доехали до улицы, по обеим сторонам ее стоят две каменные мечети; в них все расписано красная. Из мечети с правой стороны навстречу шаху вышли муллы и кешиши, а по-нашему попы, вынесли что-то вроде киота с нарисованным на нем их кумиром. Когда шах к нему прикладывался, муллы и кешиши стояли и пели, а в руках у них горели восковые свечи длиною в аршин¹ и больше, один конец тонкий, другой толстый, раскрашены разными красками — красною, зеленою, синею, желтою — и зажигаются с тонкого конца.

С левой стороны сада, против этой мечети, стоит другая мечеть, тоже каменная и красками расписанная. На ее стене висят четыре русских образа — «Рождество Христово» и «Вход в Иерусалим», а с другой стороны «Преображение Господне» и «Богоявление» с русской надписью, и писаны они красками, размером в пядь. Эти иконы повешены высоко, выше роста человека, их едва можно достать рукою. Говорят, что они принесены из Грузинской земли. В этой же мечети на доске нарисован их болван мужичий², в ней же лежат и шесты со знаменами. Не сравниваю, но они как наши хоругви, которые носят в праздники вместе с иконами. А у них те шесты носят на их праздники и перед мертвыми. Шесты длиною саженой по десяти, виноградные, тонкие, и когда их поднимают, они сгибаются.

К верху шестов привязана шелковая полоска узенькая и тонкая, длиною саженой в пять, свисающая до середины шеста; на верху шестов сделаны из железа будто ножницы или журавлиный нос, а на некоторых — решетчатые кресты, круги и львы. А в тех мечетях живут охраняющие их дервиши. Эти мечети стоят пустые, в них ничего нет, висят только медные паникадила, сделанные на свой лад в виде отлитых из меди змеиных голов. Дервиши ходят по площади, улицам и [торговым] рядам и рассказывают про житие и смерть своих проклятых святых. Они ходят нагие и босые, только прикрывают срамные места овчиною и через плечо носят овчину

шерстью наверх, а на головах носят дурацкие колпаки. В руках они носят палицы, копья, топоры, в шагах — серьги из хрусталя. Образ их страшен, как у сумасшедших или дураков. Днем они ходят по площади и по улицам, мало едят и пьют, а ночью чихирь³ пьют и с блятками и с ребятами блуд творят. И сей повести здесь конец, потому что всего не опишешь; что видели, то и написали.

Дальше будет писано о бусурманских⁴ праздниках в Персидской земле.

Первый праздник начинают в марте месяце в новолуние, его называют байрам Наурус, а по-нашему новый год. Его начинают праздновать, как только увидят новую луну, и всю эту ночь не спят, играют, трубят в трубы и в зурны, бьют в литавры без остановки. С вечера все лавки в [торговых] рядах белят, красят разноцветными красками, украшают цветами. А утром во всех лавках и в домах зажигают свечи в подсвечниках и лампы — по десяти штук и больше в каждой лавке, и так горят они часа три; потом свечи гасят, лавки и ряды запирают, расходятся по домам, ничем не торгуют, только на площади устраиваются разные игры и зрелища, носят в руках и бьют красные яйца, целуют друг у друга руки. А у себя в домах, в палатах и в садах стелют ковры, раскладывают на них все свое добро и платье и по всему этому валяются, осыпают себя деньгами, а у кого деньги небольшие, те их просто все время пересыпают в кармане и говорят, чтобы у нас, дескать, в новом году каждый день прибывало. Этот праздник празднуют три дня, трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в литавры и в набаты; так они отмечают свои праздники. В мечетях же никакого богослужения нет, только муллы залезут на мечеть, заткнут себе уши пальцами и, закинув голову в небо, кричат молитву. И так кричат три раза в день: утром, в полдень и вечером. Праздник отмечают также блудом, перед праздником с женами спят и в гостиных дворах с блятками время проводят, кто сколько захочет и может. И говорят, что в этом греха нет, что в этом, мол, спасение.

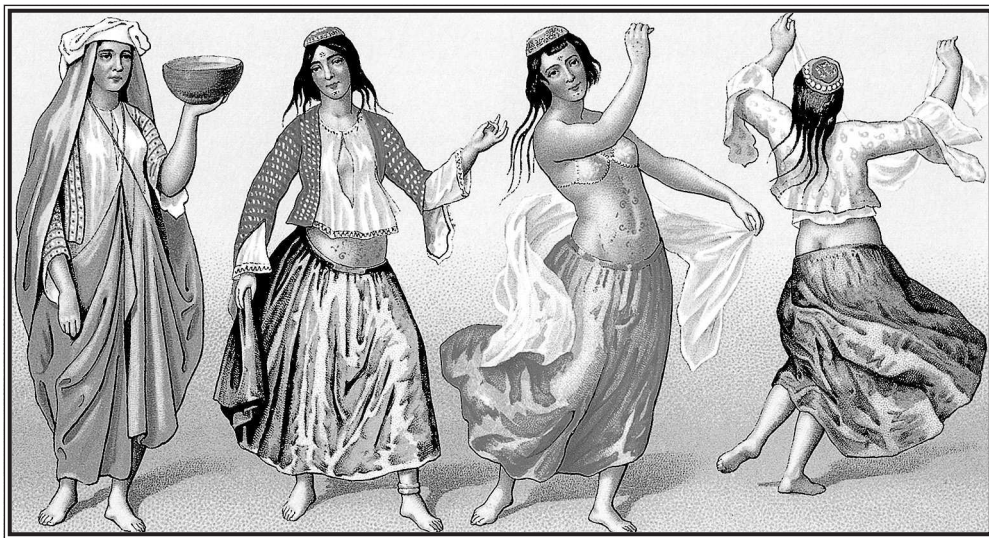
Другой их праздник — в июле, когда постятся весь месяц. А пост у них таков: днем никто не пьет, не ест, а только солнце сядет, начинают и пить, и есть мясо, в кофейнях и на площади играть и плясать, показывать разные зрелища. Всю ночь у них горят свечи в подсвечниках и лампы; сами спят с женами и с блятками. Этот пост у них добровольный — кто хочет, тот и постится, кто не хочет, тот не постится. Служилые люди не постятся. Пост у них только один раз в год.

¹ Около 70 см.

² Идол в виде мужчины (*Болван* — истукан, статуя, идол, языческий изваянный бог. — *Даль*).

³ Красное домашнее молодое (неперебродившее) вино.

⁴ Котов везде называет мусульман бусурманами, мы не стали заменять это слово.

Танцующие персиянки.

Иллюстрация из издания Огюста Расине «История костюма». 1876 г.

Как лунный месяц пройдет и появится на небе новый месяц в августе, начинается второй праздник — байрам рамазан. В этот праздник разговляются, начинают днем есть и пить. А под праздник всю ночь не спят, с вечера трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в литавры и в набаты, и опять свечи в [торговых] рядах, и в лавках, и в кофейнях застят; пляшут на площади, хлопают в ладоши, устраивают всякие зрелища, продают красные яйца, носят их в руках, друг друга берут за руки, целуются, ничем не торгуют, ряды запирают. Празднуют три дня и ежедневно трубят в трубы, играют на зурнах, бьют в набаты и в литавры.

Того же августа месяца в 15-й день было у шаха представление, но не праздник. Собрался весь народ на площади против больших шахских ворот — с кувшинами, с пиалами, с чарками, с чашами. Сам шах на крыльце над большими воротами, с ним были послы и купцы. Перед самыми воротами люди играли, трубили в большие трубы, ревели, как буйволы, играли на зурнах, били в литавры и в набаты. А как только шах с балкона полил воду на землю и на людей, так все стоявшие перед воротами и по всей площади начали поливаться водой, толкать друг друга в воду, мазать себя и других, кто бы ни был, грязью, всех приближенных шаха измазали грязью. А шах всем приказал быть на той потехе только в лучшем платье. И вот часа два люди всех чинов поливались водою и мазались, а шах смотрел на эту потеху с балкона. И это у него потеха, а не праздник.

Третий праздник начинают праздновать с 1-го числа нового лунного месяца сентября, как мо-

лодой месяц увидят. И празднуют 10 дней. В эти 10 дней выводят верблюда. Праздник называется байрам курбан. Сказывают, под этот праздник Авраам сына своего Исаака в жертву привел принести из царства в поле. И того верблюда, покрытого коврами и украшенного цветами, в те 10 дней водят по площади, по рядам, по всем улицам. Перед ним идут люди, играют на зурнах и бьют в бубны. А посторонние люди, жонки и ребята щиплют с верблюда шерсть себе во спасение. Как подойдет 10-е число, верблюда выводят из города в поле, перед ним несут украшенные копье и топор. Перед верблюдом, когда его ведут к месту жертвоприношения, идет большой полк исфаханцев, все связаны друг с другом и вопят все во весь голос, как бешеные. А после этого полка идет другой — тебризцы, тоже связанные, и вопят тоже, как бешеные — во весь голос. И все люди, идущие перед верблюдом, вопят. И тот людской крик и конское смешение страшно видеть и слышать. А на поле, куда ведут верблюда, уже устроено место, расчищенное, как гумно, и водою политое.

И как выедет сам шах, а с ним все ханы, султаны, приближенные, служилые люди, и все с женами и с детьми, тогда выезжает и даруга¹, а по-нашему городской боярин, который в Исфахане всеми делами ведает: сады судит и виновных казнит. Этот даруга был грузинский царевич. За ним несут дров-

¹ *Даруга* — титул наместника в среднеазиатских ханствах; иногда употреблялся в более узком значении — сборщик налогов («даруга, по-нашему — приказной человек», — встречаем у Котова).

ко, на одном конце которого рогатина, а на другом копые, украшенное золотым яблоком, и украшенный топор. Верблюда на том подготовленном месте валят наземь, ноги у него связывают, на ноги и на голову ему садятся мясники с ножами человек тридцать. К верблюду подъезжают шах, его приближенные, послы и купцы иноземные. Шах, сидя на коне, начинает говорить фатху¹, а по-нашему — молитву по своей вере. А как молитву проговорит, то махнет рукой даруге, и даруга подъедет на коне к верблюду, возьмет у копыеносца копые и ударит верблюда копыем с коня промеж ребер, и сам прочь поедет, а копые в нем оставит. Тогда шах, все его приближенные, послы, купцы и все люди быстро уезжают, а пешие бегут. Мясники тотчас же голову верблюда отрежут, рассекут его самого на куски и понесут ко дворцу шаха. А когда шах и весь народ поедут улицей, через сады, местами, о которых было раньше написано, то по тем улицам и мосту из-за тесноты от людей и коней едва можно проехать. Наверху вдоль всего моста в несколько рядов сидят жонки и вопят во весь голос, рукою бьют сами себя по губам, чтобы голос раздваивался. И тот крик страшно слышать.

А как воротился шах в передние сады и взошел на крыльцо над садовыми воротами, а с ним его приближенные, послы и купцы, то и голову верблюжью тут же привезли на лошади. И на каменном помосте перед шаховым балконом ее высоко поднимали на руках мужики, потом опускали на землю, а сами вопят, и так поднимали и опускали голову до пяти раз, а после того подняли мужика сначала на плечи, потом на руках выше своих голов и держали его так долгое время, пока шах стоял на балконе и говорил молитву по своей вере; тогда человека опустили на землю. Верблюжью голову, ноги и мясо принесли на большую площадь. Там связанные между собой люди стали по своим полкам, и вот началось побоище за верблюжью голову; тебризцы бились с исфаханцами страшным боем на конях и пешие и убивались до смерти. Осилевший полк берет верблюжью голову и относит ее к шаху, и шах тот полк награждает. А кто на тот бой не ходит, про тех людей докладывают даруге, и он им делает внушение и читает наставление. А если которого мужа жена не идет встречать шаха, тем мужьям также делают внушение и штраф берут. А если во второй раз не выйдет муж или жена, тех даруга казнит. И так они празднуют три дня, ничего не делают, не торгуют, бьют в набаты, трубят в трубы, играют на зурнах, продают красные яйца, берут друг друга за руки, целуют руки друг у друга. А как

пройдет неделя праздника, всю ночь бьют в набаты и в литавры, играют на зурнах, трубят в трубы до пяти часов дня. В мечетях службы нет, а бывают только игры.

Четвертый праздник, байрам ошур, начинается с первого числа лунного месяца ноября и празднуется по десятое число этого месяца. Ходят вместе по двое мужиков на многие статьи. А сами ходят наги и босы, только в одних штанах, а вымазаны все черною нефтью, и черны все что арапы, только одни зубы видать; держат у себя по камню в руках, ходят по площади и по улицам и по рядам и по дворам, и в камешки бьют, и говорят: «ксень, ксень, таусень»² беспрестанно. Десять дней они ходят по площади и улицам, носят обитые бархатом, украшенные медной проволокой, оловом и стеклом гробы, а перед теми гробами на верблюдах ездят голые ребята, сидя лицом к хвосту, и тоже вопят: «Ксень!» Перед гробами носят длинные шесты, про них выше писано, и водят оседланных коней со всей сбруей, носят шлем, латы, колчан с луком, саблю и копые, и два маленьких едут голые на конях, а тело, голова и лицо у них измазаны кровью. На другой лошади едет голый мужик, завернутый в сырую баранью кожу, шерстью к телу, мездрой вверх, а на хребте продета сквозь кожу стрела. Перед этими же гробами возят на ишаке наряженное чучело, сделанное из меха и набитое соломой; его лук и стрелы сделаны из лучины, а на голове колпак с кистью; с боков его поддерживают, чтобы не упал. Все его ругают и плюют на него. Все это на площади, где все люди с женами и детьми. Жонки плачут, а мужики и ребята головы себе режут бритвами и ходят окровавленные. И на руках, и на груди режут и кровью мажут лицо, голову, руки. Потом соломенное чучело вывезут в поле за город, принесут соломы и нефти, польют нефтью и сожгут его, а себя цепями бьют. Так они празднуют день, когда были убиты их проклятые и имам Хусейн, и окровавленные ребята — якобы его дети, а соломенное чучело — тот, кто их убил.

А всего в Персидской земле четыре праздника. И написано про них не во славу их, а в укоризну, в осуждение и на погибель им.

Каждую неделю бусурмане празднуют пятницу. В этот день не торгуют, в рядах не сидят, а сами под пятницу с женами и с блятками спят и перед рассветом в банях моются, а поутру в пятницу, когда рассветает, ходят на кладбища, где их мертвые ле-

¹ Сура Аль-Фатиха (араб. открывающая) — первая сура Корана.

² Ксень, ксень — искаж. «Хусейн! Хусейн!». Таусень явно заимствовано [Котовым] из русского святочного обряда, ср. таусень как припев в колядках, исполняемых в Васильев вечер, так называемых таусенных песнях» (М. Ю. Лотман. Очерки по ист. рус. культуры... // Из ист. рус. культуры. Т. 4. М., 1996).

жат, и тут над ними плачут. Таков у них праздник. Написано это в осуждение им, а не во хвалу.

Сказывают, в пятницу родился Мухаммед, и с того времени этот день празднуют еженедельно. А сказано это как поношение и укоризна, ему на вечные муки и вечный огонь.

Зима в Персидской земле короткая. Пашут землю, сеют пшеницу и ячмень около рождества Христова и Крещения. Около Великого заговенья и после Великого поста начинает выпадать снег: ночью падает, а днем тает. На горах снега выпадает много, а на полях — нет. И так до Благовещенья. Земля не замерзает, и всякий скот — овцы, коровы, кони, буйволы, ишаки и верблюды — все в поле травой сыты бывают; загонов для них не делают. На Георгиев день поспевают хлеб, и его жнут, а овощи поспевают еще раньше. В Исфахане второй раз сеют хлеб, и он вырастает к Успенью. Однако хлеб поспевают не везде одновременно: в одном городе его жнут, в другом только сеют.

В Гилянской земле около моря теплее, чем в других городах. К Великому заговенью расцветают разные цветы. Хлеб в Гилянской земле, в Фарабаде, вредный — люди от него бесятся, и место тут нездоровое. А лесов в Гиляне около моря много, а также рыбы — севрюги, осетрины, белуги. Но во всей шахской земле, кроме Гиляна, лесов нет никаких, только горы. И рек нет никаких — вода всюду проведена с гор, воду проводят по полям и тем поливают нивы. А дождей, кроме Гилянской земли и Шемахи, нигде не бывает.

Персы и кызылбаши носят озямные, киндячные, дорогильные, кумачные или кутняные¹ кафтаны, вокруг пояса большие кушаки, а сверху кушаков вишневые шали, на головах чалмы, на ногах — чулки и башмаки. Жонки ходят, закутавшись в тонкие миткали, ни лица, ни глаз не видно. На ногах носят суконные чулки и башмаки, а у иных чулки бархатные.

Все жонки и девки ходят в штанах. Косы заплетают длинные, до пояса и до пят, по две, по три и по четыре, вплетают в косы и чужие волосы и тем украшают себя. В ноздрях носят золотые кольца с драгоценными камнями и жемчугом. Их исподнее платье — кафтаны узкие без ворота, а на груди, около шеи и на лбу они носят нитки жемчуга. Персы и кызылбаши называются бусурманами потому, что их попы обрезают срамные уды у мужского

пола. И как отрежут конец плоти, то ту плоть наричают на нить и носят на шее. А жен держат, сколько кто хочет и может: по две, по три, по пяти и по семи.

У аврамлян, что были у шаха на встрече, лица смиренные, бороды у всех большие, волосы черные. А жен держат по две, по три, и по пяти, и по семи, и по сколько кто захочет и сможет. Платье носят широкое, у всех кирпичного цвета, сделанное из верблюжьей шерсти, на голове носят чалму, ходят босиком, штаны носят всего лишь до колен. На жонках платье желтое, сделано из той же верблюжьей шерсти. Говорят, что они веруют в Авраама и зовутся аврамляне. Когда кто-нибудь у них умирает, они ставят его около своей мечети, подпирают вилами под горло, чтобы не упал, и он стоит до тех пор, пока не прилетит птица и не выклюет у него глаз. Если выклюет правый глаз, это значит, умерший — праведник, выклюет левый — значит, не угодил богу. Потом их хоронят в земле.

А что до мултанеев... а по-нашему индийцев, то у них веры разные — одни держатся бусурманской, другие веруют в солнце. Как утром солнце встает, так они ему молятся! А другие мултanei мажут переносицу около лба желтою краскою. У них если кто умрет, того вывозят за город или за посады в поле и сжигают на костре, а пепел развеивают. Говорят: пошел, мол, на небо. Называются эти индийцы христианами. Все мултanei носят платье белое миткалевое, белую чалму на голове, а ростом невелики, лицом бледные, сухие и смуглые.

А жиды, мужики и жонки, носят вишневое платье, как у русских дяконов стихари с оплечьем, а по подолу кругом оторочка, на голове у которых чалмы, а у других — шапки, как клобуки. У жонки их на голове большие желтые платки, лиц они не закрывают, станом плоски. А у них самих бороды большие, лица чистые. Это им на погибель и бесконечную муку. В персидском царстве их не любят, убивают и озлобляют, называют их «чагатами», а некоторые — «жигутами»².

А в Казвине³ есть зверь — тигр, величиною больше льва, шерсть у него цвета глины, короткая, поперек идут черные полосы. Губы, как у кота, и повадки кошачьи, а сам пузатый, ноги короткие, тело длинное, голос сильный и страшный, когти, как у льва.

Вот и вся повесть досюда!

¹ Здесь перечисляются различные персидские ткани, известные в то время на Руси. *Озямные* — материи для *осямов* (длинных кафтанов с узкими рукавами). *Дорога* — полосатая и клетчатая ткань. *Кумач* — бумажная красная материя. *Кутня* — полушелковая материя для верхнего платья.

² *Жигуты, чагаты* — искаженное *перс.* «джахудийя», т. е. евреи.

³ Казвин в XVI в. был столицей сефевидской Персии; в XVII в. уступал в пышности только Исфахану.

ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГАГАРА¹

Купец Василий Яковлев Гагара (Гогара), уроженец города Плеса-на-Волге, жил в Казани и вел торговлю с Востоком. По собственному его свидетельству, до 40 лет он вел жизнь греховную («аки свинья в кале греховне пребых, блуд творяше беспрестанно»), пока удары судьбы не заставили его исправиться. Дела его расстроились: товар, посланный в Персию, утонул в море; почти одновременно скончалась его жена. Под влиянием этих несчастий Гагара дал обет отправиться в Иерусалим «помолитися и у Господня гроба приложитися, и во Иердане искупатися, и многим патриархом греческим о гресех своих блудных и скверных покаяться, и потом от них принята благословение». После этого он за один год нажил вдвое более потерянного и решил привести свой обет в исполнение.

В 1634 г. со своим слугой Гаранькой, ранее ездившим с его товарами в Персию, и восемью другими спутниками Гагара отправился в путь. Путешествие до Иерусалима длилось целый год — через Астрахань, Тифлис, Эривань, Ардаган, Карс, Эрзерум, Севастию, Кесарию, Алеппо, Амидонию, Дамаск и Самарию. В Иерусалиме Гагара побывал на приеме у Вифлеемского митрополита Афанасия и через три дня отправился в Египет, где пробыл 14 недель — с декабря 1635 г. до середины марта 1636 г. В Каире и его окрестностях осмотрел христианские древности и пирамиды. Получив от Александрийского патриарха Герасима Спарталиота грамоту к царю Михаилу Феодоровичу, Гагара пустился в обратный путь. Посетив на обратном пути Синай, за две с половиной недели до Пасхи пришел в Иерусалим и встретил здесь Светлый праздник, приходившийся в 1636 г. на 17 апреля.

Затем он пошел на родину сначала прежним своим путем, но, услышав о движении персидских войск против турок, не решился идти на Грузию, а свернул к Черному морю и имел намерение от Синопа продолжать путь морем. Греки, однако, отсоветовали ему морское путешествие вследствие слухов о походе Крымского хана на Русскую землю. Тогда Гагара пошел по морскому берегу к Константинополю, переплыл море у Галлиполи и пересек Болгарию и Румынию, по пути собирая сведения о внешней политике Турции, Польши, Молдавии. В Яссах встречался с митрополитом Варлаамом. Затем через Польшу проследовал в Украину.

В Виннице воевода Калиновский, приняв Гагару за московского посла в Турции Афанасия Буколова, задержал его на три с половиной месяца, а все бывшие при нем бумаги и грамоты отправил в Варшаву королю Владиславу IV. Лишь по получении грамоты о нем из Москвы Гагара был освобожден и отправился в дальнейший путь.

14 апреля 1637 года прибыл в Киев, где беседовал с архиепископом Афиногеном и митрополитом Петром Могилой. Из Киева через Путивль вернулся в Москву в начале мая 1637 года. За свои странствования и вести о восточных делах он был записан в «гостиную сотню» с приказанием «служите с Москвы», т. е. жить в Москве.

¹ По материалам «Русского биографического словаря» А. А. Половцова.

По мнению А. Н. Пыпина¹, Гагара — образчик среднего русского человека первой половины XVII века: незаурядный деловой человек, достаточно книжный, он чрезвычайно любопытен первобытностью своих понятий. Сочинение его — рассказ мирянина, отличающегося простодушным и грубоватым реализмом старинного московского человека и бесконечным легковерием ко всему фантастическому; оно с самого начала преисполнено чудесами.

Приведем небольшой фрагмент из «Жития и хождения в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары»².

ХОЖДЕНИЕ В ПАЛЕСТИНСКИХ МЕСТАХ УБОГОГО ВАСИЛИЯ ПО ПРОЗВИЩУ ГАГАРА

Лета 7142-го года, во дни благочестивого и богом венчанного браздодержателя российского царства государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и его Царской державы града Казани некто смиренный и многогрешный в человецех, родом плесенин, жительством в Казани, Василий Яковлев по прозвищу Гагара, слышал я Василий о Палестинских местах и там прежде бывших древних святых отцов... наипаче же всего, Господь наш Иисус Христос там воплотился от Пречистой Девы Марии и много чудес сотворил за наше спасение, пострадав плотью, и воскрес тридневно, и пришла мне грешному мысль, еже мне там быть и помолиться святым местам в Иерусалиме, животворящему кресту Господню и гробу Владычьемю поклониться и по прочим святым местам походить.

По малу же времени послал человека своего с товаром за море торговать в Персидскую землю, и Божиим гневом за мое окаянство на море бусу³ со всеми товарами разбило, и все имение [имущество] мое потонуло. А еще иные многие беды и напасти приключались со мной. В то время и в тех скорбях напастях я многогрешный наипаче начал обещаться, еже б мне там быть во Иерусалиме у гроба Господня и в прочих святых местах помолиться и чтоб скорби своей некое малое утешение

¹ Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — русский литературовед, этнограф, академик Петербургской академии наук (1898) и ее вице-президент (1904); автор четырехтомной «Истории русской этнографии» (1890—1892) и других трудов.

² Текст воспроизводится с сокращениями и стилистическими правками по изданию: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. Православный Палестинский сборник. Т. XI, вып. 3. Издание Православного Палестинского общества. СПб. 1891.

³ Буса — большая долбленая лодка.

приобрести. И чтобы милость Божья последовала меня, призрев милостивым оком на мое окаянство, яко же рече апостол: «Где же умножится грех там преизбытствует благодать Божия»⁴. И... против того моего погибшего имения подал мне Бог сторицей. И как пошел в Иерусалим... то и начну сказывать отчасти.

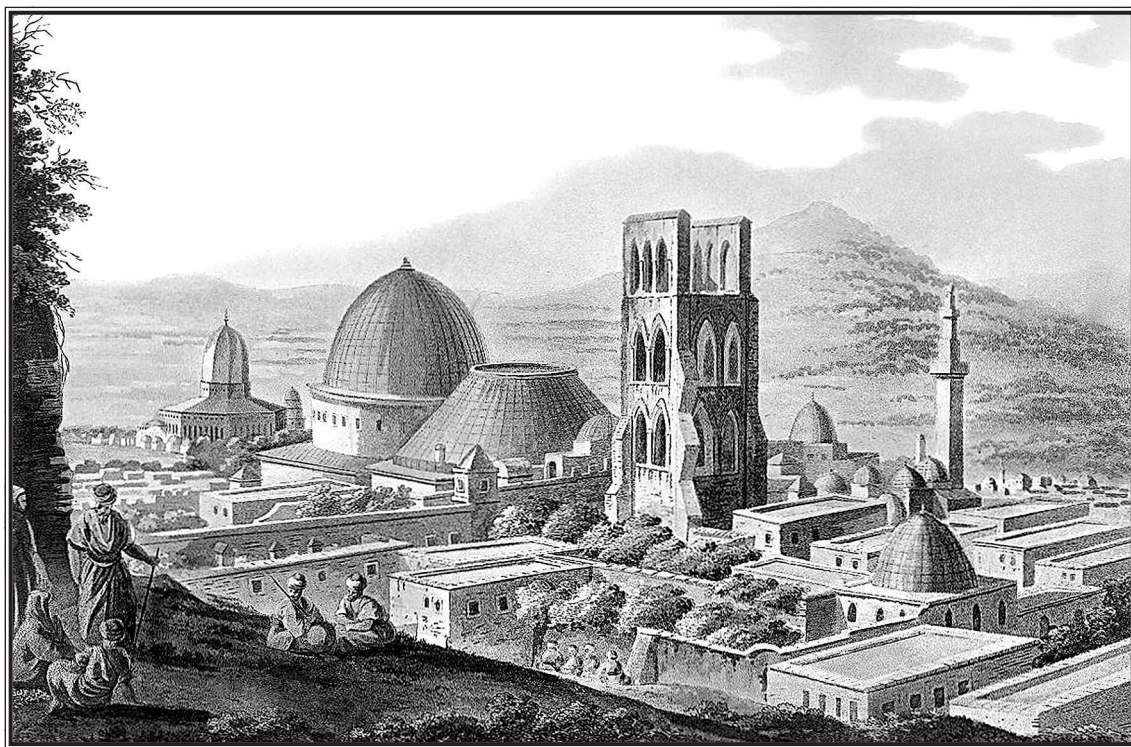
Из Казани поехал в Астрахань, а из Астрахани пошел на Грузинскую землю, на град Тифлис... а в нем... идет река, зовома Кура, не мерзнет никогда, а прошла та река Кура сквозь гору каменную; и по обе стороны той реки стоят по два города... подле самой брег, и в те грады приведена из той реки вода тайниками, а через реку мост делан меж горами... вельми чуден. Да близ того града Тифлиса есть кладези горячие, а над ними устроены палаты вельми красны, и в тех палатах моются бань вместо и трутся рукавками мухоярными; а бань тех сделано до ш[е]с[т]идесят и боле. Да близ того града Тифлиса стоит монастырь, а имя тому монастырю пропаятовал, а живет в нем грузинский митрополит, а храм в монастыре вельми прекрасно делан и всякою церковною лепотою украшен.... Да в той же Грузинской земле... меж горами высокими снежными, и в непроходимых местах есть щели земные, и в них загнаны дивные звери Гог и Магог, а загнал тех зверей в древнем законе царь Александр Македонский. И много мне о тех зверях поведали...

А из грузинской земли пошел на туркский город, на Ардаган, и от того града день ходу стоит гора Араратская, а на ней лежит все снег; а по верху той горы видели стоит Ноев ковчег, а потому его и знать, что концами стоит на двух горах, а промеж тех гор щель велика, и с той щели... того ковчег дно видно, понеже у ковчег дно черно, и на ковчеге снег же... А гора Араратская вельми высока, и мы до нее шли девять дней, и близко является, а дойти не можно, а кто на нее ни пойдет, много глаголят что де мало на ней бывают понеже вельми студено на ней, и от той студени люди помирают.

А из Ардагана шел на Корсу, а из Корсы — на Ирзум, а из Ирзума шел на Севастию...

А из Севастия пошел на Кесарию... А из Кесария пошел на Едес, из Едеса на Омыдонию... А прошел Омыдонию, не дошел Капернаума, идет река из озера Ениседскова, вельми глубока, и чрез нее сделан мост каменный из камня большого, и то де строение Иакова Иосифова отца Прекрасного. А мост пережав — стоит Капернаум в правой руке на горе вельми высоко. В Капернаум же никто не ездит, потому что живут в нем все жида. От Капернаума же недалече есть озеро вельми велико,

⁴ А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать (Рим. 5:20).

Вид на Иерусалим и Храм Гроба Господня.

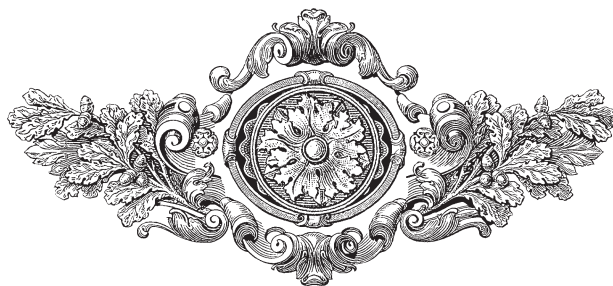
Акварель из книги «Виды Египта, Палестины и других частей Османской империи». 1804 г.

именуемо Тивериадское, о нем же речено во святом Евангелии, и близ того озера стоит село Петра и Андрея — верховных апостолов... И с того озера... течет Иордан река к Иерусалиму.

К Иерусалиму идучи, стоит в правой руке град Назарет, где ангел благовестил Богородице о зачатии Господа нашего Иисуса Христа. А Фаворская

гора стоит от того озера недалече... Гора же Фаворская вельми красна и кругловидна, и древами... приукрашена паче иных... на ней же Господь наш Иисус Христос преобразился перед учениками своими.

И потом ехал на Самарию... А от Самария два дня ходу до Иерусалима.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ ДЕЖНЕВ

Русский землепроходец и мореплаватель Семен Дежнев (ок. 1605, Великий Устюг¹ — 1673, Москва) во второй половине 1630-х годов служил в Тобольске, Енисейске и Якутске, где «смирял» и собирал дань с якутов. Все его походы этого времени совершались в поисках еще не обложенных данью туземцев. В 1643 г. открыл реку Колыму, основал на ней Средне- и Нижнеколымский остроги². В конце 1640-х — начале 1650-х годов предпринял большую Чукотскую экспедицию, в ходе которой — за 80 лет до Витуса Беринга — открыл пролив между Чукоткой и Аляской.

Донесения Семена Дежнева о том, что ему удалось обогнуть мыс, названный ныне его именем, и пройти из Чукотского моря в Берингово, были найдены и обнаружены за сорок лет до экспедиции Биллингса — Сарычева академиком Миллером³. Академик В. И. Вернадский писал об этом: «Его [имя Дежнева] впервые открыл академик Миллер, бывший в Сибири в связи со второй экспедицией Беринга. В 1736 г. им была найдена часть донесений Дежнева в Якутском архиве и опубликована — сперва в 1742 г. и более подробно только в 1758 г. в изданиях Петербургской академии наук, через 104 года после путешествия Дежнева... Значение путешествия Дежнева в XVIII в. правильно оценили только Миллер и Ломоносов... И в XIX в. значение плавания Дежнева долго не признавалось, и лишь в 1890 г., через 252 года после этой поездки, были напечатаны Оглоблиным документы, несомненно подтверждающие поездку Дежнева». Предлагаем вниманию читателей очерк Н. Оглоблина о Дежневе.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ (1638—1671).
*Новые данные и пересмотр старых*⁴

Введение

Имя якутского казака Семена Иванова Дежнева принадлежит к числу очень почтенных, но вместе с тем и очень давно уже полупозабывтых имен русской истории. Кажется, одним только специалистам истории и географии это малоизвестное теперь имя напоминает об очень крупном событии — об открытии в 1648 г.

¹ По современным данным, С. И. Дежнев родился, вероятнее всего, не в Великом Устюге, а на реке Пинеге — в деревне Осиново-Волокопинежской волости.

² *Острог* — частокол, оборонительная ограда из заостренных сверху бревен высотой 4—6 метров; также — обнесенное такой оградой укрепленное поселение, «крепостца».

³ *Герхард Фридрих (Федор Иванович) Миллер* (1705—1783) — российский историограф немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук, профессор, был среди участников Второй Камчатской экспедиции. На Камчатке Миллер не побывал, зато в 1733—1743 гг. объездил Западную и Восточную Сибирь, изучил местные архивы и собрал огромную коллекцию документов, среди которых оказалась и «Краткая сибирская (или кунгурская) летопись» Семена Ульяновича Ремезова, содержащая ценнейшие «чертежи». В 1749 г. Ф. Миллер подготовил доклад «Происхождение народа и имени российского», где была изложена теория скандинавского происхождения славян, принятая в штыки Ломоносовым и Крашенинниковым.

⁴ Печатается с сокращениями и небольшой правкой по публикации в «Журнале Министерства народного просвещения». Часть CCLXXII, ноябрь. СПб., 1890. Отдел наук. С. 249—306.

К. В. Лебедев. Экспедиция Семена Дежнева.
1884 г.

пролива, разделяющего Азиатский материк от Американского и названного впоследствии Беринговым. Имя капитан-командора Витуса Беринга, пытавшегося в 1728 году разрешить за восемьдесят лет до него уже решенную Дежневым географическую задачу, — громкое имя иностранца Беринга совершенно затушевало скромное русское имя Дежнева. Пролив, который по всей справедливости следовало величать Дежневским, с легкой руки великого английского мореплавателя Кука, окрестившего его именем Беринга (*Behring strait*), стал известен под этим незаконным прозвищем и в научных трактатах, и в географических учебниках, и в общезнании... Быть может, однако, придет время, когда русская наука и общество исправят свою вину пред памятью Дежнева, когда его имя станет известно даже школьникам, начинающим свое знакомство с географическими картами... Чтобы дожидаться этого времени, русская наука обязана собирать новые материалы для уяснения подвига Дежнева и для характеристики его личности.

Первые данные о плавании Семена Дежнева открыты еще в прошлом столетии известным историографом Герардом Фридериком Миллером,

который в 1736 г. нашел сведения о Дежневе в документах Якутского воеводского архива¹. На основании их Миллер отдал должное памяти Дежнева, отнес именно к нему, а не к Берингу, честь первого и основательного разрешения крупной географической задачи, долго занимавшей умы европейских ученых. Имя миллеровского «выведенца» (как впоследствии выразился Словцов²) Дежнева и его великое открытие с половины прошлого столетия становятся известными европейским географам того времени (например, англичанам Борнео, спутнику Кука, Коксу и др.). С того же времени и русская наука внесла имя Дежнева на свои страницы³ и передала это имя нашему столетию⁴. Русские историки и географы нашего времени считают своим долгом упомянуть об открытии Дежнева, хотя по большей части выражаются о нем как-то глухо и осторожно⁵.

Такое отношение к памяти Дежнева вызвано, очевидно, теми сомнениями в его подвиге, какие появлялись и в прошлом столетии, и, особенно в нынешнем. Сомнения эти были вполне естественны: великое плавание Дежнева описывалось Миллером на основании собранных им архивных данных так коротко и глухо, что давало скептикам полное право сомневаться в том, будто Дежнев прошел пролив, отделяющий Азию от Америки. Когда

¹ Первые и главные сведения о Дежневе напечатаны академиком Миллером в статье «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных» (см. его Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие 1758, январь), с. 9—20. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания автора — Н. Оглобина.)

² *Петр Андреевич Словцов* (Слопцов; 1767—1843) — историк Сибири, поэт, автор «Исторического обозрения Сибири», «Исторических записок о чукотском народе», «Писем о Сибири» и других этнографических и исторических трудов.

³ Из русских современников Миллера следует указать на Ломоносова, вполне признававшего подвиг Дежнева (см. его сочинение 1763—1764 гг. «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в восточную Индию», напечатанное (в 1854 г.) А. Соколовым в издании гидрографического департамента «Проект Ломоносова и экспедиции Чичагова», с. 53—55).

⁴ Из историков и географов первой половины XIX столетия, говоривших о Дежневе, можно указать на Верха («Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны», СПб., 1821, ч. I, с. 87—89), Словцова («Историческое обозрение Сибири», 2-е изд. 1886 г., Т. I, с. 56—59), Врангеля («Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану, между Карским морем и Беринговым проливом до 1820 г.», СПб., 1841; с. 7—16) и др.

⁵ См., например, Соловьева, XII, 310—312 (где о главной заслуге Дежнева говорится в очень скромном подстрочном примечании), П. П. Семенова «Географическо-статистический словарь Российской империи», I, 249 (где невнимание к памяти Дежнева доходит до того, что его великое открытие ошибочно отнесено к 1668 г.) и проч.

археографическая комиссия обнародовала часть тех архивных документов, которыми пользовался Миллер, сомнения в подвиге Дежнева нисколько не уменьшились, скорее даже увеличились. Здесь уже не Миллер, а сам Дежнев в своих отписках Якутским воеводам 1655 г. рассказывает о своем плавании настолько неопределенно и неясно, что оставалось или принять на веру миллеровское толкование дежневского рассказа, или же отвергнуть его. Так и поступали доселе наши историки и географы: одни верили Дежневу и Миллеру, другие совершенно игнорировали якутского казака.

То же биографическое значение имеют и другие найденные мною в том же Сибирском приказе четыре челобитных дела Дежнева: одно 1664 г. и остальные три 1665 г. Как сами челобитные Дежнева, так и сопровождающие их документы («доклад» Сибирского приказа государю, «выписи» приказа и Якутской съезжей избы¹, царские грамоты и проч.) продолжают сведения о жизни Дежнева по 1665 г. включительно, сообщая в то же время данные и о более раннем периоде его деятельности.

Сюда же относятся и две отписки якутских воевод — 1656 и 1662 гг. — об анадырской службе Дежнева. Наконец, дело 1670—1671 гг. о вторичной поездке Дежнева в Москву с Якутскою соболиною казною сообщает наиболее позднее из собранных мною известий о Дежневе.

Но теперь является возможность отбросить в сторону всякие сомнения в подвиге Дежнева. В столбцах Сибирского приказа, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции, мне повезло отыскать один документ, который положительно и ясно говорит, что так называемый Берингов пролив весь пройден Семеном Дежневым в 1648 году: это — первая челобитная Дежнева, поданная им Якутским воеводам в 1662 году после долготелней службы на реке Анадыре, о выдаче ему заслуженного «государева жалованья», которого он не получал многие годы вследствие нахождения на «дальних службах».

Помимо вышеуказанного значения, эта обширная челобитная Дежнева важна и в том еще отношении, что представляет довольно полную автобиографию Дежнева, охватывающую время за 1638—1662 гг. Ценность этих сведений несомненна уже по тому одному, что существующие в литературе биографические данные о Дежневе касаются очень небольшого периода его жизни за 1647—1658 гг.

Чтобы уяснить значение этих новых материалов как для биографии С. И. Дежнева, так, особенно, для истории его знаменитого плавания, необходимо наперед познакомиться с тем, что известно о деятельности Дежнева по существующим в нашей исторической литературе источникам. Нижеследующий рассказ об открытии Дежнева я веду главным образом на основании вышеуказанных первоисточников и рассказа Миллера, пользовавшегося как этими, так и другими оставшимися неизвестными нам материалами.

Открытие Дежневского пролива (1647—1658 гг.).

(По старым данным)

Честь открытия и описания громадного побережья Северного Ледовитого океана на пространстве между Белым морем и так называемым Беринговым проливом всецело принадлежит русским людям. Изучение этого побережья, значительно подвинувшееся вперед относительно западной его части с половины XVI века, усилилось особенно с 1636 г., когда было положено начало знакомства русских с восточную часть Ледовитого океана. Экспедициями из Якутска, предпринимавшимися как по инициативе московской и местной администрации, так и по собственной предприимчивости сибирских служилых и промышленных людей, постепенно были открыты впадающие в океан реки Яна, Индигирка, Алазея и Колыма². Основанные там зимовья и остроги явились опорными пунктами, откуда выходили предприимчивые изыскатели «Студеного моря», стремившиеся с тех пор преимущественно к востоку от устьев реки Колымы. Первое плавание в этом направлении предпринято было в 1646 г. мезенцем Исаем Игнатьевым³ в компании с другими промышленными и служилыми людьми. С его легкой руки (он доходил до Чаунской губы) пошли и дальнейшие плавания отважных мореходов в ту же сторону. В следующем году выступает на сцену в Нижнеколымском остроге и Семен Дежнев.

Исай Игнатьев вернулся в Нижнеколымск с большою новинкою: он привез добытую у при-

² Начало этим открытиям положил в 1638—1639 г. енисейский казачий десятник Елисей Буза, открывший реку Яну (подробности см. в «Сибирской истории» Фишера, СПб., 1774, 372—374; см. также вышеуказанные сочинения Миллера, Врангеля и др.).

³ Исай Игнатьев — помор, землепроходец, кормчий, первооткрыватель Восточно-Сибирского моря. Родом из Мезени — отсюда и кличка Мезенец. В 1646 г. предпринял первую попытку пройти морем на восток от Колымы. За двое суток прошел до Чаунской губы, «обитаемой чукчами». По преданию, позже в одной из стычек с местными чукчами был убит.

¹ Съезжая (приказная) изба — в России XVII в. канцелярия воеводы, место сбора (съезда) служилых людей по зову воеводы для разбора дел (в т. ч. тяжб), смотря перед походом и проч.

брежных чукчей ценную моржовую кость («рыбий зуб»). Этот новый товар очень разлакомил собравшихся в остроге торговых и промышленных людей, так что к лету следующего года опять составилось товарищество с целью отправить новую экспедицию за «зубом» и для отыскания реки Анадыря, о богатстве которой уже давно ходили слухи среди русских. Во главе товарищества стал холмогорец Федот Алексеев, приказчик московского «гостя» Алексея Усова. Правительственный «прикащик» острога боярский сын Василий Власьев и «целовальник» Кирилло Коткин по просьбе Федота Алексеева (по словам Миллера), прикомандировали к собравшейся экспедиции якутского казака Семена Иванова Дежнева для надзора за «государевым» интересом в пути: он должен был (по данной ему «наказной памяти») собирать «десятую» и другие пошлины с добычи промышленных людей, объясачить¹ попутных «иноземцев» и проч. В июне 1647 г. экспедиция вышла в море из устья реки Колымы на четырех «кочах»², но скоро вернулась обратно, встретивши непреодолимую преграду: в то лето путь к востоку оказался совершенно загроможденным большими массами льдов.

Первая неудача не остановила, однако, дальнейших попыток. Зимой вновь сформировалось еще более многочисленное товарищество из промышленных и служилых людей, и к лету 1648 г. было изготовлено 7 (по Миллеру) кочей. На каждом судне было около 30 человек.

Кто был главою экспедиции, в точности не известно. Видно только, что над промышленными стоял тот же Федот Алексеев, а «начальными людьми» у казаков были Семен Дежнев и Герасим Анкудинов, не ладившие между собою из-за споров о верховенстве. По-видимому, единоличной власти здесь не было, а ходом экспедиции заведовали сообща эти три лица. Впоследствии, как увидим, Алексеев и Анкудинов сходят со сцены, и несомненным и единственным главою экспедиции остается Дежнев.

20-го июня 1648 г. кочи вышли в море. В это лето путь мимо сибирских берегов оказался чистым от льдов. Не известно, где именно, но во всяком случае раньше «Большого Каменного носа» четыре коча³ отделились от трех остальных. Куда первые

направились и какова была их дальнейшая судьба, — осталось неизвестным. Три же коча, на которых находились Дежнев, Алексеев и Анкудинов, благополучно продолжали путь к востоку и в августе стали поворачивать мимо Чукотского полуострова к теперешнему Берингову проливу, в который и вступили в начале сентября.

Подробностей этого плавания не сохранилось ни в отписках Дежнева, ни в других источниках Миллера. Сохранившиеся две отписки Дежнева (может быть, — не первые его отписки к якутским властям) относятся к 1655 г. и касаются не столько морского похода Дежнева (о котором говорят лишь мимоходом), сколько положений его на реке Анадыре, его столкновений с соперником по анадырской службе и поиском «новых земель» и «рыбьего зуба», якутским служилым человеком Михаилом Стадухиным и проч. Если же были другие — первые отписки Дежнева, то в них, вероятно, он дал более подробный отчет об обстоятельствах своего плавания до «Большого Каменного носа» (по догадке Миллера это Чукотский нос в так называемом Беринговом проливе). В напечатанных же актах и в рассказе Миллера некоторые подробности плавания становятся известными начиная только с этого пункта. Открытие Большого Каменного носа и Анадырской корги⁴ Стадухин и его спутники (попавшие на реку Анадырь сухим путем из Нижнеколымского острога) приписывали себе, а потому в своих отписках 1665 г. Дежнев опровергает их показания и для этого довольно подробно описывает Чукотский нос как самый выдающийся географический признак на своем морском пути 1648 г.

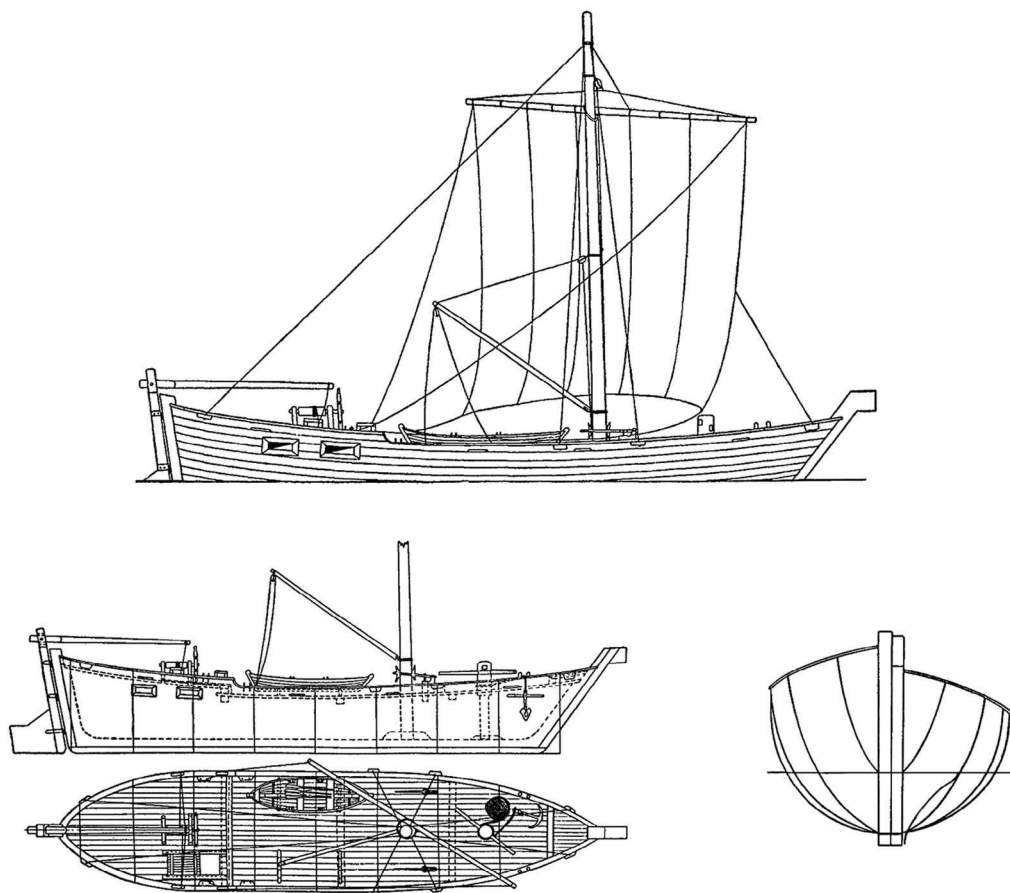
Дежневское описание Большого Каменного носа довольно обстоятельно и верно для человека, совершенно чуждого географических знаний, каким, несомненно, был Дежнев. Прежде всего, он замечает, что это не тот «Святой нос», который лежите около «реки Чухочы». Очевидно, он понимает под «Святым носом» мыс Чукочий, лежащий на устье реки Большой Чукочьей, около 60 верст к северо-западу от дельты реки Колымы. Еще западнее мыса Чукочьего есть мыс Святой нос (между реками Яной и Индигиркой, против островов Ляховских), но он сюда не подходит. Затем Дежнев говорит о величине Большого Каменного носа, что он «вышел в море гораздо далеко», и очень верно определяет его направление: «а лежит тот нос промеж сивер и полуношник» (то

¹ Т. е. обложить данью.

² *Кони* — плоскодонные однопалубные суда от 16 до 24 м длины, ходившие греблею и под парусами.

³ Впоследствии ходили у чукчей слухи, будто эти четыре коча были занесены к берегам северной Америки. В 1779 г. старшина одного из Гвоздевых островов рассказывал, что на реке *Хеуверене* (в северной Америке) живут какие-то неизвестные люди, похожие своим обликом, платьем, языком и обычаями на русских (*Берх*, 89, 90).

⁴ *Корга* — каменистая мель, отмель; небольшой каменный остров. «Чукчи по обе стороны Носу живут по кортам подле моря, в земляных юртах» (Памятники сибирской истории XVIII в. 1700—1713. СПб., 1882, кн. 1. С. 458). (Словарь русского языка XVIII века.)

Общий вид и чертеж поморского коча

есть, между севером и востоком) и при том так, что «поворотит (заворачивает) кругом к Онандыре реке подлегло» (то есть, не круто?...). Не забывает Дежнев указать и расстояние от описываемого им носа до ближайшего известного ему географического пункта: он находит, что «доброто побегу» морем (а также и сухим путем по берегу) от носа до реки Анадыря будет «трои сутки, а боле нет». Чтобы еще точнее определить положение Большого Каменного носа, Дежнев описывает особую береговую «признаку» его: с западной стороны носа, говорит он, «вышла речка», впадающая здесь в море, а на речке расположено «становье чухчей», в котором бросалось в глаза какое-то укрепление, сделанное на подобие «башни из кости китовой». Наконец, Дежнев до некоторой степени описывает и население носа: здесь, по его словам, «живут люди чухчи, добре много», а лежащие против носа «острова» (в другом месте — «два острова») заселены особой породой чухчей, которых «называют зубатыми, потому что принимают они сквозь

губу по два зуба не малых костяных». Этих, «зубатых людей» Дежнев с товарищами видели около носа. Под «островами» Дежнев здесь разумеет или остров Св. Лаврентия (издали представляющийся, благодаря горам на нем, в виде нескольких островов), или лежащие в Беринговом проливе острова Аракамчечен и Иттыгран (в 50—70 верстах к северу от мыса Чукотского, у Азиатских берегов).

Большой Каменный нос остался в памяти Дежнева не только из-за своей выдающейся величины и других топографических признаков, но и потому особенно, что именно здесь, у носа, «розбило» судно его спутника Герасима Анкудинова, так что «розбойных людей» (то есть разбившихся) с этого судна пришлось «имать» на остальные два коча.

Не ладивший с Дежневым Анкудинов перешел на коч Алексева. Это ли крушение или недостаток пищи и воды заставили наших путников высадиться 20 сентября на берег где-то вблизи носа (пройдя его). Береговые чухчи приняли русских неприязненно: произошло кровавое столкновение

(«драка» — по скромному выражению Дежнева), во время которого был ранен Федот Алексеев. Главное начальство над обоими кочами перешло теперь в руки Семена Дежнева.

Пройдя таким образом во второй половине сентября 1648 г. пролив, отделяющий Азию от Америки, и не подозревая нисколько о величии разрешенной им и его спутниками географической задачи, Дежнев вступил в Восточный океан и двинулся дальше, придерживаясь, несомненно, ближе к берегам Азиатского материка.

Совместное плавание обоих кочей продолжалось недолго. В конце сентября начались сильные бури, которые и разлучили Дежнева с кочем Алексеева и Анкудинова. Дежнев более не встречался с ними. Впоследствии, уже на реке Анадыре, во время одного похода на коряков, Дежнев «отгромил» у них «якутскую бабу Федота Алексеева» (вероятно, бывшую с ним на судне), которая рассказала, что Алексеев и Герасим Анкудинов «померли цингою», а остальные товарищи их большею частью побиты инородцами на берегу и только «остались не великие люди», которые «побежали в лодках с одною душою» (по-нашему — с голыми руками) неведомо куда¹.

Разлучась с товарищами, Дежнев очутился в очень опасном положении: бури продолжались по-прежнему, а слабый коч, много потерпевший от длинных переходов, отказывался дальше служить. Рискованное положение Дежнева сделалось почти безнадежным особенно «после Покрова Богородицы», когда его коч носился по морю «всюда неволею». Долго ли это продолжалось, — неизвестно, но в конце концов коч «выбросило на берег в передней конец, за Анадырь реку».

Где именно был выброшен Дежнев, трудно решить. Миллер предполагал, что он потерпел крушение на Олюторском берегу (в Беринговом море). Господин Пыпин в своей недавней статье заходит еще дальше: он говорит, что Дежнев «обогнул мыс Шелагский и Чукотский нос и выплыл в Охотское

море»². Если это не обмолвка со стороны почтенного автора, то было бы крайне интересно узнать от него, на чем он основывает новый взгляд на крайний предел Дежневского плавания. По этому взгляду выходит, что Дежнев открыл не только так называемый Берингов пролив, но даже первым из русских мореходов обошел весь полуостров Камчатку, открыл Охотское море и т. д.

Как бы там ни было, но Дежнев, по его собственным словам, был выброшен на берег «за Анадырь реку» в расстоянии «ровно десять недель» пути от низовьев ее. Этот путь по гористой неизвестной местности, без проводников, при начавшихся снегах и морозах, пройден русскими с невероятными лишениями: шли эти несчастные 25 человек «холодны и голодны, наги и босы...» Не имея никаких рыболовных снастей, они не могли добывать рыбы, а лесов и зверей нигде не встречали. Местное население также не попадалось. Чем уже они питались, — Бог их весть... «Придя на реку Анадырь внизу близко моря», говорит Дежнев, — с голоду мы бедные врознь разбрелись». Двенадцать человек отправились искать пищи и людей вверх по Анадырю. Ходили они двадцать дней и нигде не встретили ни людей, ни даже каких бы то ни было признаков человеческого жилья. Тронулись они опять назад, но не дойдя «8 дней» до Дежневского «стана» (где находились остальные тринадцать человек) окончательно изнемогли от голоду и «обночевались, почали в снегу ямы копать». Только трое из них кое-как добрались до стана. Посланная Дежневым помощь (он отправил замерзавшим «последнее свое постеленко и одеялишко» и проч.) «не нашла» оставшихся там девять человек: вероятно, они заблудились и замерзли. Затем погибло еще четыре человека, так что Дежневская партия уменьшилась до двенадцати человека.

С этими-то остатками растаявшей партии Дежнев кое-как перезимовал на низовьях Анадыря, а летом следующего 1649 г., соорудивши лодки из выкинутого морем леса, двинулся вверх по реке и благополучно доплыл до зимовий «Анаульских людей»³, которых удачно «погромил» (причем и сам был ранен «смертною раною», но остался жив) и взял с них ясак. Здесь-то (на среднем течении Анадыря) Дежнев основал свое зимовье, впоследствии — Анадырский острог, и стал помышлять

¹ Существуют довольно верные доказательства того, что эта часть несчастных спутников Дежнева проникла, держась Камчатских берегов, до реки Камчатки, где они некоторое время и жили. Память об этих русских первооткрывателях Камчатки была жива еще на полуострове во время Владимира Атласова. Любопытно, что камчадалы вначале смотрели на русских как на пришедших неведомо откуда «богов», которым-де человеческая рука не может причинить вреда. Но это счастливое для русских заблуждение было рассеяно самими же русскими: камчадалы как-то заметили, что русские передрались между собою до крови. С тех пор на русских они стали смотреть как на смертных людей, перестали уважать и бояться и в конце концов истребили их, когда они, по видимому, собирались вернуться на реку Колыму.

² Пыпин А. Н. Сибирь и исследования ее // Вестник Европы, 1888, т. II, кн. 4, с. 694.

³ Анаулы — истребленная в ходе завоевания Сибири родоплеменная группа «береговых», или «речных», юкагигов, живших по верхнему течению Анадыря. От остальных юкагигов отличались воинственностью, но ввиду своей оседлости стали легкой добычей русских сборщиков ясака. Первая стычка между анаулами и русскими датируется 1649 годом, когда на Анадыре появился отряд Семена Дежнева.

если не о возвращении назад, то по крайней мере о том, как бы подать весть о себе на реку Колыму и получить оттуда помощь людьми и воинскими припасами. И того и другого у него было слишком недостаточно для борьбы с окружавшими его довольно воинственными племенами чукчей.

Прервем здесь рассказ Оглоблина и дадим слово выдающемуся русскому ученому-этнографу XX века В. Г. Богоразу¹. Вот что он пишет в III главе своей двухтомной монографии «Чукчи»²:

«...В половине XVII века казаки были полны неукротимой свирепостью и расправлялись с туземцами без всякой жалости.

Дежнев перемежает свои горькие жалобы такими описаниями: “Да в прошлом во 159³ году осенью по полой воде послал он Михайло служилых и промышленных людей девять человек вниз Анадыру-реки к Анаулям, и те иноземцы Анаули тех служилых и промышленных людей побили всех, а сами они сбежали вниз Анадыру-реки далеко и с государевым ясаком к ясачному зимовью не пришли; и мы ходили к ним Анаулям вниз Анадыру-реки, а у них сделан острожек, и мы их из острожку вызывали, чтоб они государю вину свою принесли и ясак бы государев с себя дали; и они Анаули стали с нами драться, и как нам бог помог взять первую юрту и на острожек взошли, и мы с ними бились на острожке ручным боем, друг за друга имаясь руками, и у них Анаулей на острожке норовлено готовый бой, колье и топоры сажены на долгие деревья да ножи, потому что за убийство русских людей ждали они на себя русских людей, и убили они у нас служилого человека Суханка Прокопьева да трех человек промышленных, Путилка Афанасьева, Евтюшку Материка,

Кирилка Проклова, да служилых людей Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку, и он Пашко немочен был всю зиму, да Артюшку Салдатка ранили из лука в лоб, да промышленных людей Терешку Микитина ранили из лука в переносье, да Фомку Семенова да Тишка Семенова на съёмном бою изранили кольем, и бог нам помог тот их острожек взять и их Анаулей смирить ратным боем”.

¹ Владимир Германович Богораз (1865—1936) — революционер, писатель, этнограф, языковед (изучавший чукотско-камчатские языки, язык азиатских эскимосов, эвенский), исследователь Севера. Автор 130 печатных трудов по этнографии, фольклору и лингвистике, ряда художественных произведений.

² Богораз В. Г. Чукчи. Ч. I. (Научно-исследовательская ассоциация Института народов севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии. Том V). Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. Гл. III. Сношения чукоч с русскими. С. 41.

³ Т. е. 7159 (до 1699 г. в Русском царстве традиционно использовалось указание дат «от Сотворения мира»; 7 тыс. обычно опускалось), или 1651 от Рождества Христова (н. э.).

В другом месте тот же Дежнев пишет:

“Да прошлого ж 162⁴ году на корге ходили мы на Коряцких людей, что от той корги живут недалеко и на коргу под нас тайно убойства для приходят и зверя морского моржа промышляют для корму, и мы яз Семейка с товарищи на них ходили, и дошли их четырнадцати юрт в крепком острожке, и бог нам помог. Тех людей разгромили всех, и жен их, и детей у них поймали, а сами они ушли, и жен, и детей лучших мужики увели, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти, а мы были люди невеликие, всех нас было двенадцать человек; а на той драке того ж Пашка ранили из лука, а он убил мужика из пищали в висок”⁵.

Ранее у того же автора читаем:

«Казачьи отписки пестрят такими указаниями:

“Были нас семнадцать человек, и пошли мы по реке и нашли иноземцев, людных и оружных, и у них сделан острожек, и бились мы с ними до вечера, и бог нам помог, мы тех людей побили до смерти и острожек у них сожгли”.

“Да в прошлом во 169⁶ году, как ходили мы на Анаульских людей за их ослушанье и за убойство Руских людей в поход, и их дошли внизу Анадыри-реки в острожке, и нам бог помог на острожек приступом взойти, и мы с ними бились ручным боем, имаясь друг за друга, и у них Анауля... колье нарочное и топоры на долгие топорща сажены, и ножи, и нам тот острожек бог помог взять, а у нас они Анаули убили четырех человек... а иных нашу братью переранили...”

Рядом с этим шли постоянные ссоры и смуты между самими завоевателями”⁷.

Возвращаемся к повествованию Н. Н. Оглоблина.

Однако все лето и зиму 1649 г. Дежнев провёл на реке Анадыре один со своими спутниками по морскому плаванию... Не буду распространяться

⁴ 1654 от Р. Х.

⁵ Указанные коряцкие люди были, вероятно, «кереки», живущие ныне к югу от Анадыря, у мыса Ананнон (мыс Наварин). В настоящее время [к началу 1930-х гг. *Ред.*] кереки совершенно обнищали и быстро вымирают, но, согласно своим собственным преданиям, они были раньше сильнее и многочисленнее, имели большие кожаные байдары и жили охотой на моржей. Они ходили за моржами на большое лежбище в глубине Анадырской губы, остатки которого сохранились до начала XX века. В настоящее время все население кереков едва ли равняется этому старинному поселку в Анадырской губе, который, согласно казачьим отпискам, имел четырнадцать юрт и в каждой юрте семей по десяти и больше. В конце XIX века, по сделанному мною подсчету, общая численность кереков доходила до двухсот. (*Примеч. автора.*) В 1959 г. кереков оставалось 100 человек; к настоящему времени вымерли. (*Примеч. ред.*)

⁶ 1661 от Р. Х.

⁷ Богораз. Цит. произв. С. 36.

о дальнейшей анадырской службе Дежнева¹. Отмечу только главнейшие события.

Дежнев пробыл на реке Анадыре до 1656 г. (по крайней мере, этим годом заканчиваются известия актов о его анадырской службе). С Семеном Моторою Дежнев не только поладил и соединился с ним, но даже несколько подчинился ему, так как Мотора действовал по «наказной памяти» от колымских властей. После же убийства Моторы анаульцами в 1652 г. власть над обоими соединенными отрядами всецело перешла в руки Дежнева, по челобитью самих служилых и промышленных людей этих отрядов. Не таковы были отношения к Юрию Селиверстову и, особенно, к М. Стадухину. Правда, с Селиверстовым в конце концов Дежнев все-таки примирился и действовал дальше сообща с ним, но отношения к Стадухину до конца пребывания Дежнева на Анадыре оставались решительно неприязненными и нередко доходили до открытых и кровавых столкновений из-за споров о власти над русскими и ясачными людьми, из-за корыстолюбивого соперничества по промыслам, сбору ясака и проч. В 1651 г. дело доходило до того, что Дежнев и Мотора убежали от Стадухина к реке Пенжине (впадающей в Охотское море), до которой, однако, не дошли. Особенно же разгорелось соперничество всех этих партий с 1652 года, когда Дежнев открыл на устье р. Анадыря «корту» (отмель), на которой собирались стада моржей и здесь теряли ценную свою кость — «рыбей зуб». Дежнев нашел обширные «старья» залежи этого «заморного² зуба», а затем стал и «зверя промышлять» для добычи той же кости. Сюда же устремились и другие партии русских людей, каждая приписывая себе честь открытия этой «корги» и отстаивая свои права на исключительную разработку богатой добычи.

Помимо этого соперничества, Дежневу немало приходилось бороться с инородцами, «громить» их острожки и зимовья, брать у них атаманов, взимать ясак и проч. Немало было ему возни и по управле-

нию своевольными, крайне не дисциплинированными русскими людьми своей партии. Они плохо слушались Дежнева, вероятно, подражая самому Дежневу, который со своей стороны не охотно подчинялся приказам колымских и якутских властей. Главное зло заключалось в том, что русские служилые и промышленные люди постоянно перебегали из одной партии в другую. К этому нужно присоединить вообще тяжелое положение среди дикой, неприветливой природы, вдали от привычных условий жизни и от своих близких людей. Не мудрено, что русские здесь до того дичали, что после долгих лет такой жизни неохотно возвращались в более культурные центры сибирской жизни, под строгий режим русских служилых отношений XVII века.

В 1653 г. Дежнев замышлял отправить морем собранную им государеву казну (моржовую кость и мягкую рухлядь), то есть тем путем, по которому он сам пробрался на р. Анадырь. Однако он побоялся рисковать казною, зная, что то «море большое и сулои великие о землю близко», при том же «иноземцы говорят: не по вся-де годы льды от берегов относит в море»... Судно уже было построено, но «без доброй снасти судовой и без доброго паруса и якоря» Дежнев идти не посмел, а казну отправил сухим путем. Позже и Юрий Селиверстов помышлял о морском провозе в Якутск государевой казны с р. Анадыря, но также в конце концов не решился пуститься в этот рискованный Дежневский путь.

В 1656 г. Дежнев находился еще на р. Анадыре. Об этом свидетельствует данный Якутскими воеводами «наказ» стрелецкому и казачьему сотнику Амосу Михайлову, — первому правительственному «прикащику», посланному на Анадырь с 30 служилыми людьми. Он должен был «росписатца» с Дежневым, Никитою Семеновым (товарищ Дежнева по анадырской службе) и Юр. Селиверстовым, то есть принять от них зимовья, служилых людей, аманатов³, государеву казну, воинские и др. припасы, документы и проч. Главное внимание наказа обращено на прием от анадырских начальных людей собранной ими моржовой кости и на дальнейшую добычу этого ценного продукта. Якутские власти, по-видимому, подозревали Дежнева с товарищами в злоупотреблениях по сбору этой кости, в утайке ее и проч., а потому предписали Михайлову выслать в Якутск Дежнева, Семенова и Селиверстова, а в находившихся в их партиях служилых людей «ни на какие государевы службы не посылать», пользоваться же для этого только вновь посланными с Михайловым якутскими казаками. О Дежневе с товарищи (а также и Стадухине) велено Михай-

¹ Интересные подробности об этой службе Дежнева см. в «Дополнениях к Актам историческим», №№ 4—7, 30, 45 и 47. Эти документы ценны также для характеристики личности Дежнева и его сотрудников по морской экспедиции и Анадырскому походу, для обрисовки их взаимных отношений, взглядов на «государеву службу» и проч. Для примера приведем один любопытный эпизод, о котором рассказывает Дежнев во второй своей отписке Якутским воеводам: в 1653 г. промышленный человек Терешка Никитин бил челом Дежневу на служилого человека Евсейку Павлова «в обиде». Дежнев начал разбирать это дело, и Евсей «стал на суду говорить невежливо — о посох оперся, и я Семейка (Дежнев) за то невежество хотел его Евсейку ударить батогом», но Евсей «из стана» убежал и пристал к другой партии (№ 7, 11, с. 27).

² Т. е. оставшегося в виде залежей после смерти (замора) моржей.

³ *Аманаты (арабск.)* — заложники. Благодаря торговым связям с восточными соседями это слово было широко известно и употреблялось в Московском царстве.

лову произвести строгий «розыск», как по взаимным их челобитным друг на друга, так и вообще разыскать о всей их деятельности на р. Анадыре.

Был ли Дежнев с товарищами выслан Михайловым в Якутск или добровольно поехал туда, как отнеслись к нему якутские воеводы, к чему привел «розыск» Михайлова — на все это нет ответа в напечатанных актах. Последнее упоминание о Дежневе в этих актах встречаем в царской грамоте якутским воеводам 1658 г. Здесь говорится об открытии Дежневым моржовой кости и о количестве ее добычи у Дежнева, а затем делаются предписания относительно условий дальнейшей добычи кости «служилыми и всякими охочими людьми», определяется ее цена при обязательной сдаче кости в государеву казну, «десятая» и другие пошленные сборы с добычи и проч.

Этим заканчиваются все известия нашей исторической литературы о жизни и деятельности Дежнева <...>

Новые данные об открытии Дежнева (1648 г.)

Мы уже видели, что сведения нашей литературы о Дежневе заканчиваются 1658 годом, и о дальнейшей судьбе его ничего не известно. Врангель (по следам Миллера оканчивающий свой рассказ о Дежневе 1654 годом) сожалеет по поводу отсутствия сведений о том, «возвратился — ли Дежнев в свою отчизну или сделался жертвою своей смелости». Теперь на основании найденных в Сибирском приказе документов можно восстановить дальнейшую жизнь нашего смелого морехода до 1671 г. включительно. Оказывается, что Дежнев не только уцелел и вернулся с р. Анадырь в свою «отчизну», но даже успел побывать в Москве, где был достаточно награжден правительством за свою анадырскую службу.

Главное значение этих новых документов прежде всего в том, что они говорят не только о самой поездке Дежнева в Москву и о дальнейшей его службе, но и, кроме того, сообщают несколько новых и любопытных данных о прежней службе Дежнева. Прежде всего остановимся на тех данных, которые говорят о самой важной стороне предыдущей деятельности Дежнева: об открытии им в 1648 г. так называемого Берингова пролива. Эти сведения находим в первых двух челобитных Дежнева, поданных им в июле 1662 г. в Якутске и в сентябре 1664 г. в Москве. Именно здесь заключаются те слова Дежнева, после которых не остается никаких сомнений в том, что он прошел весь Берингов пролив. Чтобы понять все значение этого ясного показания Дежнева, вернемся несколько назад, припомним тот

темный рассказ Дежнева о плавании, на котором основали свои выводы Миллер и его последователи.

Вся сущность этого рассказа Дежнева (в отписках 1655 года якутским воеводам) заключается в том, что, выйдя в 1648 г. из устья р. Колымы, кочи Дежнева и его спутников шли морем мимо Большого Каменного носа, пройдя который, коч Дежнева «выбросило на берег в передний конец, за Анадырь-реку», куда Дежнев пробрался затем уже сухим путем, после 10 недель крайне тяжелого пути.

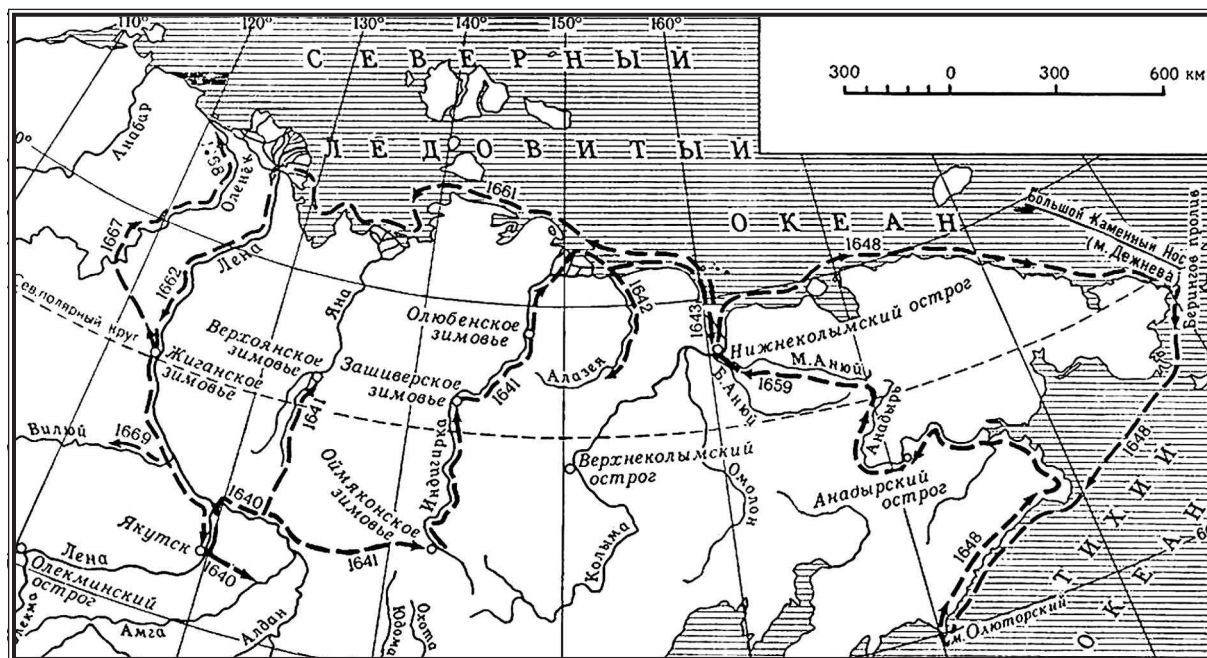
Таким образом, единственным географическим признаком на Дежневском пути является этот Большой Каменный нос. Весь вопрос именно в нем: что соответствует этому «носу» на наших картах? Можно ли под ним разуместь мысы Восточный или Чукотский, лежащие в самом Беринговом проливе, на Азиатском берегу его (первый на севере, второй на юге пролива)? Или же это мысы Чаунский и Шелагский, расположенные на побережье Ледовитого океана, в недалеком расстоянии (первый около 300 верст, второй около 350 верст) от устья р. Ковымы (Колымы)? Или это другие мысы, лежащие дальше к востоку от м. Шелагского по северному побережью Чукотского полуострова (мысы Кекурный, Северный, против острова Земля Врангеля, Ванкарема, Сердце-Камень и другие более мелкие)?

Если Большой Каменный нос Дежнева есть мыс Чукотский, значит, Дежнев действительно прошел весь пролив. Если это мыс Восточный, Дежнев был только у выхода пролива в Ледовитый океан. Если это мыс Чаунский, или мыс Шелагский, или другие мысы, лежащие к востоку от последнего, следовательно, Дежнев и не доходил до пролива...

Вот какое обширное поле для догадок, взаимно исключаящих одна другую, представляет показание Дежнева, открытое Миллером. Не мудрено поэтому, что если Миллер каким-то чутьем угадал в Большом Каменном носе Дежнева именно мыс Чукотский и многих заставил поверить своему чутью, то другие историки не пошли за ним, не поверили его догадке... Так, Словцов (а у него было и есть немало последователей) увидел в спорном «носе» Дежнева не более как мыс Чаунский, или много-много мыс Шелагский, то есть отверг всякую мысль о проходе Дежневым так называемого Берингова пролива...

Как же рассказывает Дежнев о своем морском плавании 1648 г. в открытой мною первой челобитной его 1662 г.? Рассказ, хотя очень краткий, но совершенно ясный и вполне подтверждающий догадку Миллера... Привожу это ценное место челобитной в подлиннике.

После одного похода Дежнева на «юкагирских мужиков» из Ковымского острожка «торговые

Карта путешествий С. Дежнева в 1640—1668 гг.

и промышленные люди били челом тебе, великому государю, а на Ковыме-реке (то есть, в острожке) таможенному целовальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтоб их торговых и промышленных людей, Федота Алексеева сотоварищи, отпустили по твоему государеву указу на новую на Анадыр-реку и на иные на сторонные реки, для прииску новых не ясачных людей, где б тебе, великому государю, можно было в ясачном зборе прибыль учинить. А обо мне, холопе твоем Семейке, те торговые и промышленные люди били ж челом, чтоб мне холопу твоему идти с ними вместе для твоего государева ясачнаго збору, и для прииску новых не ясачных людей, и для твоих государевых всяких дел».

«И я, холоп твой, с ними торговыми и промышленными людьми шли морем, на шти [шести] кочах, девяносто человек, и прошед Анадырское устье, судом Божиим те наши все кочи море разбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского разбю на море пот[он]уло и на тундре от иноземцев¹ побитых, а иные голодною смертию померли, итого всех изгибло 64 человека».

«А я, холоп твой, от тех товарищей своих остался всего дватцать четыре человека, и тех товарищей моих зимним путем на лыжах, с нарты,— со стыди (т. е. студа, стужи) и з голоду и со всякой нужи, не дошел Анадыря-реки, дорогою идучи 12 человек

безвестно не стало. А я холоп твой на Анадыр-реку доволкался всего двенадцать человеки»...

Вот и весь рассказ Дежнева о его знаменитом морском плавании! Вся сущность его в том, что кочи Дежнева и его товарищей, выйдя из реки Ковымы, «шли морем» и «прошед Анадырское устье», потерпели на море крушение, во время которого спаслось на берег 24 человека и из них 12 человек «доволоклись» на реку Анадырь, с Дежневым во главе.

Для всякого хотя немного знакомого с картою рассматриваемой местности вполне ясно, что, идя морем с реки Ковымы, можно попасть на реку Анадырь (пройти мимо устья) только единственным путем — через так называемый Берингов пролив. Следовательно, никаких сомнений нет, что этот пролив к 1648 году открыт Семеном Ивановым Дежневым.

Что именно он был главою экспедиции, теперь нет никаких сомнений. Промышленные люди Федот Алексей с товарищи, снарядившие экспедицию как в своих интересах, так и для того, чтобы «великому государю мочно было в ясачном зборе прибыль учинить», били челом таможенному целовальнику Ковымского острожка Петру Новоселову, чтобы служилой человек того же острожка Семен Дежнев был отпущен с ними «для государевых всяких дел», то есть, именно в качестве «приказнаго

¹ Т. е. инородцев.

человека», ведавшего в экспедиции «государево дело». Кто знает, как ревниво в XVII веке «государево дело» ставилось всегда выше «челобитчиков дел» (интересов частных лиц), тот поймет, что и в экспедиции промышленного человека Федота Алексеева представитель правительственной власти не мог играть второй роли. А с другой стороны, как из первой челобитной Дежнева 1662 года, так особенно из второй его челобитной 1664 года, мы узнаем, что он был заинтересован и в промышленной стороне экспедиции, следовательно, Федот Алексеев не был единственным представителем частных интересов экспедиции. «А поднимался я,— говорит Дежнев во второй челобитной,— на твою, великого государя, службу, на те новые реки своими деньгами и своими подъемами...» Что эти «подъемы» обозначают не одно только снаряжение самого Дежнева в путь, но нечто большее (снаряжение коча, наем «покручников» для промыслов и т. п.), об этом говорит следующая фраза той же челобитной. Дежнев утверждает, что он «от морского разбою (крушения кочей) обнищал и обдолжал великими некупными долги».

Собственно о морском плавании вторая челобитная Дежнева говорит еще короче первой, но смысл и этого краткого упоминания тот же самый: «с Ковымы-реки поднялся я, холоп твой, морем — проведывать новых рек, и приискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анадыр...» Таким образом, и здесь Дежнев говорит, что, идя с реки Ковымы морем, он дошел до реки Анадыря. После этих двух новых показаний Дежнева о его морском плавании становится ясным и то старое показание его (в отписке 1655 года), казавшееся темным, где он говорит, что его коч «выбросило на берег в передний конец, за Анадыр-реку». Выражение «за Анадыр» вполне соответствует тому факту, сообщенному в первой челобитной, что крушение произошло «прошед Анадырское устье». «Передним концом» Дежнев, очевидно, называет побережья Анадырского залива, или вообще Берингова моря, лежащие к югу от устья реки Анадыря — впереди (по представлению Дежнева) этой реки.

Таким образом, о месте крушения Дежневского коча согласно говорят и старые, и новые источники, что оно произошло ниже устья реки Анадыря. Но противоречие видим в том, что по первой челобитной Дежнева «все кочи море разбило» именно «прошед Анадырское устье», а по Миллеру и его источникам выходит несколько аварий и в разных местах: 3 коча отделились от Дежнева раньше «Большого Каменного носа», коч Анкудинова разбился у самого носа, коч Алексеева отделился от Дежневского где-то за носом, наконец, Дежневский коч выбросило где-то на берег «за Анадыр-реку».

Однако это противоречие — кажущееся. В первой своей челобитной Дежнев отбрасывает все подробности морского плавания и говорит о нем в самых общих выражениях. Мы знаем, почему он довольно подробно останавливается на плавании в своих отписках Якутским воеводам 1655 года: там эти подробности направлены против лживых уверений Михаила Стадухина, покушавшегося на честь открытия Дежневым «моржевой корги» и Большого Каменного носа. В челобитной же 1662 года Дежнев нигде не поднимает этого старого для него вопроса о притязаниях Стадухина на Дежневские открытия (вероятно, именно потому и не поднимает, что к 1662 году домогательства Стадухина прекратились). О морском плавании 1648 года он говорит только потому, что поставил задачей челобитной — рассказать царю о своей долголетней службе ему, чтобы доказать права на получение «государева жалованья» за эту службу. Эпизоду морского плавания Дежнев посвящает не более строк (если не менее), чем любому из других эпизодов своей боевой и «землепроходной» деятельности.

Рассказывая о своем плавании 1648 года, Дежнев считал необходимым упомянуть и о самом крупном факте его — о полной гибели «всех кочей». В коротком рассказе он не находил возможным пускаться в подробности и точно указывать время и место крушения каждого коча. Эти подробности увлекли бы его слишком далеко и увеличили бы размеры и без того длинной челобитной.

Итак, я полагаю, что эти два факта — «прошед Анадырское устье судом Божиим те наши все кочи море разбило» — не имеют между собою хронологической связи, а очутились рядом совершенно случайно, по воле автора челобитной.

Если же настаивать на связи этих двух фактов и именно в той последовательности времени, как они стоят у автора, тогда нельзя ли поискать Большого Каменного носа не в Беринговом проливе, а в другом месте — «прошед Анадырское устье»... В самом деле, если Миллер ошибся, если под Большим Каменным носом нельзя разуметь мыса Чукотского, лежащий в Беринговом проливе, тогда этот нос следует искать к югу от устья реки Анадыря, по побережью Берингова или даже Камчатского морей. Недостатка в мысах здесь нет, но подходящий мыс трудно найти. Ближайшие к Анадырскому заливу мысы Берингова моря Фаддея (в 200 верстах к юго-востоку от Анадырской губы), Наварин (около 50 верст к югу от предыдущего), Опукинский (около 200 верст к югу от Наварина) и Олюторский (около 300 верст к югу от предыдущего) — не подходят к Большому Каменному носу Дежнева уже по тому одному, что против этих четырех мысов нет никаких островов. Острова лежат против следую-

Герхард Фридрих Миллер
(1705—1783)

щих двух мысов, находящихся южнее мыса Олюторского и уже в Камчатском море: против мыса Говенского (у начала Камчатского моря, в 200 верстах к югу от мыса Олюторского) в 100 верстах к югу лежит у Камчатских берегов остров Карагинский, да и самые гористые берега Камчатки около этого острова (в 50 верстах к западу от него и в 100 верстах к югу) могут быть приняты издали за острова. Другой подходящий мыс — Столбовой (вблизи залива реки Камчатки, около 370 верст к югу от мыса Говенского), против которого, в 200 верстах к востоку, лежат острова Командорские. Но так как мысы Говенский и Столбовой только по нахождению вблизи них островов подходят к Большому Каменному носу, а в других отношениях не выдерживают Дежневского описания носа (уже одно расстояние их от Анадырской губы — первого мыса около 700 верст, второго более 1000 верст — не соответствует «трем суткам» пути от Дежневского «носа» до реки Анадыря), следовательно, и эти мысы нельзя признать за искомый Большой Каменный нос. Других же крупных мысов и нет на рассматриваемом океанском побережье.

При том же не нужно забывать, что собственно на этом побережье и нельзя искать Большого Каменного носа, так как, судя по Дежневскому описанию его (в отписках якутским воеводам 1655 года), нос находится на пути между реками Ковымой

и Анадырем, а не за рекою Анадырем. Во второй своей отписке Дежнев прямо говорит: «а с Ковымы-реки идти морем на Анадыр-реку есть нос» — именно Большой Каменной.

Итак, догадка Миллера, что под Большим Каменным носом должно разуметь именно мыс Чукотский в Беринговом проливе, остается во всей своей силе... Относительно же вышеуказанного кажущегося противоречия между старыми и новыми данными о месте и времени крушения кочей Дежневской экспедиции — продолжаю настаивать, что никакого противоречия здесь нет, и повторяю, что в коротком рассказе первой своей челобитной Дежнев не имел возможности устанавливать отдельно моменты крушения каждого из шести кочей. Он огульно смешивает вместе все отдельные крушения, подобно тому, как несколькими строками ниже также огульно подсчитывает общую цифру погибших людей его партии (64 человека), хотя сам же говорит, что они погибли в разных местах и в разное время: одни потонули на море, другие «на тундре» побиты «иноземцами», третьи «голодную смертью померли»... А при таком огульном смешении всех крушений нельзя ставить их в связь с фразой «прошед Анадырское устье». О Большом Каменном носе Дежнев ни разу не упоминает в своей первой челобитной — следовательно, в самой челобитной не находим никакого противоречия, а остается ясный рассказ Дежнева о том, как его кочи, выйдя из устья реки Ковымы, шли морем и «прошли Анадырское устье» и проч. В рамках этого короткого рассказа должны быть размещены подробности плавания, известные по другим источникам.

Из других новых данных первой челобитной о знаменитом плавании Дежнева прежде всего заслуживает внимания тот факт, что инициатором этого плавания был торговый человек Федот Алексеев, тот самый, который, по словам Миллера, стоял во главе промышленных людей, задумавших экспедицию 1647 года, кончившуюся неудачно. Как перед этой экспедицией, так и перед второю знаменитой экспедицией 1648 года, Федот Алексеев просил Ковымских властей об отпуске с ним Дежнева в качестве правительственного агента. При таких, очевидно, близких отношениях Дежнева к Алексееву естественно предполагать, что инициатива предприятия принадлежала Алексееву совместно с Дежневым. Дежнев не принял бы такого деятельного участия в плавании, если бы не сочувствовал плану Алексеева и не участвовал в их разработке.

Следует, затем, отметить Петра Новоселова, таможенного целовальника Ковымского острожка, разрешившего (вероятно, за отсутствием в острожке «приказного» Дмитрия Михайлова) плавание Алексееву, Дежневу и остальным служилым и про-

мышленным людям. Дежнев в первой челобитной точно устанавливает неизвестное доселе количество участников экспедиции. Оказывается, что из Ковымского острожка вышло на шести кочах 90 человек. Из них 64 человека погибли до высадки Дежнева на берег после крушения его коча, с Дежневым же спаслось 24 человека. Из последних — 12 человек погибли от голода и морозов «не дошед Анадыря-реки», всего же «доволоклось» на эту реку 12 человек.

Вот и все сведения об открытии Дежнева, какие можно извлечь из первых двух челобитных его 1662 и 1664 годов, сведения — слишком отрывочные и неполные... Любопытно, что в следующей своей челобитной — 13-го февраля 1665 года — Дежнев уже ни одним словом не упоминает о своем знаменитом плавании! Якутские воеводы в своих отписках царю если и говорят о Дежневе, то только по поводу его анадырской службы и, особенно, открытой им «моржовой корги». О плавании же 1648 года нигде они не упоминают. Точно так же и центральная московская администрация не обратила никакого внимания на важное географическое открытие Дежнева: ни царская грамота 1658 года якутским воеводам, ни «выписи» Сибирского приказа по челобитным Дежнева — ни слова не говорят об этом открытии, а все свое внимание устремляют на найденные Дежневым залежи моржовой кости... Так же отнесся и сам Дежнев к своему великому подвигу: он и не подозревал всей важности своего морского пути от реки Колыма до реки Анадыря. Подобно своим властям, и он оценил в своем многотрудном морском походе один только материальный результат его — находку ценного «рыбьего зуба».

Причины такого странного на наш современный взгляд явления очень просты. Стоит только вспомнить, в каких слабых зародышах существовала на Руси XVII века географическая наука. Никому, конечно, и в голову не приходило тогда помышлять о разрешении такой географической задачи, как вопрос о раздельности Азиатского и Американского материков, да никто и не подозревал существования такой задачи. Как Дежнев, так и его спутники, и высшая администрация — все заботились в этом деле об одном: об открытии реки Анадыря и об увеличении «государевой прибыли» прииском и покорением новых земель. А раз эта цель была достигнута, река Анадырь открыта, а «новоприискная землицы» доставили своим «рыбьим зубом» большую «прибыль» государевой казне, — никого не интересовали уже те пути, какими Дежнев достиг до реки Анадыря. Не интересовали они потому особенно, что вслед за Дежневским трудным и не всегда проходным путем была открыта Моторою и Стадухиным более короткая, доступная

и удобная сухопутная дорога на ту же реку Анадырь. Сам Дежнев, пытавшийся, по-видимому, сначала доказать проходимость открытого им морского пути (мы знаем, что в 1653 году он собирался отправить с Анадыря государеву казну в Якутск морем), впоследствии должен был отказаться от этого намерения и прибегнуть к той же сухопутной дороге, по которой прошли Мотора и Стадухин. Дежнев благоразумно взглянул на удачу своего морского плавания по опасному «Студеному морю», как на простую случайность, и, как практический человек, не решился рекомендовать повторение своего подвига. Тем менее могли помышлять об этом якутские власти, хорошо знавшие, что этот подвиг Дежнева был оплачен слишком дорожной ценою — ценою более 60 русских жизней. Странно даже, как якутские власти не произвели среди оставшихся в живых Дежневских спутников практиковавшегося в подобных случаях «розыска» о такой крупной «потере» людей, впрочем, быть может, до нас не дошло следов этого розыска. Немудрено, что Дежнев в третьей челобитной царю умалчивает о своем морском плавании и не рисует им, не выставляет своего подвига на вид, чтобы получить за него обычное «государево жалованье».

Новые биографические данные о Дежневе (1638—1662 гг.)

Переходя к новым сведениям о жизни С. И. Дежнева до его плавания 1648 г. и после него, остановлюсь прежде всего на одном документе, который дает право заключить, что родиной Дежнева был тот именно город северной Руси, который с первых шагов русских в Сибири и в продолжение XVII—XVIII веков и дальше всегда давал Сибири массу энергичных и предприимчивых деятелей: это — Великий Устюг. Неизбежные устюжане еще в XVII в. вдоль и поперек искрестили всю Сибирь, побывали на всех ее реках и омывающих сибирские берега морях то в качестве служилых людей, то как люди торговые и промышленные. Главными деятелями русской служилой и промышленной колонизации Сибири было население вообще северных городов европейской России, но почему-то устюжан всегда встречалось на этом поприще более других северян. Этот-то город, сослуживший Сибири большую службу, был родиной и Семена Иванова Дежнева...

Основываясь в таком заключении на четвертой челобитной Дежнева, поданной им в Москве 25-го февраля 1665 г. Собираясь обратно в Якутский острог, Дежнев просил государя отпустить с ним туда его «племянника» Ивана Иванова (с его женою Татьяною Григорьевой), который «живет на Устю-

ге Великом ни в тегле¹, ни в посаде, скитается меж двор»... Просьба Дежнева была удовлетворена: ему разрешено взять племянника в Якутск, «будет (то есть — если) он вольной, а не тяглою, и ничей не крепостной, и никому никакова до него дела не будет, и государевых будет долгов и тягл на нем нет», о чем и «дать государеву грамоту» устюжскому воеводе. Грамота была вручена Дежневу, так как он сам собирался захватить по дороге в Устюг и захватить оттуда племянника с женою, которых обязывался «вести с собою в Сибирь на своих подводах».

Несомненно, что Иван Иванов был именно «вольной» человек, а «не тяглою» и «не крепостной»: иначе бы Дежнев и не решился просить об отпуске его в Сибирь. Ни крепостному крестьянину, ни посадскому человеку, прикрепленному к городу известным тяглом, не позволили бы бросить свою деревню или посад и идти вольным человеком на новые места. Тем не менее этот «вольной» человек Иван Иванов мог происходить именно из посадских людей Устюга: может быть, еще его отец (очевидно, брат Дежнева) сошел почему-либо (сбежал, обеднел и т. п.) с посадского тягла; может быть, отцовское тягло перешло к брату Ивашки, а он сам очутился «вольным» человеком, которого дядя смело мог взять с собою в Сибирь и пристроить там на государеву службу или сделать промышленным человеком. Если же Ивашко происходил из посадских людей Устюга, то к тем же посадским следует причислить и его знаменитого дядю Дежнева. Если Ивашка «скитается меж двор» именно в Устюге, если Дежнев собирается захватить в тот же Устюг (конечно, не для того только, чтобы захватить Ивашку, но и для свидания с родными и родиною), то, кажется, не может быть сомнений, что Устюг был родиною и дяди, и племянника.

Когда именно и при каких обстоятельствах Дежнев оставил Устюг и отправился в Сибирь, к сожалению, не известно. Первое хронологическое указание моих источников о жизни Дежнева — это показание самого Дежнева (в первой челобитной), что в 1638 году он перешел из Енисейска, где служил казаком, в Якутский острог. Но из третьей его челобитной мы узнаем, что раньше Енисейска он служил еще «по Тобольску». По-видимому, и в Тобольске, и в Енисейске служба его была непродолжительна: первая челобитная Дежнева, где он так подробно рассказывает о своей Якутской службе, ни слова не упоминает о Тобольской службе, а об

Енисейской говорит только по поводу перехода в Якутск. Итак, можно предположить, что Дежнев приехал в Тобольск в конце 1620-х или в начале 1630-х годов.

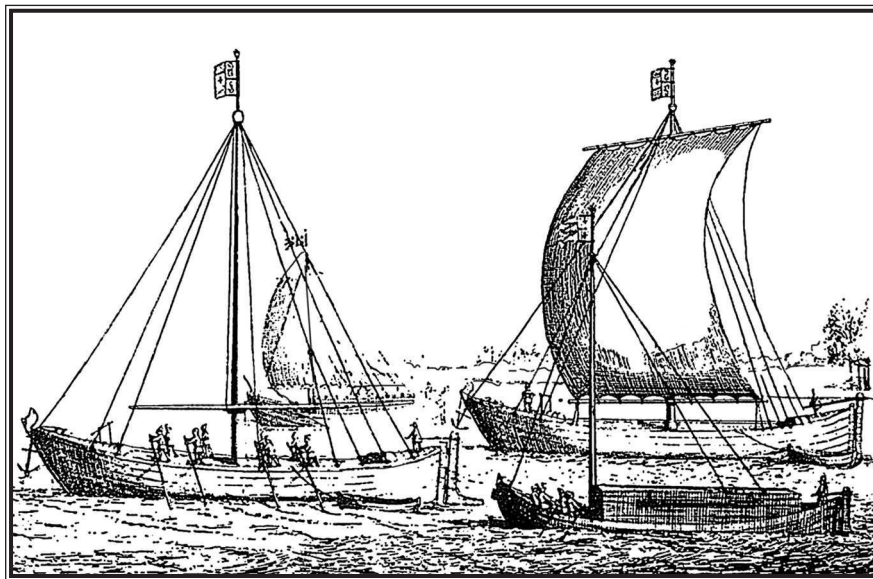
Характерно это стремление Дежнева на восток все дальше и дальше от насиженных и спокойных мест в места новые, неизведанные, беспокойные. Спокойная сравнительно служба в Тобольске и Енисейске, очевидно, не удовлетворяла Дежнева, и он переходит в только что основанный Якутский острог, где широкая натура его находит работу вполне по себе: постоянные походы для покорения немирных инородцев, поиски «новых земель», открытие «новых рек» и проч. «Новые реки» приводят его к великому «Студеному морю». Он настолько основательно знакомится с ним, что решается предпринять крупное морское плавание для отыскания новой реки Анадыря. Счастливая судьба после ряда тяжелых испытаний приводит его и на эту реку, лежащую на крайнем востоке Сибирского материка. Все это неуклонное движение на восток — от Устюга до реки Анадыря — несомненно говорит, что у Дежнева была натура крайне подвижная, кипучая, далеко не ординарная. Недаром ему и выпало совершить подвиг, выходящий из ряда обыкновенных!..

Возвращаясь к тем подробностям якутской службы Дежнева, которые он сообщает в своей первой челобитной 1662 г. Вся эта служба говорит о той же кипучести Дежневской натуры. Почти года не проходило, чтобы он не принял участия в каком-либо походе. Сколько раз он был ранен в боях с инородцами! Кажется, места живого не осталось в человеке!..² Как трудна вообще была эта служба (особенно на реке Анадыре), Дежнев сам говорит не один раз в своих челобитных. Например, в 1662 г. он пишет, что, находясь на службе в Якутске 21 год, «на тех государевых службах в те многие годы всякую нужду и бедность терпел, и сосновую и лиственную кору ел, и всякую скверну принимал»... В челобитной 1664 г. говорит о тех же «дальних службах», что на них он «голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел и помирал голодною смертью»...

Эта тяжелая и опасная служба Дежнева началась с 1638 года, когда он в отряде боярского сына Петра Бекетова перешел на службу из Енисейского острога в Якутский. В следующем 1639 г. Дежнев служил в Якутске под начальством боярского сына Парфена Ходырева. Таким образом, на первых же шагах своей Якутской службы Дежнев прошел хо-

¹ Т. е. в тягле. *Тягло* — система денежных и натуральных государственных повинностей крестьян и посадских людей в Московском государстве в допетровские времена. «Ни в тягле, ни в посаде» означает, что его племянник был бездомен и скитался без дела.

² За 20 лет своей Якутской службы Дежнев был ранен 9 раз!

Русские северные суда.

Гравюра из книги Н. Витсена «Путешествие в Московию в 1664—1665 гг.».
Середина XVII в.

рошую школу таких энергичных деятелей, какими были известные П. Бекетов и П. Ходырев. Руководство этих опытных служилых людей познакомило Дежнева с условиями нелегкой государевой службы в этом краю. В дальнейшей своей службе он также был счастлив на руководителей, какими были для него столько же известные — «письменной голова» Василий Поярков, Дмитрий Михайлов, Михайло Стадухин и др.

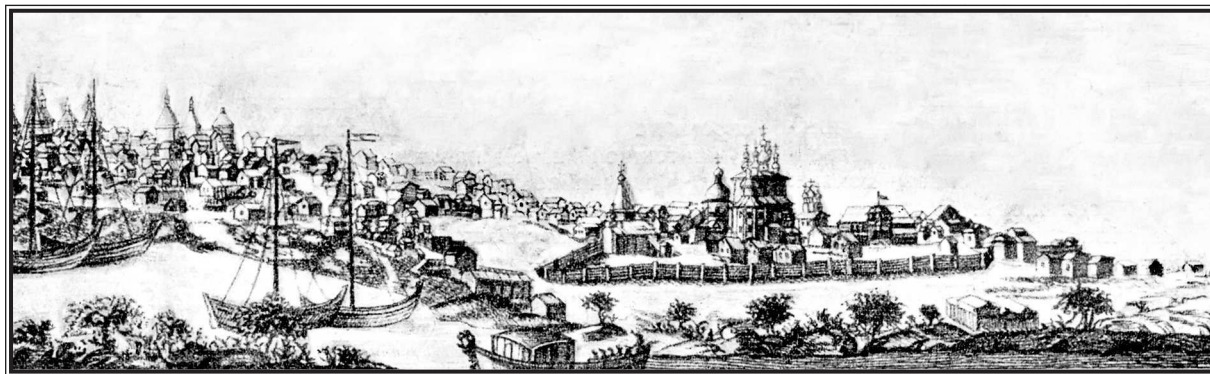
Распорядительность и храбрость Дежнева сказались с самой лучшей стороны в первом же серьезном деле, порученном ему Парфеном Ходыревым. Уже в 1639 или 1640 г. (в челобитной нет точного указания) Дежнев является в роли «приказного», то есть «начального человека», которому давались под команду целые отряды служилых людей. В один из указанных годов «Кангалаского роду князец Сахей» убил двух якутских служилых людей, Федота Шиврина и Елфима Зипунка, посланных к Сахею для ясачного сбора, и вслед затем «сбежал со своих жилищ в далекие места — в Оргуцкую волость». Ходырев послал туда для расследования этого преступления и для ясачного сбора служилого человека Ивана Метлеха; но и Метлеха постигла та же судьба: его убил Тоглойко, сын Сахея. Тогда Ходырев отправил в Оргуцкую волость Семена Дежнева. Как велик был его отряд, Дежнев не говорит, но сообщает только о блистательном результате своей миссии: «и я с того князца Сахея и с его детей, и с его родников (то есть, членов его рода), и с иных

оргуцких якутов взял с них твоего государева ясаку 3 сорока¹ 20 соболей».

Эта первая удача Дежнева обратила на него внимание и преемника Ходырева по управлению Якутским острогом, письменного головы Василия Пояркова. С 1641 г. начинается знакомство Дежнева с реками, впадающими в «Студеное море». Осенью этого года Поярков назначил Дежнева товарищем служилого человека Дмитрия Михайлова, отправленного на р. Яну для ясачного сбора. Отряд Михайлова и Дежнева состоял из 15 человек. Они тронулись в дорогу «зимним путем, на своих лошадях». Дежнев купил двух лошадей за 85 рублей. «Платьишко и обувь и всякой служебной завод» он покупал в Якутске на свои деньги: весь «подъем» обошелся ему более 100 р.

Перейдя на р. Яну «через Камень (горы)», Михайлов и Дежнев начали приводить под государеву руку местных инородцев. Деятельность их в этом отношении была настолько удачна, что в короткое время они собрали очень богатый ясок: 8 сороков, 20 соболей и 2 бурых лисицы. С этою соболиною казною Михайлов отправил в Якутск Дежнева с тремя служилыми людьми («саму четверту»). На дороге напали на эту маленькую партию более 40 человек «ламуцких Тунгусов», покушавшихся овладеть мягкой рухлядью. Несмотря на подавля-

¹ Единица счета в Московском царстве — один сорок (40 штук).

*М. И. Махаев. Вид города Якутска во второй половине XVIII в.
1753 г.*

ющее количество неприятеля, Дежневу удалось отбить нападение благодаря главным образом тому, что русские стреляли по тунгусам «из пищалей», а те «из луков». Дежнев на этом «бою» убил у тунгусов «лутчево мужика до смерти», множество других тунгусов было переранено. Самого Дежнева «те ламуцкие мужики стрелою ранили в левую ногу по колену, а другою стрелою ранили в ту ж ногу в икру». Соболиную казну Дежневу удалось отстоять, и он привез ее в Якутск к недавно назначенному туда первому воеводе, известному стольнику Петру Петровичу Головину.

Головин оценил этот подвиг Дежнева и в 1642 г. отправил его на р. Оймякон в качестве товарища служилого человека Михайла Стадухина, отряд которого состоял из 14 человек. Предпринимая поход, эти служилые люди не получили «государева денежного и хлебного жалованья», а должны были снарядиться на свой счет («на своих лошадях о два конь» и проч.). «Подъем» обошелся каждому по 150 р.

На р. Оймяконе Стадухин и Дежнев удачно собирали ясак с объясаченных раньше тунгусского князья Чоны и его «родников». Но отношения к «неясачным ламуцким тунгусам» были далеко не мирным. Собравшись как-то в количестве более 500 человек, эти тунгусы сделали неожиданное нападение на русское становище, «перестреляли» большую часть лошадей отряда и «учинили бой». Положение русских было очень критическое, но, к их счастью, они получили неожиданную помощь, откуда трудно было ее и ожидать: «ясачные тунгусы и якуты за нас стояли и по них (не ясачных) из луков стреляли», — говорит Дежнев...

Этот довольно редкий в истории Сибири XVII века факт ясно говорит в пользу административных способностей Стадухина и Дежнева. Очевидно, они умели настолько ладить с ясачными

инородцами, что те добровольно становятся на сторону русских в борьбе последних со свободными, еще не объясаченными инородцами.

В защите русских интересов ясачные инородцы доходят до того, что проливают кровь своей же братии...

При помощи этих ясачных людей русским удалось отбить нападение не мирных инородцев. Но жертв было немало с обеих сторон. Русские убили 10 человек ламуцких тунгусов и многих переранили. Из русских никто не был убит, но у их союзников неясачные убили якутского князья Удаю и «иных многих ясачных людей, а иных переранили». Вообще видно, что неясачные отнеслись с ожесточением к изменившим родному делу ясачным людям: Дежнев говорит, что первые «разорили» последних (то есть, их юрты) «до основанья»... Дежнев опять получил на этом бою две «стрельные раны»: в локоть правой руки и «в стегно» правой ноги.

На оставшихся немногих лошадях Стадухин и Дежнев отправили с р. Оймякона в Якутск соборную соболиную казну со служилыми людьми Денисом Ерилом и Иваном Кислым. Таким образом русский отряд (всего 13 человек) остался совсем без лошадей. В таких трудных обстоятельствах их выручил совет вышеупомянутого ясачного князья Чоны — сделать коч и плыть на новые реки «для прииску новых не ясачных людей». Русские построили коч и рекою Оймяконом спустились в р. Индигирку, «а по Индигирке выплыли на море».

Так началось знакомство Дежнева со Студеным морем... Дежнев не определяет места высадки русских на берег, а рассказывает далее, что по сказке «иноземцев» «ходил» он вместе с сослуживцем Романом Немчином в отряд служилого человека Дм. Михайлова, того самого, который в 1641 г. вышел вместе с Дежневым на р. Яну, а затем, после отъезда Дежнева в Якутск, продвинулся еще дальше

на восток. Где именно произошла встреча с Михайловым, Дежнев не говорит, но, кажется, это было на р. Алазее.

Дежнев явился к своему старому сослуживцу «для совету, чтоб нам с ним, Дмитрием, вместе служить государевы службы». Соглашение начальных людей о соединении отрядов (желательном, очевидно, обеим сторонам, в виду малочисленности того и другого отряда) состоялось. Но еще до этого соединения Дежнев ходил с Михайловым в поход против Алазейских юкагир для взятия аманата. При этой «имке» аманата произошел бой с инородцами, на котором Дежнева «стрелюю ранили в левое плечо». Стадухин соединился с Михайловым на р. Колыме, откуда Дежнев ходил вместе с ними против «юкагирских мужиков Оймоков».

Во время боя с ними Дежнев убил у них «лутчево мужика» (брата князца Аллая), а самого Дежнева — «в левую руку по завита¹ железницею (то есть, железною стрелюю) насквозь прострелили». В аманаты взяли Кениту, сына Аллая.

После трехлетней службы на р. Колыме, Д. Михайлов и М. Стадухин с собранным ясаком и половиною служилых людей «морем на коче пошли» в Якутск, а в построенном ими Колымском острожке оставили Дежнева и Гаврилова, всего 13 человека.

Думая воспользоваться таким малолюдством русского отряда, князец Аллая собрал более 500 юкагир, «приходил к острожку приступом и обсадил нас в острожке». Произошел «съемной (рукопашный) бой», во время которого в острожек «многие иноземцы к нам сильно вломились». Но когда «изменника Аллайка на съемном бою копьем скололи до смерти» и убили других юкагир, а множество ранили, «они, убоясь смерти, отошли прочь от острожку». Дежнев опять был ранен — в голову «стрелюю железницею».

Между тем, Дмитрий Михайлов не доехал до Якутска и с дороги опять вернулся на р. Колыму уже в качестве официального «приказного человека» в Колымском острожке. Дорогою «на море» Михайлов встретил ехавшего из Якутска (с торговыми и промышленными людьми) Петра Новоселова, назначенного «таможенным целовальником» в тот же острожек. Новоселов передал Михайлову от якутского воеводы П. П. Головина «наказную память», назначавшую Михайлова «приказным» на «новоприискных реках»: на Индигирке, Алазейке, Колыме, на р. Собачьей и на других реках, которые обязаны были приискивать новые власти Колымского острожка. Служилые люди последнего отданы под команду Михайлова.

Б. Н. Бродский. Бюст С. И. Дежнева, установленный у основания маяка на мысе, названном его именем. 1946 г.

Дежнев замечает, что «приказной Д. Михайлов и целовальник П. Новоселов тебе, государю, раздели с великим раденьем»: много раз они посылали служилых людей «на непослушников не ясачных иноземцев», с которых и удавалось русским получить ясак. Дежнев не перечисляет всех этих походов. Он останавливается только на последнем (перед морским плаванием 1648 г.) походе против тех «государевых изменников» юкагир, которые раньше «приходили к острожку приступом» (см. выше). По-видимому, эта экспедиция была под начальством Дежнева. Экспедиция удалась: русские «поймали в аманаты» одного из «лутчих мужиков». Но сам Дежнев опять был ранен — «в левую руку в мышку».

Дальше в первой челобитной Дежнева 1662 г. идут сведения о его знаменитом морском плаваньи 1648 г.

О своей анадырской службе Дежнев говорит в той же челобитной очень коротко и не сообщает ничего почти нового. Отмечу только, что в 1659 г. боярский сын Курбат Иванов (известный Якутский деятель того времени) «на Анадыре-реке, — говорит Дежнев, — принял у меня острожек и аманатов».

Из данных второй челобитной Дежнева 1664 г. об анадырской службе любопытно то указание, что

¹ По запястью.

с 1643 по 1662 г. г. он не получал государева денежного, хлебного и соляного жалованья, а жил «своими деньгами». В 1662 г., находясь в Якутске, Дежнев просил воеводу, стольника Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова выдать «заслуженной оклад». Но воевода счел возможным выдать ему только соляной оклад сполна за все указанные годы, но в остальном жалованье отказал — «для денежной и хлебной скудости» в Якутском остроге.

В остальных новооткрытых документах находим очень мало новых подробностей об анадырской службе Дежнева и о предыдущей его жизни. Отмечу только следующие факты:

«Выписка» Якутской съезжей избы 1662 г. говорит, что в 1639 г. боярский сын Парфен Ходырев принял в «Новом Ленском острожке» (впоследствии Якутский острог) у боярского сына Петра Бекетова 30 чел. енисейских служилых людей, а в том числе и казака Семена Дежнева. Служил он в Якутске «сверх государева указного числа, сверх якутских служилых людей в енисейском в прежнем «своем окладе». Этот годовой «оклад» его был не велик: «денег 5 рублей, хлеба 5 чети¹ с осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли». Но и этот оклад он не получал, потому что находился на «дальних службах», на реках Колыме и Анадыре.

Хотя в 1659 г. Дежнев сдал Анадырский острожек Курбату Иванову, но продолжал еще 2 года жить на реке Анадыре, занимаясь собственным промыслом по добыче моржового зуба и проч. Только в 1662 г. он оставил Анадырь и прибыл в Якутский острог, откуда и направился в Москву <...>

СМЕРТЬ ДЕЖНЕВА В МОСКВЕ В 1673 ГОДУ²

Один документ 1701 года ясно говорит, что С. И. Дежнев умер в Москве в 1673 году.

Это «окладная книга» денежного, хлебного и соляного жалованья ружников и служилых людей города Якутска, 1701 г.³ Здесь во главе 4-х «казачьих атаманов» стоит имя уже покойного Семена Дежнева. Вот эта запись «окладной книги»:

«Атаманы казачьи:

Денег по 9 рублей, хлеба по 4 чети ржи, по 2 чети овса, по 2 пуда с четью соли.

¹ *Четь* (от «четверть») — мера объема сыпучих тел, около 200 литров. Название произошло от величины этой меры — четверти кади.

² Печатается с небольшими сокращениями по изданию: Библиограф. М., 1892. С. 60—62.

³ Сибирского приказа книга № 1344, лл. 361—424.

Семен Дежнев — во 181-м году⁴ на Москве умре, а оклад ево в выбылых».

Далее идут имена 3 живых атаманов — Григория Петрова, Степана Полуехтова и Василия Петриловского. Первые двое имели тот же оклад, что и Дежнев, а у Петриловского был другой оклад. Оклад же Дежнева заносился в книги как «выбылой», т. е. никому из служилых людей еще не переданный.

Оклад этот несколько меньше того, какой был назначен Дежневу в 1665 г. при поверстании его в атаманы <...>. Когда именно произошло это уменьшение оклада у Дежнева — не знаю. Но во всяком случае на это уменьшение нельзя смотреть как на какое-то наказание Дежневу. Сибирские воеводы нередко производили общее уменьшение окладов жалованья у служилых людей с целью «учинить государю прибыль». В Якутске уменьшено было собственно хлебное жалованье, что весьма понятно: местного хлеба почти не было там, а доставка его из других сибирских городов стоила очень дорого.

Если Дежнев умер в Москве в 1673 г., то очевидно, что, приехавши туда в декабре 1671 г., он уже и не выезжал из столицы. В первый приезд в Москву в 1664—1665 гг. Дежнев прожил в ней около года, если не больше. Неудивительно поэтому, что и во второй приезд он снова прожил там более года, если не целых два (если он умер в декабре 1673 г.). Продолжительность вторичного пребывания Дежнева в Москве естественно увеличилась вследствие предсмертной болезни его.

Итак, кости Семена Иванова Дежнева покоятся в Москве... Где искать их в Москве — Бог весть! Задача эта почти неразрешимая. В XVII веке не было в Москве общих кладбищ, а хоронили при каждой церкви. Но в приходе какой именно церкви умер Дежнев — мы не знаем. Да если бы и знали — вряд ли бы добились каких результатов, так как приходские кладбища московских церквей почти совсем исчезли с лица земли и редко-редко где на церковном погосте попадаются вросшие в землю каменные плиты с выветрившимися надписями. Такая плита могла быть и над могилою атамана Дежнева, имевшего немалые для XVII в. достатки.

Рекомендую эти поиски вниманию знатоков и любителей московской старины. Может быть, счастливая случайность и поможет им отыскать могилу этого смелого полярного путешественника, видного представителя того серого люда, который «кровью и потом» добыл для России «Сибирь — золотое дно» — дело весьма почтенное... Мы так небогаты «знаменитостями» разного рода, что не должны пренебрежительно относиться и к памяти Дежнева, бывшего далеко не заурядной личностью.

⁴ 7181 г. «от сотворения мира» — 1673 г. н. э.

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ

Современник Семена Дежнева русский землепроходец Ерофей Хабаров (ок. 1603 — после 1667, по другим данным, не ранее 1671) совершил ряд походов в Приамурье и составил знаменитый «Чертеж реке Амуру». Его именем названы город и край на Дальнем Востоке, а также поселок и железнодорожная станция Ерофей Павлович на Транссибирской магистрали.

В 1625 году Хабаров совершил свой первый сибирский поход на коче из Тобольска на Таймырский полуостров, в Мангазею¹. В 1630 году участвовал в плавании из Мангазеи в Тобольск. С 1632 года в верховьях Лены занимался скупкой пушнины. В 1639 году открыл соляные источники в устье реки Куты, где построил соляную варницу. В 1641 году построил мельницу возле устья р. Киренги. Вскоре воевода Петр Головин начал требовать увеличения доли урожая, отдаваемой ему Хабаровым по уговору. Позже Головин забрал все имущество Хабарова и посадил его в Якутский острог, из которого тот вышел только в 1645 году. О дальнейшей судьбе Хабарова рассказывается в очерке известного российского ученого-архивиста, библиографа и генеалога Николая Петровича Чулкова (1870—1940).

ДОБЫТЧИК И ПРИБЫЛЬЩИК XVII ВЕКА²

О завоевании Амура русскими в XVII веке и в частности о деятельности Хабарова писано уже несколько раз, начиная с пятидесятих годов прошлого³ века. Почин в этом деле положил Миллер, напечатавший в «Ежемесячных Сочинениях к пользе и увеселению служащих» 1757 г., на основании списанных для него в Сибири документов, «Историю о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением». Этими же документами пользовался и Фишер в своей «Сибирской истории»⁴. Позднейшие писатели первой половины нынешнего столетия только повторяли рассказ Миллера и Фишера. В 1840 г. в «Сыне Отечества» были напечатаны документы, касающиеся Хабарова, списанные в Якутском архиве, а затем в 40-х же годах Археографическая Комиссия издала в IV томе «Актов исторических» и в III томе «Дополнений к Актам историческим» документы, списанные в прошлом веке для Миллера. (Таким образом появилась возможность пользоваться самими документами, а не пересказом их.)

Но всем писавшим о Хабарове оставались неизвестны документы Сибирского Приказа, хранящиеся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Документы эти дополняют то, что уже было известно о Хабарове, но кроме того дают сведения о жизни

¹ *Мангазея* — первый русский заполярный город XVII в. на севере Западной Сибири, на р. Таз в месте впадения в нее р. Мангазейки.

² Печатается по публикации в журнале «Русский архив» (1898. Кн. 1. Вып. 2. С. 177—190).

³ Т. е. XVIII-го.

⁴ *Фишер И. Э.* Сибирская история. СПб., 1774. 632 с.

Хабарова до похода на Амур, о судьбе его по отъезде оттуда и, что всего важнее, о последнем годе его пребывания на Амуре, о чем не сохранилось никаких других известий¹.

* * *

Ерофей Павлов Хабаров был родом из Сольвычегодска. В некоторых бумагах он называется Устюжанином. На родине ему не повезло: он сильно задолжал. Оставив жену и детей, Хабаров отправился в Сибирь и первоначально занялся торговлей. В 1638 г. он поселился на пустой земле при впадении р. Киренги в Лену и устроил здесь соляную варницу и мельницу. Он же первый завел в этих местах земледелие и распашал 60 десятин, обязавшись отдавать в казну десятую часть жатвы. Но Хабарову и тут не повезло: якутский воевода П. П. Головин взял вместо десятой части пятую, «пятую лучшую десятину», как говорит Хабаров в своей челобитной, а несколько времени спустя отписал на Государя всю землю, хлеб в количестве 3000 пудов и соляную варницу, а самого Хабарова посадил в Якутске «за пристава». Сидя в заключении, Хабаров вспомнил об оставленной им на родине семье, на которой взыскивали его долги, и написал челобитную, в которой просил, чтобы его отпустили в Сольвычегодск расплатиться с долгами и податями и освободить с правежа семью. На арендуемой им земле он обещал оставить брата своего Никифора. В Сибирском Приказе 20 июня 1645 г. разрешили отпустить Хабарова на родину, если за ним нет никакой вины и если он действительно оставит на пашне брата. Неизвестно, удалось ли Хабарову съездить в Сольвычегодск. Во всяком случае, если он и побывал там, то семьи с собой не привез: через несколько лет он просит, чтобы отпустили к нему в Сибирь жену, дочь, внучку и племянницу, живших в то время уже в Устюге. Хабаров вскоре был выпущен из заключения, и пожалована была ему награда: за устройство пашни и соляной варницы ему велено выдать 500 рублей; денег этих он, однако, никогда не получил.

Русские проводили о реке Амур впервые в 1636 году. Партия казаков, посланная из Томска на реку Алдан объяснить тамошних тунгусов, узнала от них о племенах, живших по рекам Зее и Шилке (притоку Амура). Более подробные сведения о даурах получил енисейский атаман Максим Перфильев от витимских тунгусов; он узнал, что в Даурской земле добывается медная, свинцовая и серебряная руда, а от китайцев дауры получают

шелковые ткани и разные другие товары. В 1643 г. снаряжена была экспедиция под начальством «письменного головы» Василия Пояркова. Ему по наказу надо было идти во владения даурского князя Лавкая² и отыскать там серебряную руду; но он, идя по Алдану, а затем по Зее, свернул не направо, а налево и пошел вниз по Амуру, не попав таким образом в княжество Лавкая. В 1647 г. сделался известным более короткий путь к Амуру, именно по Олёкме и Тугирию³ и волоком до притока Амура, Урки. Этим путем ходили из Якутска казаки, но они дошли только до Амура и вернулись назад⁴.

Об этом-то пути прослышал Хабаров и решил попытать счастья в стране, о богатстве которой ходило много рассказов.

В 1649 г. в якутском остроге произошла смена воевод. На место Василия Пушкина и Кириллы Супонева был назначен Дмитрий Андреевич Францбеков. С первой полкой водой он поплыл с дьяком Осипом Степановым к месту своего нового назначения. Еще не успел он доплыть до Якутска и вступить в должность, как в илимском остроге к нему явился Хабаров с предложением своих услуг для покорения земель, лежащих по Амуру. Он просил разрешения вызвать охотников из промышленных и служилых людей и брал на себя снаряжение и прокормление 150 человек. Воевода согласился, и немедленно стали вызывать желающих идти с Хабаровым. Набралось однако только 70 человек.

Воевода донес в Москву, что Хабаров предпринял поход на свой счет; но в действительности много денег затратил сам Францбеков, как узнаем из доноса дьяка Петра Стеншина, служившего с прежними воеводами, Пушкиным и Супоневым. По словам Стеншина, воевода при людях на своем дворе говорил, что «та-де даурская служба стала ему недешево, в Ярофейкин подъем Хабарова, и что он с ним служилых и промышленных людей подымал своими деньгами, пищали им и платья покупал и запасы своими ссужал, и животы-де⁵ все он свои в том истерял; а стала-де ему та даурская

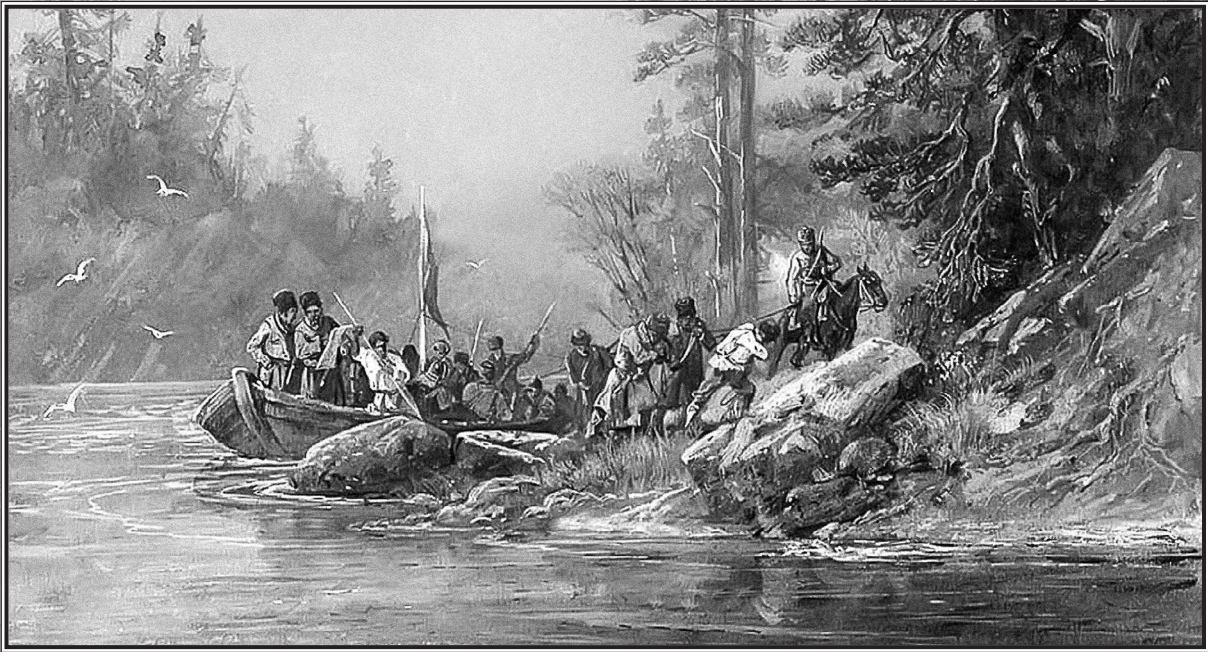
² *Лавкай* — даурский князь, чьи владения находились на р. Шилке; данник империи Цин, один из воевод (на стороне Китая) в серии пограничных конфликтов в Приамурье (1649—1650 гг.). См. о нем: Отписка якутского воеводы Дмитрия Францбекова о походе Ерофея Хабарова на реку Амур (26 мая 1650) // Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1848. С. 258—261. (*Примеч. авт.*)

³ По-видимому, имеется в виду приток Олекмы Тунгир. (*Примеч. авт.*)

⁴ Поход Пояркова в «Пегую Орду» (как называли тогда Приамурье) сопровождался страшными бедствиями и даже людоедством. (*Примеч. авт.*)

⁵ Одно из значений слова «живот» — имущество, пожитки (Словарь русского языка XVIII в.).

¹ Документы Сибирского Приказа указаны нам Н. Н. Оглоблиным, бывшим архивариусом Архива Министерства Юстиции. (*Примеч. авт.*)

*Н. Н. Карзин. Сибирские казаки у проведывании новых земель.
Акварель из Сибирского альбома цесаревича. 1891 г.*

служба в 30 000 рублей с лишком, в том числе за одним Ярофейком Хабаровым с 7000 рублей, за Дружинкою Васильевым Поповым 600 р., а на иных по 100, и по 50, и по 40, и 30; а меньше того кому он ссуду давал, 30 р. в дачах нет». За ссуду Францбеков брал со служилых людей в свою пользу их денежное и хлебное жалованье и, кроме того, брал с них кабалы, по которым они обязывались уплачивать 50%. Чтобы обеспечить исправный платеж долга, Францбеков послал с отрядом своего человека, который должен был получать в счет долга добычу, приобретенную во время похода должниками воеводы. Таким образом можно вполне согласиться со словами Стеншина, что воевода предпринял поход «не для государевой службы, а для своей бездельной корысти и нажитку».

Получив от воеводы наказ, Хабаров осенью 1649 года выступил из Якутского острога в новую Даурскую землю для привода под высокую царскую руку князя Лавкая с товарищами, для ясачного сбора и проведывания серебряной руды. Он отправился по Олёкме и на устьях Тугири зазимовал. 19 января 1650 г. отряд его двинулся вверх по Тугирию, затем прошел волоком к Амуру и дошел до владений князя Лавкая; но город и улусы оказались пусты. Точно так же были пусты и другие города, к которым подходил Хабаров: туземцы были уже предупреждены русским промышленником Семеном Косым о том,

что идут русские для сбора с них ясака¹. Возле одного города к русским подъехал Лавкай с братьями и зятем. Хабаров через толмача объявил им, что пришел в Даурию торговать, но Лавкай не поддавался обману. Тогда Хабаров предложил ему платить ясак. Лавкай дал уклончивый ответ и ускакал. Не решаясь с малочисленным отрядом идти вглубь страны, Хабаров вернулся в первый из встреченных им по пути городок. Здесь он оставил свой отряд, а сам отправился назад в Якутск².

Служилые и охочие люди, оставшиеся в Лавкаевом городке, в отсутствие Хабарова не теряли времени: они 12 раз ходили на дауров и взяли в плен Албагу, сына даурского князя Шилгиня. Шилгиней прислал за него ясаку 30 соболей с другим своим сыном. Служилые люди и его взяли в заложники, не отдав отцу Албаги. Но когда дауры предложили якута Бузюка, кабального человека Хабарова, то пришлось отдать за него Албагу.

¹ По другому показанию, Лавкай был предупрежден казакон Квашниным, сказавшим, что на дауров идет многочисленное русское войско, чтобы всю землю пограбить, жен и детей в полон взять.

² Описание этого похода 1649—1650 г. см. в статье П. В. Шумахера в «Русском Архиве» (1878, III, 257). Покойный Шумахер пользовался историческими бумагами, которые доставлял ему граф Н. Н. Муравьев-Амурский. (Примеч. авт.)

базин, где и нашли его. Хабаров немедленно принял у них «государеву казну», т. е. пушки, пищали, порох, свинец, сукна, котлы, косы, серпы. Вскоре обнаружилось, что Хабаров смотрит и на «государеву казну», и на своих товарищей по походу, как на средство для обогащения. Прежде всего он объявил, что «казна» принадлежит ему, так как он купил ее в Якутске и, хотя и не заплатил за нее наличными деньгами, но дал на себя запись, и действительно стал распоряжаться ею, как своею собственностью: продавал своим же служилым людям по дорогой цене. Так, за пищаль, 2 фунта пороха, 2 фунта свинца и котел фунта в 4 он брал 60 рублей, а иногда и больше. Мало того; он занялся здесь винокурением и пивоварением. И вино, и пиво он продавал своим служилым людям ведрами и чарками. У кого не было денег, чтобы заплатить, с тех он брал кабалы, и вскоре весь отряд был закабален. Весь почти хлеб был таким образом превращен в вино.

Утвердившись в Албазине, Хабаров стал предпринимать походы против соседних дауров. 24 ноября он выступил с пушками и через несколько дней встретил конных дауров, которые не могли противостоять пушкам и разбежались. 8 декабря он пошел на князя Досаула. Не дойдя до его владений, Хабаров послал 60 казаков с Поляковым и Чечигиным во главе и толмача Константина Иванова против дауров и тунгусов, живших в пяти юртах по реке Ширилке. Иностранцы эти не стали сопротивляться и обещали быть в вечном подданстве Московского царя, платить ему ясак и даже склонить к тому же соседних князей Васаула и Гантимура. Но когда их привели к Хабарову, то он велел мужчин утопить, а жен, детей и имущество их подуванил¹. 29 мая 1651 г. он еще послал отряд, чтобы переловить заложников. Удалось поймать 8 человек. Одних из них Хабаров отдал своим приближенным, других взял себе и заставлял их так непосильно работать, что они разбежались.

В числе заложников уже была и жена князя Шилгиня. Хабаров хотел сделать ее своей наложницей, но она воспротивилась. Раздраженный ее отказом, он велел ее удавить. В Страстной Четверг явился Шилгиня с ясаком и, остановившись недалеко от города, просил разрешить ему свидание с женой. Прождав с утра до полудня, он не заплатил ясака и ушел прочь.

Хабаров вызывал желающих поселиться у реки Урки заниматься хлебопашеством и собирать ясак с князя Гантимура. Но охотников заняться мирным промыслом не нашлось, и Хабаров послал туда своих четверых кабалных людей.

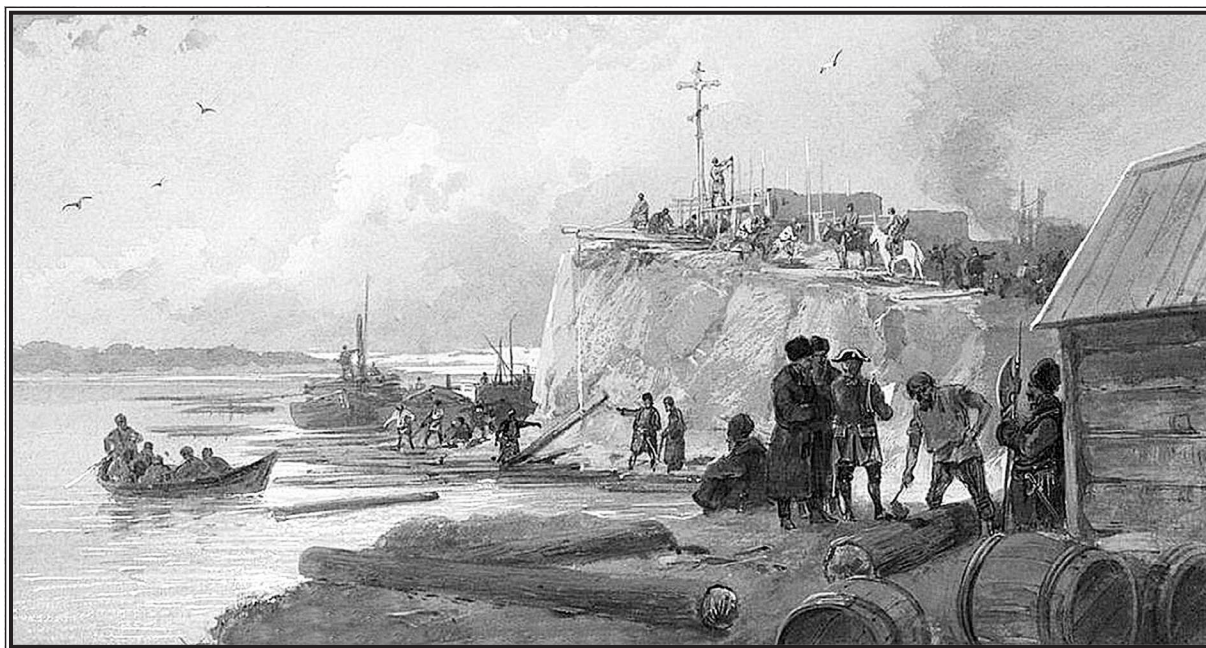

Походы и сражения Б. П. Хабарова в 1651 г.

25 марта 1651 г. Хабаров послал в Якутск Чечигина, дружину Попова и племянника своего Артемия Филипова Петриловского с собранным ясаком и с отпиской на имя государя, в которой давал отчет в своих действиях (не всегда, впрочем, сходно с истиной) и сообщал, что князья Лавкай, Шилгиней и Ал база обещали быть под государевой высокой рукой в вечном холопстве. Относительно хлебопашества он извещал, что устроил у волока острожек и посадил «на своих проторех и своими подъемами» 20 человек для пашни да 30 человек для службы, для привода под царскую высокую руку князя Гантимура и для ясачного сбора. В отписке своей Хабаров кроме того предлагал прислать на Амур ссыльных или иных каких-либо людей для пашенного поселения, потому что «на Амуре-реке пашенных угодных мест и санных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодий гораздо много». Хлеба же здесь так много, что Хабарову с товарищами хватит его на пять лет. «А будет тебе, Государю,— прибавляет Хабаров,— в произвол тою новою Даурскою землею и теми царями Шамшаканом и Алакаба-Тураканом², и серебряною горою обовладеть и послать в ту Даурскую больших ратных людей, и тем, Государь, ратным людям из якутского острога только надобно хлебных запасов до волоку на человека по 7 пудов, и за волоком-де, Государь, на великой реке Амуре можно хлеба взять у даурских людей и хотя на 20 000 человек». Служилые люди просили Хабарова, чтобы он прочел им свою отписку, но он отказался.

¹ Т. е. разделил добычу себе и своим сообщникам. (Примеч. авт.)

² Шамшакан — царь богдойский, т. е. маньчжурский, посаженник Алакаба-Туракана (богдыхана). (Примеч. авт.)

Н. Н. Каразин. Постройка сибирскими казаками крепостей.

Акварель из Сибирского альбома цесаревича. 1891 г.

Послав отписку, Хабаров велел всему войску делать дощаники и струги и ковать якоря для дальнейшего плавания по Амуру. Когда суда были сделаны, Хабаров со своим отрядом покинул Абазин и поплыл вниз по Амуру (в мае или июне 1651 г.). Первый городок, встреченный им по пути, был Гойгударов. Гойгудар отказался сдаться добровольно и был взят силой, при чем было ранено около тридцати человек русских. Следующей город был Банбулаев, который Хабаров нашел пустым. На полях кругом города еще стоял несжатый хлеб¹. Хабаров решил здесь пожить, но предварительно «жеребей метал, и Господь Бог по жеребью изволил жить тут». Желая воспользоваться хлебом, Хабаров стал продавать косы и серпы — косу за 2 рубля, серп за 1 рубль. Через три недели, 20 августа, поплыли дальше и через три дня достигли Толгина города. Здесь взяты были в плен 45 человек, в том числе 8 князей. Князья присягнули на верность царю и дали ясаку два сорока соболей, при чем извинялись, что не могут теперь дать больше, потому что заплатили ясак Богдойскому царю, но обещали осенью дать большой ясак. Хабаров решил пожить и в Толгином городе. Город этот был окружен двумя стенами из цельных бревен, между стенами был

насыпан хрящ. Вокруг города были вырыты три рва в 3 сажени глубины и 4 ширины. Хабаров построил еще четыре башни для пушек и устроил чеснок². Внутри города был построен аманатский двор, окруженный тыном. Город был разделен на участки, которые по жребию были распределены между служилыми людьми для постройки изб.

С аманатами Хабаров продолжал обращаться по прежнему: почти всех он засек кнутом, в том числе и Толгу³.

Недолго пожил Хабаров и в Толгином городе. 5 сентября 1651 г. он велел перенести на суда пушки и хлебные запасы. Напрасно просили его служилые люди пожить еще здесь; он им отвечал: «мне-де долги свои где взять, а вам-де, тут живучи, чем долги платить?» Войско, «заплакав», исполнило волю своего предводителя.

Толгиным княжеством кончалась Даурская земля, за ним начиналась земля дюгеров и ачанов или натков⁴. Приплыв к Ачанскому улусу, Хабаров

¹ Относительно хлеба в показаниях служилых людей находим разноречие: по словам некоторых из них, в Банбулаевом городе не нашли хлеба. (Примеч. авт.)

² Т. е. частокол, сплошь забитые сваи. (Примеч. авт.)

³ В Москву Хабаров донес, что Толга сам лишил себя жизни. (Примеч. авт.)

⁴ По-видимому, малочисленные местные народности, истребленные уже в ранний период колонизации Приамурья. Ни с одним из реликтов автохтонных этносов, уцелевших до настоящего времени (остатками ульчей, негидальцев, орочей, удэгейцев), не идентифицируются.

здесь зазимовал. Вскоре был захвачен в аманаты сын князя Жакшура, давшего под сына два сорока соболей. С сентября по февраль туземцы больше не появлялись с ясаком. Поэтому Дунай Трофимов и Степан Поляков с 95 служилыми людьми были посланы в глубь страны, разгромили Кечигин улус и поймали семь человек, в том числе троих братьев князя. Кечига дал под своих братьев пять сороков соболей. И с этими аманатами Хабаров поступил, как с прежними: сына Жакшура и Кечигиных братьев повесил, остальных «порубил».

В Ачанском улусе Хабарову пришлось выдержать две осады. 2 октября 1651 г. подступили дюгеры, но были отбиты с большим уроном, русских же было ранено только человек десять. Второй враг был опаснее, но и его одолели. 24 марта 1652 г. на утренней заре, окружили улус 1500 богдойцев (маньчжуров), но отступили без успеха и с большим уроном. Русских же было ранено около 80, в том числе и сам Хабаров, убито 9. Захвачены были 2 пушки и 18 пищалей.

В апреле 1652 г. Хабаров из Ачанска поплыл назад в Даурию, опасаясь нового нападения маньчжуров.

Между тем Чечигин, Попов и Петриловский, посланные Хабаровым с отпиской, явились в Якутск 29 мая 1652 г. Попов был отправлен в Москву с воеводской отпиской, излагавшей донесение Хабарова, и подал ее в Сибирском Приказе 25 августа 1652 г. Чечигин же и Петриловский набрали еще 110 человек охотников, да воевода дал 27 служилых людей, снабдив тех и других хлебными запасами, оружием, порохом, свинцом и деньгами. На каких условиях снабжал Францбеков всем необходимым, мы видели раньше. Чечигин и Петриловский, по примеру Хабарова, пошли без «казны», которую должно было везти более медленно. Придя на Амур, они срубили суда и поплыли вниз по реке искать Хабарова. В Албазине его уже не было. По дороге они ловили «языков», расспрашивали их через толмачей, не видали ли они Хабарова, но ничего не могли узнать. Когда приплыли они в Банбулаевгород, то начались морозы, и им пришлось здесь перезимовать. Сюда приходили к ним дауры. Чечигин убеждал их платить ясак, но получил в ответ: «Рады-де мы вашему государю ясак давать, только-де вы люди лукавы, правды-де в вас нет». Свой отказ дауры объяснили тем, что Хабаров, «пловучи на низ, наши житишка жег и пустошил, нас, даурских людей, рубил в пень и жены наши и дети в полон имал». Весною Чечигин послал 27 человек под начальством Нагибы проводить о Хабарове. По словам служилых людей, Хабаров знал от дюгеров, что его ищут казаки, но не принял никаких мер, чтобы дать им о себе вести. Дождавшись «казны», Чечигин

Походы и сражения Е. П. Хабарова в 1652 г.

с оставшимися у него людьми поплыл вниз. Когда он плыл мимо владений князя Толги, дауры вышли на берег. Чечигин послал своего толмача призывать их в подданство царю; но они, помня судьбу своих аманатов, отказались. В земле дюгеров Чечигин был счастливее. Ему удалось поймать одного дюгера, который провел русских в лес, где они захватили жену и детей князя Тоенчи. Князь в тот же день явился к Чечигину с ясаком и сам предложил себя в аманаты.

Вскоре после этого, накануне Троицына дня, Чечигин съехался с Хабаровым, возвращавшимся уже назад. Так как посланные Чечигиным казаки так и не встретились с Хабаровым, то товарищи их просили у сего последнего разрешения пойти вниз искать их, но Хабаров не разрешил¹. Таким образом Чечигин с товарищами должен был идти назад.

13 августа в Кукореевом улусе служилые люди подали Хабарову челобитную, в которой упрекали его в том, что он государевой службе не радеет, поселения не делает, городов не ставит, аманатов теряет, казну государеву продает, и выражали опасение, что из-за непостоянства и нерадения Хабарова не бывать им в царском жалованье. Хабаров на это отвечал: «Что вам, мужики, дело до государевы казны, хотя-де яз и продаю государеву казну; взял-де государеву казну ту в Якутском остроге из государевы казны у воеводы Дмитрия

¹ Нагиба спустился по Амуру до моря, затем шел морским берегом и по рекам Ленского бассейна дошел до Якутска, куда явился 15 сентября 1653 года. См. статью П. В. Шумахера в «Русском Архиве» 1878 года. (Примеч. авт.)

Походы и сражения Е. П. Хабарова в 1653 г.

Андреевича Францбекова да у дьяка Осипа Степанова, только-де по обценке в долг, и в той-де яз казне на себя запись дал и словет-де то купил, что куды-де яз с тою купую хочу, туды-де яз и пойду, хотя-де и на промысел; а вы-де мне не указывайте и не бейте челом, и подите-де вы куды хотите, вам-де что будет от государя какое жалованье, а у меня-де писано к государю моими подъемами, а вы-де на моих подъемах». В заключение он пригрозил: «Вы-де у меня съели запас на Тугире и на Урке, за всякий день пуд вы мне заплатите по 10 рублей». Последствием этих пререканий было то, что 132 человека со Степаном Поляковым и Константином Ивановым во главе отделились от отряда и поплыли вниз по Амуру служить Государю «своими головами с травы и воды».

Судьба Полякова с товарищами была неизвестна всем историкам, писавшим о Хабарове. Миллер замечает: «Знатно, что многие из них предались потом к китайцам, ибо в последующих известиях часто упоминается о русских, у китайцев находившихся». В другом месте Миллер говорит по поводу того, что Константин Иванов был впоследствии послан в Москву: «Чего ради надлежит рассуждать, что по крайней мере некоторые из сих беглецов... к Хабарову возвратились». У Фишера же по этому поводу читаем следующее: «Хабаров охотнее беспрепятственно оных отпустить, нежели вступить с ними в междоусобную войну желал, от чего было обе партии пришли в ослабление, и неприятелю подана бы была токмо выгода к победе». О судьбе бунтовщиков он говорит: «Они недолго были в разлучении, но скоро после того с великою толпою соединились».

О дальнейших действиях Хабарова также ничего не было известно. «После помянутого разлучения, — говорит Фишер, — о храбрых Хабарова делах у Амура ничего не записано; разве положить, что он в самом деле не учинил ничего более знатного, или известия о том пропали». Миллер предполагает, что Хабаров продолжал следовать далее вверх по Амуру, хотя замечает, что «заподлинно неизвестно, сколь далеко он ехал, ниже где проводил зиму» <...>

Явившись в Гиляцкую землю, Поляков поставил острог с башнями и таранами. Очень скоро ему удалось взять в аманаты девять человек князей, под которых стали доставлять ясак.

Хабаров с оставшимися у него 212 служилыми людьми поплыл вслед за бунтовщиками, 30 сентября 1652 г. явился под стенами их городка и поставил себе зимовье. 1 октября явились на пяти стругах приморские Гиляки, привезшие ясак Полякову. Хабаров послал есаула Панфилова с толмачом и несколькими казаками не допустить их подъехать к берегу. Толмач закричал им: «Что вы, мужики, едете к ворам и ясак даете, мы-де их побьем воров и ваших князей повесим». Эта угроза заставила гиляков удалиться. 9 октября снова приехали с ясаком гиляки и дюгеры на 40 стругах, но и с ними повторилось то же, что и с предыдущими.

После этого Хабаров решил приступить к военным действиям против бунтовщиков, устроил раскаты¹, на которые вскатили пушки, и велел стрелять по острожку. Стрельба продолжалась почти целый день. Каким-то образом попались ему в плен 12 человек, и он велел бить их палками до смерти. Наконец, осажденные решились сдаться, потребовав, однако, предварительно, чтобы Хабаров поклялся, что он никого из них не убьет, не разграбит их имущества и не потеряет аманатов. Хабаров поклялся, но сейчас же после сдачи велел заковать зачинщиков. Остальных он велел бить батогами, и некоторые от побоев умерли. Имущество их Хабаров взял себе. Острожек их, 7 февраля 1653 г. был сломан и сожжен.

Три с половиной месяца прожил еще здесь Хабаров, продолжая обогащаться на счет своих же подчиненных продажей им по дорогой цене вина и пива и вероломно поступая с туземцами. В начале марта он, взяв в проводники одного из аманатов, Гиляцкого князька Мингалчу, пошел в поход против уже объясаченных гиляков, но не мог взять их улуса и за это убил Мингалчу. 16 мая явились гиляки с ясаком, привезли 30 соболой под прежних аманатов и били челом Хабарову, чтобы он их аманатов из их земли не увозил и не убивал. От них Хабаров

¹ Раскат, или раскат, — плоская насыпь или помост под валом крепости для постановки пушки.

узнал, что их одноулусники относятся к русским доверчиво. Едва они уехали, как он стал вызывать охотников идти грабить их улусы. Только противный ветер помешал привести в исполнение план Хабарова: нельзя было плыть на парусных лодках.

В конце мая Хабаров сжег свое зимовье и поплыл вверх по Амуру. Вперед он выслал толмача, который должен был уговаривать Гиляков жить по своим жителям и рыбным ловлям без боязни. Гиляки жестоко поплатились за свою доверчивость: Хабаров опустошал по пути их улусы и портил рыбные ловли. Так как он увозил с собой гиляцких аманатов, то многие гиляки плыли за ним на стругах с криком и плачем.

* * *

В Москве еще 20 марта 1652 года, после первых донесений Францбекова, решено было наградить Хабарова и служилых людей. Хабарову был пожалован червонец золотой, служилым людям определено было раздать 200 новгородок¹, а охочим людям 700 московок². С этими наградами был послан московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев. Он же должен был приготовить все необходимое для войска, которое предполагалось отправить в Даурию под начальством окольного, князя И. И. Лобанова-Ростовского. Войско это однако, не было отправлено.

Зиновьев встретился с Хабаровым у устьев Зеи в августе 1653 года. Раздав награды, он объявил Хабарову, что у него есть государев указ о том, чтобы ему «всю Даурскую землю досмотреть и его, Хабарова, ведать». Хабаров потребовал, чтобы Зиновьев показал ему указ, но тот в ответ схватил его за бороду и прибил. Приезду Зиновьева обрадовались все те служилые люди, которые были недовольны Хабаровым. Они подали на него изветные челобитные, в которых обвиняли его в том, что он посылал в Якутск ложные донесения, притеснял своих подчиненных и туземцев и вообще «государеву делу не радел, а радел своим нажиткам, шубам собольим..., добрые соболи и лисицы обводом у иноземцев покупал, а от государевы казны отводил».

Зиновьев приступил к допросу служилых и охочих людей, и их допросные речи подтвердили обвинения, изложенные в изветных челобитных: Хабарова обвиняли в нерадении о пользах казны государевой, закабалении служилых людей, вероломном отношении к туземцам, опустошении всего Амурского края. «Как были улусы, жили, —

¹ *Новгородка* (деньга новгородская, копейка: на монете был изображен всадник с копьем) — $\frac{1}{100}$ рубля.

² *Московка* (деньга московская, сабляница: на монете был изображен всадник с саблей) — $\frac{1}{200}$ рубля.

Я. П. Мильчин. Памятник Е. П. Хабарову в Хабаровске.

1958 г.

говорили при допросе служилые и охочие люди,— и хлеба было насажено немало, и земля самая хлебородная и к пашне пространныя, и сенных покосов много, и рыбных ловель; а ныне-де те города пожжены, и улусы все пусты, даурские люди живут все в бегах».

Назначив нового начальника над отрядом, Зиновьев отправился в обратный путь и взял с собой Хабарова. В течение всего пути до Енисейска он притеснял его. Чтобы избавиться от побоев, Хабаров отдал Зиновьеву почти все свое имущество и даже вещи, принадлежавшие Францбекову, человек которого, собиравший долги, пропал без вести, и все собранные им с должников воеводы «животы» хранились у Хабарова. Бывших у Хабарова пленных женщин и детей Зиновьев также отнял. Наконец, он снял с «казны» печать Хабарова и повесил свою.

Приехав в Енисейск, Хабаров 2 июля 1654 г. подал челобитную воеводе Афанасию Пашкову на Зиновьева, которую заканчивал перечислением своих заслуг: «Я, холоп твой, тебе, Государю, служил и кровь за тебя... проливал, и иноземцев под твою царскую высокую руку подводил, и ясачный сбор собирал, и тебе... казну собрали и прибыль учинили большую и четыре земли привели: Даурскую, Дюгерскую, Натцкую да Шляцкую под твою государеву высокую руку».

По прибытии Зиновьева и Хабарова в Москву начался разбор их дела в Сибирском Приказе. При допросе Зиновьев показал, что он ничего насильно не брал, но что Хабаров делал подарки и давал посулы, чтобы он не брал его с собой в Москву, и что он и сам делал подарки Хабарову. Последний же отрицал подарки и объяснил, что он покупал вещи у Зиновьева и променивал их. 12 июня 1655 г. состоялся приговор и 13-го объявлен. Постановлено было отдать Хабарову вещи, несомненно ему принадлежавшие; Зиновьев был признан заслуживающим наказания за то, что принимал посулы от Хабарова и отнял у него насильно много вещей; но царь «для сына своего царевича Алексея Алексеевича» указал не чинить ему наказания. Хабаров объявлял, что Зиновьев отнял у него «рухляди» на 1500 рублей, но ему было возвращено вещей на 562 рубля с четвертью. Список этих вещей подтверждает обвинение Хабарова в том, что он больше всего радел своим нажиткам, шубам собольим. Среди этих вещей мы находим: шубу соболью, кафтан собольих, ферези¹

собольи, шубу соболью лапчатую под атласом темно-вишневым, три шубы нагольные собольи, шубу рысью, платно даурское соболье, изямы² собольи, кафтан рысий, шубу соболью нагольную даурскую, одеяло лисье черно-бурое, шубы лисьи даурские, сто аршин камки и т. и.

Но дело этим не кончилось. Хабаров продолжал требовать вещи, принадлежность которых ему Зиновьев отрицал. 3 сентября он объявил, что примирился с Зиновьевым и отказывается от спорной рухляди. Мир продолжался, однако, недолго. Хабаров должен был заплатить судебной пошлины 47 рублей 6 алтын, но ему было разрешено внести их по возвращении в Сибирь. Зиновьев был недоброжелателен к нему и обвинял дьяка Сибирского Приказа Григория Протопопова, что он дружит Хабарову.

Находясь в Москве, Хабаров подал челобитную, в которой напоминает о своих заслугах по устройству пашни на Лене и по покорению Даурской земли, о хлебе, отнятом П. П. Головиным, и о пожалованных, но не отданных ему деньгах. В заключение он говорит: «А ныне я... на Москве от Дмитрия Зиновьева изувечен и меж дворов скитаюся и за бедностью голодом помираю. Милосердный царь... пожалуй меня, холопа своего, вели... за мои службишки поверстать, в какой чин я... пригожуся... и за подъем по прежней государеве грамоте и за службы вели... из своей государеве казне денег дать, что ты... укажешь, и чтоб мне, бедному и изувеченному за бедностью ныне на Москве голодом не помереть и в конец не погибнуть».

Как известно, Хабаров пожалован был в дети боярские и назначен управителем Приленских деревень от Усть-Кути до Чечуйского волока. Не известно, даны ли были ему деньги.

В последний раз мы встречаем Хабарова в 1667 году: 15 ноября этого года он подал в Тобольске воеводе П. И. Годунову челобитную, в которой просил: «Пожалуйте... велите меня в тое Даурскую землю отпустить для городовых и острожных поставок и для поселения и хлебные пахоты; а я... для тое вашей... службы и прибыли подыму на своих проторех сто человек и на своих судах и хлебными запасы, и с тех мест, где поставится город и остроги, будет вам, великим государем, в ясачном сборе и в хлебной пахоте прибыль».

Просьба Хабарова не была удовлетворена, и мы не видим более его действующим на Амуре.

¹ *Ферязь* — старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными рукавами, без воротника и перехвата.

² *Азям*, или *олям*, — длинный крестьянский кафтан, сермяжный или из толстого сукна домашнего изготовления. Некоторые объясняют это слово от арабского «аджем», занесенного к нам татарами из Персии (Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона).

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ СПАФАРИЙ¹

Николай Гаврилович Спафарий (Николае Милеску-Спэтару; 1636, Милешть, Молдавское княжество — 1708, Москва, Русское царство) — молдавский боярин греческого происхождения, с 1671 г. переводчик Посольского приказа в Москве; ученый, путешественник и географ; полиглот (владел, помимо родного румынского и русского, латынью, ново- и древнегреческим, турецким, итальянским, китайским, французским и шведским языками). В историю российского странописания вошел своей книгой «Путешествие через Сибирь»².

Спафарий получил очень хорошее образование: изучал в Константинополе, помимо языков, богословие, философию, историю и литературу, завершал образование в Италии. Возвратившись на родину, занимал на службе знатнейшие должности. При государе Георгии Стефане (в 1653—1658 гг.) Спафарий был его приближенным и другом, сопровождал его в походе на помощь валашскому господарю Константину Щербану Басарабу, когда в Валахии вспыхнуло восстание (в 1655 г.). Во время похода ознакомился с рукописями библиотеки монастыря Няц в Северной Молдавии. Особенно возвысился Спафарий после низложения Стефана, при его преемнике государе Стефанице Лупу (с 1659 г.), у которого был секретарем. Летописец говорит, что Спафарий «ходил с провожатыми впереди, как у князя, с булавами и мечами, с серебряными чепраками на лошадях».

Однако честолюбие, вернее, тщеславие его не было удовлетворено. Возможно, у него были какие-то неизвестные нам причины, но он написал тайное письмо воеводе Константину Щербану Басарабу, предлагая ему низложить Лупу. Союзника Спафарий выбрал неспроста: Константин Щербан трижды пытался завладеть молдавским престолом; две из этих попыток увенчались кратковременным успехом: он правил Молдавией в ноябре 1659 и в январе-феврале 1661 гг. Однако по неизвестным нам причинам Щербан переслал письмо Спафария Стефанице, который за измену приказал палачу в своем присутствии и своим ножом отрезать Спафарию нос, чем, согласно обычному праву Молдавии, навсегда лишил его возможности стать господарем.

Опозоренный Спафарий покинул Молдавию и перешел на службу к валашскому господарю Григорию Гике, который назначил его капикехьею³ в Константинополе. В 1664 г., во время войны поляков с турками, валашский господарь задумал перейти на сторону Польши. Спафарий, узнав об этом, донес султану, и господарь потерял престол. Преемник его Раду XII Леон, однако, настоял на удалении Спафария из Кон-

¹ Печатается с некоторыми сокращениями и редакционной правкой по очерку В. Фурсенко из «Русского биографического словаря» А. А. Половцова (т. 19), с учетом уточнений и дополнений по другим источникам.

² Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Записки РГО по отделу этнографии. Т. X. СПб., 1882. 214 с.

³ *Кехиа, кехья (турец., от перс. — кедхода)* — управляющий, эконом, мажордом; здесь, по видимому, — доверенный посланник.

Артамон Сергеевич Матвеев
(1625—1682)

Артамон Сергеевич Матвеев — видный государственный деятель, «великого государя ближний боярин», руководитель русского правительства в конце царствования царя Алексея Михайловича, один из первых «западников». Погиб во время Стрелецкого бунта.

стантинополя, и ему пришлось искать покровительства курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма.

В Бранденбурге Спафарию жилось вначале хорошо: курфюрст относился к нему ласково, искусные немецкие доктора лечили его нос и привели почти в нормальный вид, наконец, он имел возможность продолжать свои научные занятия.

Но польское правительство не забыло Спафария предательства валашского господара и добились выселения Спафария из курфюршества. Опять он остался без пристанища.

Временно он приютился у бывшего господара своего и друга Георгия Стефана, жившего в Штетине и старавшегося путем дипломатических переговоров вернуть себе престол...

Весной 1668 г., после смерти Георгия Стефана, Спафарий отправился в Константинополь, где встретился с патриархом иерусалимским Досифеем, которого знал еще в молодости. Досифей и направил Спафария в Россию. В письме к московскому царю он рекомендовал Спафария как «человека

премудрого в латинском и словенском, а наипаче в еллинском языцех, и русский может скоро выучить, и готов есть переводить; дивен есть добрым писанием <...> есть яко гронограф, в котором содержатся всякие дела вселенныя»¹.

В Москву он прибыл 3 июня 1671 г.², имея при себе лестную рекомендацию от патриарха и собранные по пути политические новости. В Москве к Спафарию, несмотря на грамоту патриарха, который знал подозрительность нашего правительства относительно религиозных убеждений иностранных пришельцев и потому особенно подчеркивал чистоту православия Спафария, отнеслись недоверчиво и старались, где могли, собрать сведения о нем. Получили их не скоро: узнали, что Спафарий «изменник, Турского султана лазутчик», но этому не могло уже поверить московское правительство, потому что Спафарий снискал расположение и милость А. С. Матвеева и В. В. Голицына.

И не только их. Современный исследователь отмечает, что «на творчество Милеску Спафария оказал влияние видный белорусско-русский мыслитель Симеон Полоцкий, с которым он был близок и труды которого были ему знакомы. Сохранилась запись «нечаянной беседы», которую вели в Москве в ноябре 1671 г. Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий и Паисий Лигарид с Милеску Спафарием»³.

Первые полгода по прибытии в Москву Спафарий был не у дел, но покровительство Матвеева дало ему возможность получить в декабре 1672 г. в посольском приказе место переводчика с эллинского, греческого, латинского и валашского языков с жалованием 100 руб. в год. Оклад этот быстро возрастал, и вскоре Спафарий был переведен на предельный — 132 руб. в год.

Спафарий занял среди переводчиков первое место и, надо предполагать, был из них самый образованный...

В феврале 1673 года в Москве было решено отправить в Пекин царское посольство, главой которого, возможно, благодаря покровительству А. С. Матвеева, был назначен Спафарий. Два года он готовился к поездке. Ему поручалось установить определенный путь на Восток, если можно через Астрахань, завести правильные торговые сношения с Китаем, описать смежные с Россией

¹ Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1889. Т. III. Вып. 3. С. 193.

² Даты здесь и до конца очерка о Спафарии даны по старому стилю.

³ Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа. Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. Т. XXVI. Л., 1971. С. 294—301.

страны. 25 февраля 1675 года Спафарий был «у руки государевой» и 4 марта выехал из Москвы в звании посланника (для переговоров с представителями китайского правительства), но с дозволением в случае аудиенции у цинского императора именоваться послом и с грамотами соответствующего содержания на оба случая.

Ближайшим поводом посольства Спафария явились пограничные с Китаем нелады из-за переселившегося в 1667 г. «тунгусского племени князца Гантимура». На требование представителя китайских властей Шарандая выдать Гантимура нерчинский воевода Даниил Аршинский послал грамоту к богдыхану «с предложением ему учинился бы под высокою его царского величества рукою». Недоразумения все более возрастали и, наконец, дело дошло до стычек с оружием в руках. Уладить их было ближайшей задачей Спафария.

Свиту Спафария составляли два подъячих Посольского приказа. На расходы дано ему 500 руб. с расчетом по 40 коп. кормовых в день на человека. На 400 руб. дано ему соболей. Он вез с собою для богдыхана также меха черных лисиц, разные сукна, янтарь, зеркала, «рыбий зуб» — всего на 800 руб. В грамоте на имя богдыхана после полных титулов государей шли предложения дружбы, любви, переписки и обмена посольствами.

В наказе Спафарию повелевалось переговорить (и договориться) об освобождении, хотя бы за выкуп, русских пленных; о вывозе из Китая серебра, драгоценных камней, шелка и других местных ценностей в обмен на русские; о китайском посольстве, о свободе торга, о приглашении китайских купцов в Россию; о переводе четырех, когда-то присланных в Россию китайских грамот; об указании кратчайшего пути в Россию и о многом другом.

По прибытии Спафария в Тобольск к нему присоединилось шесть детей боярских, столько же помощников кречетных и 40 человек пеших и конных служилых казаков. Для богдыхана он взял здесь 6 кречетов и горностаев на 100 руб...

Тобольский воевода Салтыков¹ разузнал, что в Китай ходят двумя путями: русские — по сибирским рекам до Нерчинска, бухарцы — на верблюдах через Барабинскую степь, Калмыцкие улусы, монгольскую землю до первого китайского пригорода. Имея в виду тогдашние волнения татар²

¹ *Петр Михайлович Салтыков* (ум. 1690) — троюродный брат царя Алексея Михайловича, воевода в Тобольске (1673—1677), Астрахани (1677—1678), Смоленске (1681).

² В XVII в. татарами называли все народы монгольского и тюркского происхождения, входившие прежде в состав Казанского, Астраханского и Крымского ханств. В более широком смысле, возможно, вообще — китайцы; ср.: «богдойского хана (т. е. богдыхана) люди».

Василий Васильевич Голицын
(1643—1714)

Василий Васильевич Голицын — русский боярин, дипломат и государственный деятель. Фактический глава русского правительства во время регентства царевны Софьи (1682—1689) в звании воеводы и с титулом «Царственный большая печати и государственных великих посольских дел сберегатель, ближний боярин и наместник новгородский». Родоначальник старшей ветви рода Голицыных.

Барабинской степи, Салтыков направил Спафария по рекам.

Остановившись 8 июля в Енисейске, Спафарий послал даурского нерчинского боярского сына Игнатия Милованова к пограничному воеводе Мангутею для извещения его о посольстве и с просьбой о заготовлении подвод, а сам двинулся следом.

Мангутей повез Милованова в Пекин, где после месячного заключения под стражей ему объявили в Монгольском приказе о посылке с ним асхань-амбаня³ (вице-президента Посольского приказа), для встречи и препровождения Спафария в Пекин.

К 26 января 1676 г. он добрался до пограничного китайского поселка (Почегорское) на р. Науне; 18 февраля явился сюда Милованов, а 20 — асхань-

³ *Асхань-и-амбань (маньчж.)* — советник, член совета министров.

амбань с заргучеем¹, секретарем и двумя подьячими. После семидневных споров о форме свидания китайцы согласились повидаться со Спафарием в юрте, поставленной у квартиры нашего посла, войдя в нее ранее его.

Асхань-амбань гордо говорил со Спафарием, требуя объяснить цель приезда и предъявить царскую грамоту, но посланник заявил, что ее он никому, кроме богдыхана, не отдаст. По докладу этого дела богдыхан велел везти Спафария «с великою честью» в Пекин. 10 мая Спафарий подошел к великой китайской стене, 15 — въехал в Пекин. К нему немедленно явился сначала вице-президент, а затем и сам президент Монгольского приказа в сопровождении иезуита Вербиста² с требованием в приказ царской грамоты и подарков. Спафарий снова отказался видать их. Немедленно его заключили под крепкую стражу, заперли ворота и воспретили сношения с кем бы то ни было вне подворья.

Спафария и его свиту томила непривычная русским жаром; лишённые моциона, люди страдали и болели от скверной воды, караульщики взымали за все тройную плату. Они находились в таком положении 20 дней (пока шли переговоры о порядке вручения грамоты). Китайские вельможи утверждали, что богдыхан грамоты не примет, так как обычай не разрешает этого; иезуиты же, вообще много помогшие Спафарию, говорили ему, что лишь приближенные богдыхана настаивают на соблюдении формальностей, сам же он готов принять Спафария. Согласились на том, что Спафарий отвезет грамоты и подарки во дворец и там положит их на условленном месте в присутствии знатных чинов государства. 5 июня Спафарий поехал во дворец и, положив грамоту и подарки, не говоря ни слова вельможам, возвратился в подворье. Спафарий лично дарил богдыхану 20 руб. и две лошади.

Пристав от императора приезжал спрашивать Спафария, как ловят кречетов и какого зверя «рыбий зуб»? Иезуиты передавали Спафарию, что император, прочитав грамоту царя, сказал: «К отцу моему и предшественникам не бывало таких грамот от Белаго Царя, надобно оную в казне беречь, как самое доброе дело». По вручении грамоты ми-

нистры запросили Спафария, нет ли у него каких устных приказов государя, и он, выписав из наказа 12 статей, представил их.

16 июля была назначена аудиенция. За три часа до рассвета Спафарий был уже у дворца, куда его допустили лишь при восходе солнца. Там он, сидя в шапке (согласно условию), снова ждал в обществе знатнейших китайцев, пока их ввели вовнутрь дворца. По звону колокола и стуку бубна надо было падать ниц. Продолжалось это с четверть часа. Спафарий кланялся быстро и не до земли, а на замечания мандаринов ответил: «Вы холопы богдыхана и умеете кланяться, а мы богдыхану не холопы, кланяемся, как знаем». После поклонов Спафария заставили бежать к императору, но он заявил: «Мне бежать не обычай» и чинно пошел, не снимая шапки. Во время первой аудиенции богдыхан не удостоил Спафария разговором, и он ушел домой раздраженный, сделав выговор министрам: заставили-де кланяться неведомо кому, а богдыхан даже о здравии царя не спросил. Министры оправдывались обычаями страны, а когда Спафарий возвратился на подворье, его вновь заключили под стражу, якобы ради его же безопасности.

Между свитой посланника и стражей начались недоразумения, ссоры и драки. Во время второй аудиенции богдыхан через иезуитов, стоящих на коленях, спрашивал Спафария о здоровье государя, его забавах, пути в Россию, о вере и наклонностях русского народа, о посланнике и его знаниях. Спафария и его свиту угощали драгоценным вином и сладостями. В Пекине Спафарий прожил целое лето. За это время ему 5 раз посылали угощение со стола богдыхана, 2 раза приглашали к столу со всей свитой. Дважды русские устраивали купание на реке, ныряли и плавали, и сам богдыхан в раззолоченной лодке приезжал смотреть на них.

В делах Спафарий преуспел мало. Товары, взятые им для продажи и мены, расходились туго, так как китайцы обставили торговлю условиями, невыгодными для русских. Медь и железо, несмотря на предложенную Спафарием пошлину, было совсем запрещено продавать. Китайцы немилосердно мошенничали и даже крали. Однако Спафарию удалось выгодно купить в государственную казну огромный лал [рубин].

13 августа Спафарию было велено принимать подарки богдыхана на коленях, в грязи двора, но он, сохраняя достоинство царского посла, принимал их стоя, употребив на споры, пререкания и церемонии целый день без пищи и питья. 29 августа больше двух часов на коленях под проливным дождем Спафарий выслушивал ответы на поданные им статьи. Между прочим ему объявили, что грамо-

¹ Чиновник, исполняющий обязанности письмоводителя, секретаря (в Китае).

² *Фердинанд Вербист* (1623—1688) — фламандский иезуит-миссионер и ученый, проповедовавший в Китае. Вербист стал близким другом императора Канси. При императорском дворе Вербист был дипломатом и картографом, а также переводчиком, так как знал латинский, немецкий, голландский, испанский, иврит и итальянский языки. Написал более тридцати книг.

та будет писана не иначе как от превеликого престола к нижнему и смиренному месту, далее в ней будет сказано: «Дань или ясак, который ты нам прислал (подарки царя), мы приняли, и для того посылаем к тебе и ко всему государству твоему для службы твоей милость и жалованье». Спафарий заявил, что, зная он ранее ответы министров, не подносил бы он подарков царя и не принимал от китайцев, и что «поелику русский государь не есть подданный богдыхана, то непристойно им того чинить и говорить». Спафарием остались недовольны: «Прибывший посол Спафарий, человек весьма незнающий церемоний и упрямый. Если рассмотреть его слова и наружность, то он вовсе не покоряется законом нашего великого государства». Ему было приказано выехать из Пекина 1 сентября.

Перед отъездом с него было списано два портрета: один во весь рост (в полном посланническом костюме), другой поясной. Грамоты ему не дали, но словесно поручили доложить государю, что китайцы требуют: выдачи Гантимура, присылки впредь посла с наказом ни в чем не сопротивляться желаниям китайцев и запрещения русским порубежным людям творить обиды — все это под угрозой закрыть русским купцам доступ в Китай. В сопровождении того же асхань-амбана на 60 телегах Спафарий выехал из Пекина.

16 мая 1677 г. Спафарий прибыл в Иркутск. В Енисейске вещи его по царскому приказу были описаны воеводой Михайлом Приклонским. Это было отголоском партийных счетов в Москве и результатом падения покровителя Спафари Артамона Матвеева¹. 5 января 1678 г. Спафарий вступил в Москву, пробыв в посольстве 2 года и 8 месяцев.

Впечатления, вынесенные Спафарием из его путешествия, были скорее отрицательные. Ему пришлось перенести много трудов, лишений и невзгод, благодаря малочисленности свиты, суровости климата Сибири и ее дикой природе...

Из путешествия Спафарий привез несколько сочинений. Первое озаглавлено «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самага рубежа государства китайского, лета 7183, месяца мая в 3-й день» — это путевой дневник Спафария, составленный им по поручению Московского правительства. В нем подробно перечислены все места, где проезжал наш посланник. Кроме этой книги он представил в Посольский

¹ Смерть царя Алексея Михайловича (26 января 1676 г.) повлекла за собой падение Матвеева. По одной версии, он пытался посадить на престол малолетнего Петра вопреки сторонникам царевича Федора. По другой, против Матвеева интриговали Милославские. Обвиненный в оскорблении иностранного посла, Матвеев был сослан со всей семьей в Пустозерск.

Фердинанд Вербист (1623–1688)

приказ статейный список — «Описание Китайского государства», к которому он присоединил «Описание Амура» и «Татарскую книжицу», описывающую покорение Китая богодойцами² и нравы этих народностей. Книги эти написаны отчасти в пути, отчасти в Москве.

Эти сочинения Спафария очень ценны... Его труд о Сибири — первое достоверное и цельное описание русских владений за Уралом, а описание Китая — первое литературное произведение, более достоверное для русских, чем сочинения иезуитов об этой стране.

Вскоре по возвращении Спафария в Москву он был отдан под суд по обвинению в целом ряде преступлений. Отказ выдать Гантимура посчитали превышением власти. Спафария обвиняли в уступке дани неясчных инородцев, подвластных Китаю, неумении вести дипломатические переговоры, деспотизме в отношении свиты, во взяточничестве, вымогательстве, мошенничестве казенного имущества, тайных сношениях с китайскими вельможами

² Тогдашнее название какой-то приамурской народности, вероятнее всего — маньчжур, завоевавших Северный Китай в первой половине XVII в. (Примеч. Арсеньева)

и т. д. Возник запутаннейший процесс, в котором Спафарий очень ловко себя оправдывал и, по видимому, очистился от обвинений. Спафария за-мешали еще в дело по обвинению А. С. Матвеева в чернокнижии, но на очную ставку, просимую обвиняемым, не ставили. Впоследствии Спафарий помогал в подготовке посольства Федора Головина в Китай (1688—1689). В 1695 г. участвовал в Азовском походе Петра I. Но в русской истории остался прежде всего как автор книг, описывающих его миссию в Китай.

ОТПИСКИ СПАФАРИЯ К ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ, ПОСЛАННЫЕ ИМ ПО ПУТИ ОТ ТОБОЛЬСКА ДО КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ¹

Отписка из Тобольска от 15 апреля 1675 г.²

Тобольские, Государь, жители, русские люди и бухарцы и татары, говорили, что тот путь, которым они ехали с Федором Байковым и с Сейткулом (Аблиным), хотя в то время была нужда великая и путь не прямой для скудости и прокормления их и лошадей и для степи и безводного места, однако ж, Государь, путь их безопасен был; а ныне слышали они подлинно, что у мелких калмыцких тайшей промеж себя началась война великая. И в прошлом году грабили и убивали многие тысячи торговых людей и послов калмыцких, которые были отпущены от тебя, Великого Государя, с Москвы; и для того, Государь, тот путь ныне зело опасен, а есть ли. Государь, и опасенья не было, однако ж путь самый дальний и нужной, потому-де, что и Федор Байков, и Сейткул Аблин ходили по три года. Только, Государь, говорили они, что путь прямой и безопасной водою чрез твои Государевы города из Тобольска до Енисейского острогу, а от Енисейска до Селенги в 3 месяца; и от Селенги, сказывают, что путь до Китайского государства 4 недели. И то будет во всем из Тобольска 4 месяца до Китайского государства. А Мугальские, Государь, тайши, которые

¹ Текст воспроизведен по изданию: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Записки русского географического общества по отделению этнографии, Т. X, вып. 1, СПб. 1882.

Отписки эти служат интересным дополнением к описанию Спафариева путешествия и издаются по подлинникам, находящимся в Китайских делах Моск. главн. архива мин. иностр. дел, с небольшими сокращениями. (Примеч. А. Арсеньева)

² В этой отписке Спафарий сообщает царю о рассказах тобольских боярских детей, казаков, бухарцев и татар, бывших в Китае с Федором Байковым (1654 г.) и Сейткулом Аблиным (1673 г.). (Примеч. А. Ю. Арсеньева)

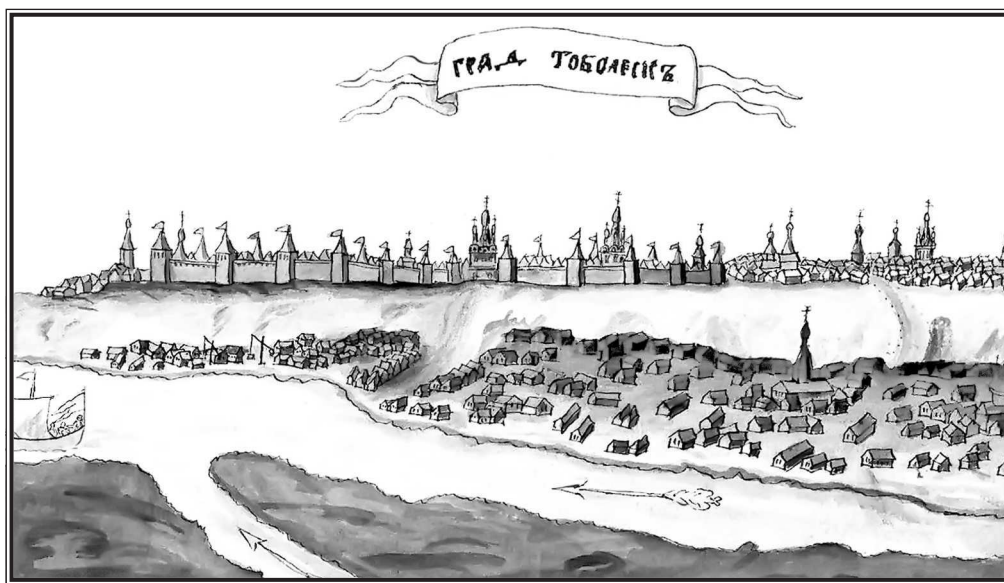
живут меж Китайского государства и Селенгинского острогу, в прошлых годах присылали к тебе, Великому Государю, посланников своих и обещались тебе, Великому Государю, служить и говорили: «Буде ты, Великий Государь, изволишь послать в Китайское государство послов и посланников, и они учнут им давать корм и подводы и провожать их и всякое вспоможение станут чинить до Китайского государства и назад; и для того, Государь, тот путь будет податнее».

Да oprичь тех людей, сыскал я [в Тобольске] казака, которого посылаю в прошлых годах из Нерчинского острогу Данила Аршинской в Китайское государство; а с ним было еще 5 человек казаков товарищей. И они, Государь, в Китайском государстве были и к тебе, Великому Государю, от Китайского хана привезли лист, который ныне из посольского приказа со мною послан, холопом твоим, для вразуменья китайскому языку; а тому, Государь, как прислан четвертый год³. Тот же казак сказывал: Буде какая препона учинится, что от Селенги ехать в Китайское государство невозможно, и тогда, Государь, есть из Селенги путь, которым ездят на Нерчинской острог, откуда и они отпущены в Китайское государство. А ходу, Государь, до него [т. е. до Нерчинского острога] 10 дней чрез твоих, Великого Государя, ясачных людей, и от Нерчинского, Государь, острогу до рубежа Китайского государства ездят чрез твоих же, Великого Государя, ясачных людей только 5 дней. А в порубежном, Государь, китайском городе живет князец воевода того ж города, который и по-русски умеет, и тот князец с 60-ю человек китайцев провожал тех казаков до самого Нерчинского острогу, и лист, который послал к тебе, Великому Государю, Данило Аршинской, отдал от Китайского хана тот же князец в Нерчинском остроге. И после-де, Государь, того тот же князец в Нерчинской острог приезжал трижды и спрашивал: есть ли от Великого Государя против Богдыханова листа отповедь. И для того я, холоп твой, посоветовал с боярином и воеводою Петром Михайловичем Салтыковым, и взяв Господа Бога на помощь и Пресвятую Богородицу и твоими, Великого Государя, праведными молитвами и счастьем пойду водою чрез Селенгу; только, Государь, ожидаю полой воды. А из Тобольска, Государь, пойду рекою Иртышем и Обью безо всякого мотчанья на Енисейск, а из Енисейска на Селенгу. И боярин Петр Михайлович Салтыков с товарищи готовит суды и провожатых и что надобно к пути, чтобы никакая мешкота не учинилась. И уповаю на Бога, что скорым временем после Георгиева

³ Подлинная помета, сделанная в посольском приказе. Чертежа, о котором здесь упоминается, в архивном столбце не оказалось. (Примеч. А. Ю. Арсеньева)

*Р. Ф. Штейн. Посольство Н. Г. Спафария в Китае.
1891 г.*

Тобольск.

Иллюстрация из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова. 1697—1711 гг.

дня отпущен буду из Тобольска, и я, холоп твой, к тебе Великому Государю, отпишу. Да и для того, Государь, холоп твой, водою пойду, что прежний путь знаем, и дальней и опасен. А буде, Государь, водяной путь вельми податен и полезен твоим, Великого Государя посланным и торговым людям, и чаю, Государь, можно сыскать и водяной путь до самого Китайского государства. Когда ж даст Бог, приближусь в порубежные юроды, и из Тобольска, Государь, боярин и воевода Петр Михайлович Салтыков с товарищи о моем, холопа, приезде послал наперед в Енисейск и в Селенгу, чтоб были струги и гребцы готовы.

Отписка из Самаровского яму от 10 мая

Из Тобольска, Государь, отпущен я, холоп твой, мая в 3-й день рекою Иртышем на трех дощаниках. И приехал мая в 5-й день на Демьянской ям, и того ж числа, переменя гребцов, поехал тою ж рекою Иртышем. И мая в 8-й день приехал на Самаровской ям с великою нуждою, для того что бури великие северные супротивные и стужи великие. И река Иртыш поперек и глубиною что Дунай. А от Тобольска до Самаровского яму по росписи, что я, холоп твой, расписал деревни и реки, и Остяцкие юрты, и идолы их, и всякие иные урочища, будет водяной путь верст с 500. А ночь здесь на силу 5 часов, и то светла. А отселе, Государь, недалеко р. Иртыш пала в великую реку Обь. А от Тобольска, Государь, и до Обь-реки, рекою Иртышем гребут на низ воды,

а Обью, Государь, ехать мне супротив воды, и потому грести нельзя, а перебегают парусом. И север останется на левой стороне, где Иртыш, совокупясь с великою рекою Обью и с иными многими реками и переменя имена иным рекам на свое имя — Обь, пространным течением, будто море, падет в Окиянское северное и ледяное море и учинит предел между двух частей света, меж Азии и Европии: и что от Обь-реки на левой стороне есть, то все Европа считают земнописатели, а что на правой стороне, то Азию считают. И я, холоп твой, ныне оставляя Европу на лево, к западу, перебегаю парусом во Азию направо к востоку Обью-рекою супротив воды, моляще преблагого Бога, который дал толикую препространную власть над Европою и над Азией тебе, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству (как иному из христианских монархов никому не дал), дабы пространна царство и государство Вашего Царского Величества и над иными частями света и победоносца объявил.

А всем рекам и урочищам учиню я, холоп твой, подлинный чертеж и роспись (хотя со мною и чертежника нет), и как аз, даст Бог, вашим, Великого Государя, счастьем по благополучном совершении вашу, Великого Государя, службу возвращусь к Москве и твои, Великого Государя, пресветлые очи увижу, тогда обо всем, что ведется, превысокую ведомость тебе, Великому Государю, объявлю. И едучи отселе и впредь от твоих, Великого Государя, городов и острогов, учну писать к тебе, Великому Государю, для ведомости моего пути.

Писана на Самаровском яму мая в 10-й день. И под тою отпискою прислан чертеж, и тот чертеж вклеен в столп¹.

Отписка из Енисейска от 18 июля

Поехал я Кетью-рекою к Енисейску и июля в 7-й день приехал в Маковской острог, и взяв подводы в Маковском, поехал через волок сухим путем в Енисейск того ж числа. А в Енисейск приехал июля в 9-й день. И приехав в Енисейск, сыскал твоих, Великого Государя, служилых людей и гостя Евстафья Филатьева, человека Гаврила Романова, которые в недавних днях приехали из Китайского государства чрез твой, Великого Государя, Селенгинской острог, потому что они в прошлом 182 году в августе месяце поехали из Селенгинского острога степью через Мугальскую землю в Китай с торгом и сказали, Государь, мне, холопу твоему: как они приехали в порубежные города Китайского государства, и спрашивали их, какие они люди, и есть ли у них твоя, Великого Государя, грамота. И они сказали, что приехали с торгом из порубежных городов. И Китайцы им не верили, были в подозрении, чтоб за ними не было войска, и для того их под тем городом задержали пять недель, покамест посылали проводить по всей степи.

И как проводали, что никакого войска нет, отпустили их в Китайское государство, в город Камбалык. (Там русских спрашивали: не посланники ли они от царя по делу Гантимура, которого богдыхан требовал выдать.)

И дали им в Камбалыке подворье и позволили торговать, только торг их был зело некорыстен против прежнего, для того что у Китайцев началась война с Никанским царством. И то Никанское царство нет иного, oprичь старого Китайского царства, потому что ныне есть лет с тридцать завладели Китайским царством татары, а поколение царское бежало в дальние приморские китайские страны, и то ныне называют богдыхановы татары Никанским царством. И ныне собрали они никанские войска, и посылали против них богдыхан дважды по сороку тысяч, и все побиты от никанских.

И ныне собирают новое войско, и хотят послать на Никантов². И в Камбалыке говорили им тайно русские перебежчики, что если бы были твои, Великого Государя, ратные люди в Даурах тысячи

с две, в нынешнее время можно бы в подданство привести под твою, Великого Государя, высокую руку не токмо всю Даурскую землю, но и все, что есть до самых китайских высоких стен, для того что ныне богдыхан в великом безсильи и от казаков имеет великий страх и в великом смущении от Никанской войны.

И как они возвратились назад в марте месяце тем же путем, которым ехали в Китай, в Селенгинской острог, и ныне идут к тебе, Великому Государю, из них к Москве и будут объявить обо всем, что они в Китае видели и слышали.

А в Енисейском, Государь, сыскал я, холоп твой, послов мугальских, которые едут к тебе, Великому Государю, к Москве: два от Кутухты ламы, жерца их духовнаго чина, потому что он, Кутухта лама, начальник их вере до самой Индии; а другой посол от Учюроя Саин-хана Мугальскаго, а третьей — от брата его с небольшими поминками, по их обычаю; и дали мне, холопу твоему, письмо к Кутухте ламе и к хану Мугальскому, буде мне случится путь через Мугальскую землю, чтоб учинили всякое вспоможенье.

И ныне я, холоп твой, июля в 18-й день поехал из Енисейска вверх Енисеем-рекою; и того ходу будет дни с два, а потом идти Тунгускою-рекою до самого до Байкальского моря вверх же воды. И как я буду при Байкальском море, буде поспею ранее осенних погод, тогда можно ехать через твоих, Великого Государя, ясачных людей до самого Китайского рубежа, минуя всех чужеземских владельцев. А буде, Государь, захватит меня погода осенняя, тогда никакими мерами перебежать парусом прямо в Баргузинской нельзя, для того что море зело лютое, и сердитое, и каменитое; и когда, Государь, бывает и пособная тишина, и тогда на силу перебегают парусом в неделю. Только, Государь, пойду направо на устье Селенги-реки: и то в пособную тишину можно перебежать в сутки, для того что только губа морская лежит до Селенгинского устья и оттуда недалеко и Селенгинской острог.

И буде, Государь, из Селенгинского острогу не будет какого опасенья, тогда можно мне, холопу твоему, ехать чрез Мугальскую землю в Китай тем путем, которым ныне приехали из Китая. А будь, какое будет опасенье, и я поеду опять через Дауры, для того что лучше ехать до самого рубежа Китайского государства и честнее через твое, Великого Государя, государство, нежели чрез иноземския, и для того чтоб и Китайцы узнали, что меж твоего, Великого Государя, государства и их государства нет иного владетеля, и они соседи и порубежные с твоим, Великого Государя, государством суть. А из Селенгинского острога есть прямой путь, которым ездят чрез твоих же, Великого Государя, ясачных людей

¹ Подлинная помета, сделанная в посольском приказе. Чертежа, о котором здесь упоминается, в архивном столбце не оказалось. (Примеч. А. Ю. Арсеньева)

² Здесь идет речь о восстании южных провинций Китая против манчжурской династии, которым руководил Усанкей; оно было окончательно усмирено лишь со смертью последнего в 1679 году. (Примеч. А. Ю. Арсеньева)

и острогов до самого Нерчинского острогу, минуя всех чужеземских владельцев до самого Нерчинского ж и до Даур; и так, или вышеописанным путем, или тем безопасной путь будет до самого Китайского государства...

Отписка из Селенгинской заимки

В нынешнем, Великий Государь, в 184 году сентября в 6-й день писал я, холоп твой, к тебе, Великому Государю, из Иркутского острогу, что пошел к Байкальскому морю рекою Ангарою¹. И сентября в 10-й день приехал я, холоп твой, на усть моря со всеми дощаниками, и сентября в 11-й день перебежали за море парусом. И как будем среди моря, и в то время стал ветер и буря великая, однако милостью Божьею и твоими, Великого Государя, праведными молитвами и счастьем в самом вечеру впали в пристанище в реку Переемную, а дощаник, на котором были дворяне и дети боярские, заметало ветром от реки Переемной в днище, на морской берег. А люди из дощаника вышли в целости. Тако ж и рухлядь от воды ничем не вредилась. И на другой день посылал твоих, Великого Государя, служилых людей, и дощаник добыли и починивали. И починя, Государь, привели дощаник в реку Переемную. И сентября в 17-й день из реки Переемной поехали на море к устью реки Селенги, и едучи, Государь, были на море бури и ветры великие, и немного, Государь, в те ветры не разбило все дощаники, однако ж милостью Божьею и твоими, Великого Государя, праведными молитвами и счастьем сентября в 25-й день приехали в деревню, которая от Селенгинского острогу в двух днищах, и того ж числа твоих, Великого Государя, служилых людей отпустил в Мунгалы для покупки верблюдов и коней. И как те служилые люди, искупя верблюды и кони, приедут, и я, холоп твой, из заимки пойду тотчас, не мешкая ни зачем, в Дауры на Нерчинской острог. И отселе, Государь, сказывают, что до Нерчинского острогу ходу тихим ходом две недели; а от Нерчинского, Государь, острога до порубежного Китайского города, из которого города посылал в прошлых годах лист к тебе, Великому Государю, от Китайского хана, две недели ж, и путь все чрез твоих, Великого Государя, ясачных людей, а не чрез иноземцов. И послал я, холоп твой, наперед себя к Даурскому приказчику, чтоб он известил в порубежных китайских городах, для того что идет от тебя, Великого Государя, к Китайскому хану посольство.

Отписка из Нерчинского острога от 19 декабря

Сентября в 25-й день из Селенгинской заимки, собрав кони, поехал я сухим путем в Селенгинской острог, а водяным путем не поехал, для того что до Селенгинского острогу ходу две недели, а сухим путем в три дни, и было время осеннее и стужи и водою ехать нельзя. И енисейских казаков, которые были в работниках в гребцах, отпустил я за море, покамест было им время переехать море в Иркутский острог. А я, холоп твой, собрав кони и из служилых людей человек 40, поехал степью чрез Мунгалы в Селенгинской острог, для того чтоб отпустить в Мунгалы для покупки коней и верблюдов, на чем бы подняться на твою, Великого Государя, службу. И едучи степью, встретили меня многие и разные во оружье Мунгальские люди, человек по ста и больше, которые кочевали многие тысячи меж заимки и острогу. И спрашивали, Государь, меня, холопа твоего, какие-де люди, что прежде сего таких людей не видали. И я, холоп твой, им говорил, что твои, Великого Государя, люди и идем по твоему, Великому Государю, указу в Селенгинской острог для твоих, Великого Государя, дел посольствоватись к Китайскому хану. А говорили они, не идем ли мы, холопы твои, войною, что видели оружие многое и панцири; и я, холоп твой, им говорил, что ты, Великий Государь, желаешь миру, а не войны, и чтоб они в Селенгинской острог для продажи пригнали кони и верблюды. И едучи, Государь, в острог, служилые люди изо оружия стреляли многое время; а они, Государь, ко мне, холопу твоему, приезжали многие и били челом, чтоб из оружия вперед не стреляли, для того что жены их и дети и скот от того испужали. И как я приехал в острог, и они приехали многие, а с ними Табунский лаба, которых в прошлом году даурские казаки погромили, и жалобу творил, что-де невинны были тебе, Великому Государю. И я ему сказал, что они твоим, Великого Государя, служилым людям, и ясачным многие обиды учинили, как и ныне мунгалы чинят и даурским служилым людям и ясачным, потому что в недавних днях отогнали мунгальцы из-под Селенгинского острогу весь табун конный. Также и в прошлом году табун их кони и скот отогнали все же; и то какая дружба, что хан их посылает к тебе. Великому Государю, послов своих, а люди его беспрестанно твоих, Великому Государю, служилых людей и ясачных побивают и грабят.

А в Селенгинском остроге жил я три дни, и видя, что Мунгальцы в острог на продажу коней и верблюдов не пригнали и от острогу откочевали в дальние места и не верили мне, что я иду для твоего, Великого Государя, дела в Китай, будто еду на них

¹ Этой отписки из Иркутского острога в архивном деле о посольстве Спафария не оказалось. (Примеч. А. Ю. Арсениева)

Нерчинск.

Гравюра из немецкого издания. 1744 г.

войною, и для того отпустил я для покупки коней и верблюдов твоих, Великого Государя, служилых людей из Селенгинского острогу. И жили они в Мунгалах многое время, для того что и купить вскоре не сыскали, а ездили в дальние улусы и покупали дорогою ценою. И для того в большой заимке стоял я ноября по 5-е число.

И как приехали твои, Великого Государя, служилые люди, искупя кони и верблюды из Мунгал, и я из Селенгинской заимки поехал степью тотчас новым путем, которым прежде сего никто не бывал, в Дауры. И на другой день встретили меня десятник с двумя казаками, которых послал из Даур из Нерчинского Павел Шульгин, и все служилые люди. И писали ко мне, и словесно объявили про братских иноземцев, что тебе, Великому Государю, изменили и после того приходили силою и табун из-под острогу отогнали, в другой раз кони у твоих, Великого Государя, ясачных иноземцов, у тунгусов. И Контайша присылал в Нерчинской и просил аманатов и ясырей, и хвалился войною. И для того пристойно, Государь, что я поехал чрез Дауры.

От Селенги-реки поехал степью в новой Даурской острожек в Еравню, а в Еравню, Государь, приехал ноября в 19-е. А из Еравни приехал в Теленбинской острог ноября в 23-е. А из Теленбинского острога едучи, до Нерчинского острога за 4 дня встретили меня нерчинские казаки, человек с 30, и сказали

мне, что в недавних днях те же братские иноземцы отогнали всех достойных коней из-под острогу с тысячу и казака одного увезли и для того до острогу ехать с великим береженьем, чтоб мунгалы и братья на меня не ударили. И милостью Божьею и твоим, Великого Государя, счастьем приехал я в Нерчинской острог в целости декабря в 4-й день.

В Нерчинский, Государь, острог собрались твои, Великого Государя, ясачные иноземцы-тунгусы, тебе, Великому Государю, благодарили. Гантимур князец и прочие, что ты, Великий Государь, изволил прислать посольство свое и рать для оберегания их и для постановления мира с китайцами, для того что они от китайцев имеют великое опасение. А про иноземцов сказали, как они слышали, что твои, Великого Государя, люди идут в Дауры вновь, и контайша и братья испужались и откочевали далеко в степь по Онону-реке.

И я, холоп твой, отसेле взял подводы и вожжи и поехал в Китай декабря в 19-й день на Наун-реку, где живет воевода китайский, который в прошлых приезжал в нерчинский острог и лист тебе, Великому Государю, послал. А сказывают, что тихим ходом до того места ехать 3 недели. А наперед себя послал я, холоп твой, на Наун-реку к тому воеводе еще из Енисейска даурского сына боярского Игнатия Милованова, который был прежде сего послан в Китай из Нерчинского, а из Китая с листом к тебе,

Великому Государю, был послан к Москве; только, Государь, Байкальское море его задержало, и для того замешкался¹. А из Нерчинского, Государь, острога отпущен он ноября в 9-й день к тому воеводе на Наун-реку, а по се время еще с отповедью не приехал, для того что он поехал чрез Албазинский острог окольною дорогою. Однако ж-де я, холоп твой, не ожидая его отповеди, из Нерчинского острогу поехал, потому все иноземцы сказывают, что Китайский хан от тебя, Великого Государя, посольства великим желанием ожидает.

И едучи, Государь, к порубежным городам, какая встреча будет от китайцев, и что учинится в порубежных городах, о том о всем учну я, холоп твой, писать к тебе, Великому Государю. А прежде, Государь, сего не писал к тебе, Великому Государю, для того что чрез Байкальское море водяным путем для зимнего времени ехать нельзя, а сухим путем про-

ходу нет, для того что Байкал море ставится около крещения. А отселе, Государь, мне, холопу твоему, ехать есть большая река Аргуня, и до ней тихим ходом ехать 10 дней; а та река как сойдется со здешними реками, с Шилкою и с Нерчею, переменяет имя свое и именуется великая река Амур, которая течет и до Китайского моря. А та, Государь, река Аргуня течет из превеликого озера Далай. И то озеро Далай больше нежели Байкал, и в нем и киты морские есть. А кочуют, Государь, там разные иноземцы. И отселе можно водяным путем ехать большими судами по Шилке до Аргуни и от Аргуни на Далай. И для того я, холоп твой, отселе взял казаков и, едучи, буду смотреть тамошние места, можно ли, Государь, острог поставить, потому что я чаю, чрез Далай можно сыскать водяной путь до Китая. И про то про все и про китайские ведомости учну я, холоп твой, писать к тебе, Великому Государю.

¹ Об этой экспедиции Милованова находим подробности в отписке воеводы нерчинского Шереметева к царю Федору Алексеевичу от 11-го октября 1676 г. по поводу присылки того же Милованова из Китая с письмом от Спафария. В этой отписке сказано: «184 году (1676) февраля в 18-й день приехал из Китайского государства даурский нерчинский сын боярский Игнатий Милованов, который в прошлом 182 (1675) году послан наперед из Енисейского известить в порубежных китайских городех воеводам, что от Его Царского Величества идет посол к Богдыхану. А в распросе он сказывал: «Поехал он, Игнатей, из Нерчинского острога в китайские порубежные города ноября в 10-й день на Албазинской острог, а из Албазинского острогу в первые порубежные города на Наун-реку приехал ноября в 14-й день». Этот же Милованов еще в 1671 году ездил в Китай по делу Гантимура. (Примеч. А. Ю. Арсеньева)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ АТЛАСОВ

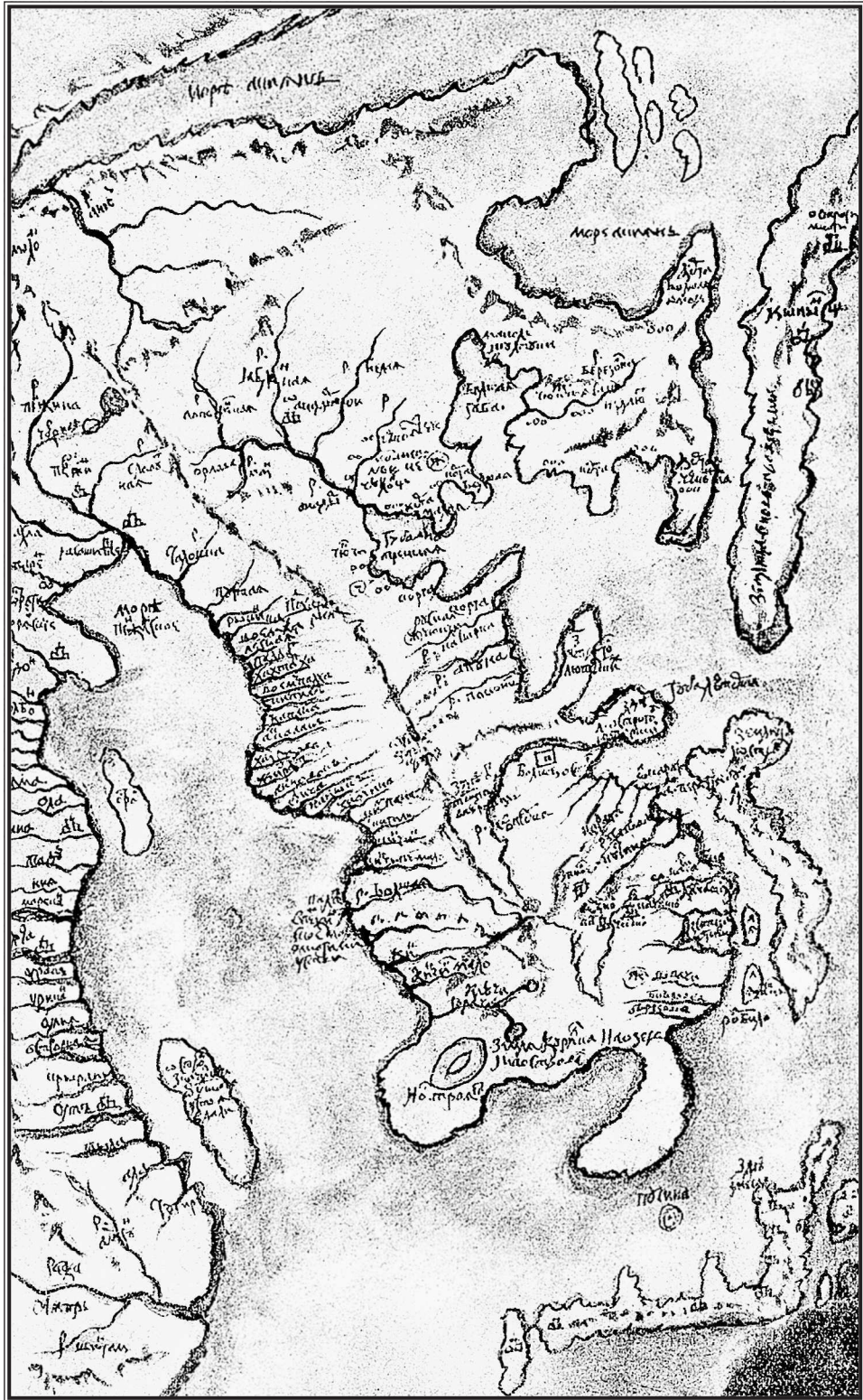
Отвага, предприимчивость и наблюдательность Владимира Атласова (Отласова) позволили Пушкину назвать его «Камчатским Ермаком», а от С. Крашенинникова он удостоился звания «обретателя Камчатки». Начав службу в 1682 году по сбору ясака на реках Алдан и Уда, Атласов в 1695 году был назначен приказчиком Анадырского острога, откуда весной 1697 года с отрядом в 120 человек совершил поход на Камчатку и через весь полуостров до южной его оконечности. По пути он захватил четыре корякских острожка и заложил на реке Камчатке Верхнекамчатский острог. Вернувшись в 1698 году в Анадырск, Атласов начал составлять подробные «скаска», в которых описал население, рельеф, климат, животный и растительный мир полуострова и близлежащие острова, «через кои путь лежит в зело чудное Нифонское царство». К этим «скаскам» прилагалась и первая карта Камчатки.

В 1701 году Атласов отправился в Якутск, а оттуда в Москву с отчетом, захватив с собой потерпевшего кораблекрушение на Камчатке и плененного камчадалами «апонского государства татарина именем Денбей» — японца из Осаки. Доклад Атласова заинтересовал самого Петра I, приказавшего: «Ево Владимира в Сибирском приказе допросить впредь о посылке в Камчадальскую землю для прииску новых землиц». На обратном пути из Москвы Атласов захватил дощаник «гостя» Добрынина, отобрал у него на 16 тысяч рублей китайских шелковых тканей и едва не утопил сопровождавшего караван «прикащика». Атласова схватили, допросили «с пристрастием», и хотя он «в грабленных животах¹ запырался», признали виновным и посадили в тюрьму в Якутске, где он просидел пять лет.

Тем временем на Камчатке коряки взбунтовались и убили «прикащиков» Протопопова и Шелковникова, а камчадалы уничтожили Верхнекамчатский острог со всем его гарнизоном и убили 15 казаков. Зная способности Атласова «смирять» туземцев, его выпустили из темницы, выделили 100 служилых людей и отправили на Камчатку. Прибыв на полуостров в 1707 году, Атласов задачу выполнил: своими беспримерными жестокостями устрашил туземное население. Но при этом произволом и грабежом собственных подчиненных восстановил их против себя. Его подручные взбунтовались, и ему едва удалось спастись. Он бежал в Нижнекамчатск, где в 1711 году был убит.

Предлагаем вашему вниманию публикации известного исследователя XIX в. Н. Н. Оглоблина, проливающие свет на биографию «обретателя Камчатки».

¹ Т. е. в разграблении имущества.

Карта Камчатки.

Из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова. 1700 г.

ДВЕ «СКАСКИ» ВЛ. АТЛАСОВА ОБ ОТКРЫТИИ КАМЧАТКИ¹

Первая «сказка» Вл. Атласова, 1700 года

208 [1700] году, июня в 3 день, явился в Якутске в приказной избе, перед стольником и воеводою Дорофеем Афанасьевичем Траурнихтом да перед дьяком Максимом Романовым Якутский пятидесятник казачий Владимир Отласов и сказал:

«В прошлом в 203 [1695] году по указу великого государя посылай был он Владимир со служилыми людьми за Нос в Анадырское зимовье для государева ясачного сбора. И собрав казну великого государя в Анадырском с ясачных юкагирей² на 205 [1697] год, выслал в Якуцкой город со служилыми людьми. И после ясачного платежа в том же 205 [1697] году, по наказной памяти, пошел он Владимир из Анадырского [зимовья] на службу великого государя для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали. А служилых де и промышленных людей ходило с ним Владимиром 60 человек, да для соболиного промыслу Анадырских ясачных юкагирей 60 человек.

И шли де они из Анадырского [зимовья] чрез великие горы на оленях полтредь недели и наехали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменном, и в Усть-Пенжинском острожках неясачных оседлых коряк человек ста с три и больше, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якутск со служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государской участи (*sic*) учинились они неясачные коряки покорны.

А ружье де у них — луки и копье, и начального человека они над собою не знают, а слушают которой у них есть богатой мужик. А товары де надобны им — железо, ножи и топоры, и пальмы [пилы?], потому что у них железо не родится. А соболей де у них на устье Пенжины реки нет, а питаются они рыбою, и аманаты не держатся (т. е. — не дают их).

И от тех де острогов поехал он Владимир со служилыми людьми в Камчатский нос, и ехал на оле-

нях подле моря 2 недели, и от того Камчатского носа, по скаскам иноземцев-вожей, пошли они чрез высокую гору и пришли к Люторским острогам, к иноземцам к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом, и привел их немногих людей и в ясак писал с них лисицы. А промышляют де они те лисицы себе на одежду близ юрт своих, а соболей де от них по горам недалече белые, и соболей де они не промышляют, потому что в соболях они ничего не знают. И русские люди у них прежде его Владимирова с товарищи приезда никто не бывал, для того они соболей не промышляли. И бою [у] них с ними никакого не было, а ружье де у них — луки и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родится, и опричь железного — ножей и палем, и копий — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатся.

И от того острожка отпустил он Владимир 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторское море для проведывания той земли и островов и для призыву под царскую великосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежом. А сам де он Владимир с остальными служилыми людьми и юкагирами пошли подле Пенжинское море к Камчатке и к иным рекам.

И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленных коряк 2 юрты, и ласкою их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де Владимир, поговоря со служилыми людьми, громил их и побил.

И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к родникам своим Кома с родниками юкагиря Позделя и велел им их Владимира с товарищи побить, и отнюдь бы де их Владимира с товарищи не спускали, а он де Почина с родниками своими русским людям не спустит — побьет их всех. И после того пришел они [юкагири] к Анадырскому острогу, хотели взять и служилых людей побить. А пронеслась та речь от них же юкагирей, и по тому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него Владимира в сторону и пришел сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжной след. И он Владимир для подлинного проведывания послал с ними служилых людей 4 человек, и он Ома с родниками, отведя их казак от него обманом, следу им не оказал, и заночевались. И ночью порою 3 человек казаков [Ома] убил до смерти, а родник де их Еремка Туланов на четвертого человека на Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они юкагири его Яшку в 4 местах изранили. И послал он Еремка к ним Владимиру с товарищи родника своего... и велел ему про убий-

¹ Печатается с сокращениями и незначительной правкой по изданию: *Оглоблин Н.* Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете [далее ЧОИДР. *Ред.*]. М., 1891. Кн. 3 (158). С. 1—18.

² *Юкагиры* — восточносибирский народ. Относятся к древнейшему (аборигенному) населению Северо-Восточной Сибири.

ство сказать. И родник его им про убийство не известили, и совестясь (т. е. — снесшись) с родниками своими с Омою с товарищи послал их, чтоб они их побили.

И они Ома с родниками на Палане реке великому государю изменили, и за ним Владимиром пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казаков убили, и его Владимира во ш[ес]ти местах ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек переранили. И Божьею милостию и государевым счастьем они служилые справились и их иноземцев от себя отбили, и сели в осад, и послали к товарищам своим служилым людям с ведомостью юкагирия, и те служилые люди к ним пришли и из осады их выручили.

И услыша изменниковы родники от коряк весть, что родник их Почина с родниками товарищей его (Атласова) служилых людей обманом побить не могли, многие учали быть покорны. И он де Владимир на Кыгыле реке дал им страсть [острастку] — бил батогами. А изменники де Ома от них ушли.

И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему Владимиру служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними идти на Камчатку реку и проведать подлинно, какие народы над Камчаткою рекою живут, И он де Владимир по челобитью их с Кыгыла реки, взяв вожев — двух человек, пошел со служилыми людьми и с остальными ясачными юкагириями, которые не в измене, подле море на оленях, и дошел на Камчатку реку.

И наехали 4 острога, а около тех острогов юрт сот с четыре и боле, и подозвал их под царскую высокосамодержавную руку, и ясак с них вновь имал, а с кого именно — подаст книги.

А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуда ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастью русским людям они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родится.

И они Камчадалские иноземцы стали ему Владимиру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Владимиру с ними на тех иноземцев идти в поход и с ними их смирить, чтоб они жили в совете. И он де Владимир со служилыми людьми и с ясачными юкагириями и с камчадалскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ. И плыли три дни, и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт сот с четыре и боле, и под цар-

скую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Владимир со служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им в страх и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцев гораздо много — посады великие, юрт сот по 3 и по 4, и по 5 сот и больше есть. И оттоле пошел он Владимир назад по Камчатке вверх, и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и русских людей не знали, и упрасивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуда поплыли по Камчатке, и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтоб им Владимиру с товарищи великому государю служить было не на чем. И он де Владимир со служилыми людьми, увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и согнав их у Пенжинского моря, поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь, и Божьею милостию и государевым счастьем их коряк человек ста с полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам.

И от того де места пошел он Владимир вперед подле Пенжинское море на Ичу реку. И услышал он Владимир...: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они камчадалы его русаком. И он де Владимир велел его привести к себе, и камчадалы, боясь государственной грозы, того полоненика привезли. И сказался тот полоненик ему Владимиру: он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством. Шли де они из Узакинского государства в Индию на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая ценная посуда. И у них де на одной бусе дерево (т. е. мачту) сломило и отнесло их в море, и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их 3 человек Курильского народа мужики, а остальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а где девались — того он им не сказал. И товарищи де его 2 человека живучи у курилов померли, потому что они к их корму не привычны: кормятся де они курила гнилою рыбою и кореньем. И тот де индеец им Владимиру с товарищи — что они русского народа — обрадовался и сказал про себя, что он по-своему грамоте умеет и был подьячим, и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он Владимир в Якутск. И взял его [т. е. полоненика] он Владимир к себе

Джованни Сассо. Жители Камчатки в традиционных костюмах.

Гравюра из альбома «Костюмы народов Российской империи». 1803 г.

и оставил на Иче реке у своего коша со служилыми людьми.

А сам де он Владимир со служилыми людьми пошел подле Пенжинское море вперед. И послыша их приход оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль, и он де за ними гнался 6 недель. И мимо идучи на Нане, и на Гиги, и на Ники, и на Сиунчу, и на Харюзове реках неясашных камчадалов под царскую высокосамодержавную руку призывал и ясак с них ласкою и приветом имал, а с кого именно — тому подаст книги.

И оттуда де пошли они вперед и на Кукше, и на Кыкше реках о ленных коряк согнали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они коряки учинились непослушны и пошли от них на побег, и он Владимир с товарищи их постигли, и они иноземцы стали с ними биться, и Божьею милостию и государевым счастьем их коряк многих побили, и дома их, и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуда пошел, наехали они курильских мужиков 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку со себя не дали и учинили с ними бой, и они де Владимир с товарищи из тех острожков один взяли курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакого живота нет и в ясак взять нечего. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда не идут.

А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он Владимир за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И от того воротился он Владимир со служилыми людьми назад и пришел на Ичу реку. Божим изволением олени у них выпали, и идти им было вскоре в Анадырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку реку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он Потап писал к нему Владимиру: камчадалы де все живут в совете, а в ясаке упрасиваются до осени.

И на Иче реке служилые люди били челом великому государю и подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Ичи реки идти в Анадырское [зимовье], потому что у них пороха и свинца нет — служить не с чем. И по тому их челобитью он Владимир со служилыми людьми и с полонником с той Ичи реки пошли в Анадырское зимовье.

И идучи дорогою оленной коряка Эвонто, которой убежал из Анадырского [острога], и сказал ясашным юкагирам, что де Анадырский острог взят, служилые и промышленные люди побиты и аманаты выпущены, и чуванского рода Омеля Тюляпсин с товарищи 30 человек изменили и двух человек — казака да промышленного — убили.

А в сборе у него Владимира ясачной казны — 8 сороков, 10 соболей, 101 лисица красных, 10 лисиц сиводушчатых, 10 бобров морских, парка соболя, 7 лоскутов бобровых, 4 выдры, да староплатежных юкагирей, которые ходили с ними в поход — 42 соболя, 26 лисиц красных. А у многих де соболей хво-

стов нет, потому что они камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину, и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало, а из иных шьют наушки.

А из Анадырского [острога] ходу до Пенжины реки тихим путем 3 недели, а от Пенжины до люторских народов 2 недели, а от Лютор до Камчадальских первых рек 6 недель, а от Кыгыла реки до Камчатки [реки] переход на оленях 2 недели, а до Курил ходу от Кыгыла ж 5 месяцев.

И он де Владимир из Анадырского [зимовья] со служилыми людьми и с казною великого государя и с полонеником пошел в Якутский город.

И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычай, и идти было ему невмочь, и он де Владимир того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анадырское [зимовье]. И после того, встретив на дороге приказчика Григория Посникова, и о том ему говорил, чтоб он его не задержал, выслал в Якутск со служилыми людьми и дал ему Григорию 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы.

А книги де он Владимир вышеописанной ясачной сборной казне, с кого именно что взял, подаст за своею рукою вскоре. А дорогою де он Владимир тех книг не написал, потому что не было у них писчей бумаги.

И если из Якутска на Камчатку служилым людям впредь будет посылка... надобно послать 2 пушечки небольшие, для страха иноземцам, потому что... иноземцы остроги свои от приходу русских людей почали крепить».

Вторая «сказка» Вл. Атласова, 1701 года

1701 году, февраля в 10 день, явился в Сибирском приказе Якутский казачий пятидесятник Владимир Атласов, а по допросу сказал:

«Из Якутска де он Владимир пошел в 203 [1695] году, августа в последних числах, в Анадырское зимовье для государева ясачного сбора, а с ним было якутских служилых людей 13 человек. Из Якутска де переплыл он в лодках через Лену реку, взяв конные подводы, шли еланскими и луговыми местами до Алдану реки дни с три. А ходу в день будет верст по 30. А переехали через Алдан в лодках, а коней от Алдану наймовали, и через реку Алдан плавили повыше устья за день, против реки Токулана. А Алдан река величиною будет против Москвы реки вдвое. А против, реки Токулана вверх по правой стороне шли конями ж, по грязным и каменистым местам до самой вершины 11 дней. А зима захватила их на устье Токулана реки. А та Токулан река меньше Москвы реки. И перешед Токулан реку пришли на вершину Яны реки, через камень 1 день, и шли

по Яне реке вниз конями недели с две до Верхоянского зимовья.

И в Верхоянском зимовье, наняв новых лошадей, шли на низ по Яне, а Яна река шире Москвы реки и перешли на Тастак. А Тастак река меньше Москвы реки и мелка. А с Тастака на Галяндиноу речку, а та Галянда река пала в Индигирку реку под Индигирским острогом. И шли тою Галяндиною речкою до Индигирского острожку на конях же. А всего ходу и с простоем от Якутска до Индигирского острожку недель по шести и по семи.

А из Индигирского острожку на низ по Индигирке шли на наемных оленях дней с 5 или 6, до Уяндинского зимовья. А та Уяндина река пала в Индигирку реку с левой стороны. А от Яндина шли небольшое место на низ по Индигирке и перешли через хребет до Алазейского зимовья, а ходу дней с 8 или 10. А от Алазейского зимовья на оленях же через хребет шли до Колымы реки до урочища Ярмонги 2 дни. А с Ярмонги шли на низ по Колыме дней с 10 на Тартах до Нижнего Колымского зимовья, а то зимовье близь самого устья.

А от Колымского зимовья пошли вверх по Аную реке и через хребет до Яблонной реки, а по Яблонной вниз до Анадыря реки, и по Анадырю вниз до Анадырского острогу недели с 4, а налегке весною выходят недели с 3. А в подводы коней и оленей наймуют они служилые люди собою у ясачных иноземцев.

А меж Колымы и Анадыря реки необходимой [т. е. не проходимой] нос, которой впал в море, и по левой стороне того носа на море летом бывають льды, а зимою то море стоит мерзлое, по другую сторону того носу весною льды бывають, а летом не бывають. А на том необходимом носу он Владимир не бывал. А тутошние инородцы чукчи, которые живут около того носу и на устье Анадыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он Владимир видел. А хвосты у тех соболей длиною с четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными.

И в Анадырском де зимовье собрал он Владимир служилых и промышленных людей человек с 60, а что с теми людьми он Владимир учинил и куда ходил и то де писано в допросе его, который прислан из Якутска и в его Владимирове челобитной, что прислана из Якутска под отпискою.

А идучи в камчадальскую землю и из камчадальской земли, питались они оленями, которые полонили они у иноземцев, и рыбою, которую они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетями, которые взяты были с ними из Анадырского зимовья.

А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породу особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют овечиною. И иных рыб много — 7 родов разных, а на русские рыбы не походит. И идет той рыбы из моря по тем рекам очень много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московской, а снега бывают небольшие, а в Курильских иноземцах снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго, против Якутского близко вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы, и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек много, а по ржавцам [болотам] лебедей много ж, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остается их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие, и молния бывает по часту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень.

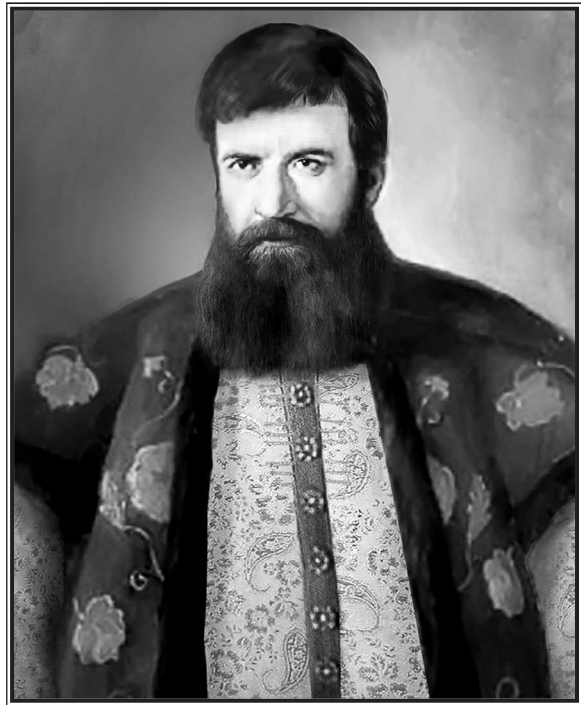
А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусника, черемха, жимолость — величиною меньше изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом, что малина, а семена в ней маленькие, что в малине. А на деревьях никакого овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы ту траву рвут и кожуру счищают, а средину [т. е. сердцевину] переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет — будет бела, и ту траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка, что сахар.

А деревья растут — кедры малые, величиною против можжевельника, а орехи на них есть. А березняка, лиственничника, ельника на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березняк да осинник.

А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их де братья шаманы — вышаманят, о чем им надобно: бьют в бубен и кричат.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу.

Владимир Васильевич Атласов

(около 1661—1711)

А юрты у них олени и рондужные [замшевые, выделяемые из оленьих шкур].

А за теми коряками живут иноземцы люторцы [алюторцы]¹, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом [ростом] невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью, и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три [5—6 м], намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты от юрт поблизку, а в одном месте юрт сот по 2 и по 3, и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и ту рыбу, вынимая, кладут в колоды и наливают водою, и, розжегши камень, кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от той рыбы исходит смрадной дух, что русскому человеку по нужде терпеть можно.

А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть лев-

¹ Алюторцы, или береговые коряки, — оседлые жители, занимающиеся морским рыбным промыслом.

Корякские воины с луками в костяных пластинчатых доспехах, прикрытые крыловидными щитами.

Фотография. 1900—1901 гг.

кашенная и олифляная, а сказывают они, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только одни шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцами: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

И с теми камчадальцы всякую речь, о чем русским людям доведется говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у русских людей. А он Владимир по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает.

А за камчадальцами вдаль живут курильские иноземцы — видом против камчадальцов чернее и бороды меньше¹. А в той курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж, что и камчадальцы, только камчадальцев она скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплое. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья идти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду², велика го-

раздо и высока, а другая близь нее ж подобна сеному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево³. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины той горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось — не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубину сажени на три.

А вышеописанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатеет — того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцев никуда не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2, и по 3, и по 4. А скота никакого у них нет, только одни собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют.

А воюют те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми. А бои с русскими людьми у них были только до тех мест, как сойдутся с русскими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадальцы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазеровой [голубой бисер], ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие [каланы], выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли — не ведают. А летом на том море льду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он Владимир казака для проведыванья иноземцев, и тот казак по Камчатке до моря ходил и сказывал, что он видел по Камчатке камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта.

А до русских людей острогов у них было меньше, а при русских людях острожков наставили больше для опасения, и из тех острожков бьются — бросают камнем, пращами, и из рук большим камнем

¹ Здесь явная описка: не меньше, а больше.

² Вулкан Шивелуч.

³ Ключевская Сопка.

с острожку мечют, и обвостренным кольем и палками бьют.

И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцев — противников побивают. А те острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и разрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойти — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадалской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи[ны] реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчатку на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к курильским иноземцам приходит ценная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и цензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де ту посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чем с тех островов к Курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадалской стороне повыше Камчатки [реки] к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичий и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — каланы остаются на земле и их копыями колот и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а береги деревсяные [из мелких камней с острыми краями], крепкие <...>

А у Пенжинских иноземцев для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6 и поперек сажени 1½, и в середине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарах человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а далеко ль на море в тех байдарах выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадалской и в Курильской земле хлеб пахать можно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают <...>

А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черен. А как увидел у русских людей образ Божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное по-русски, для того что жил он с ним Владимиром 2 года, а иное говорил через толмач по коряцкому языку, для того что у иноземцев жил он до него Владимира 2 года. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты ценные, а у царя де индейского палаты серебряные и вызолочены <...>

И тот полоненик шел с ним Владимиром на лыжах от Анадырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел, и затем поворотил его назад в Анадырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якутский [город] выйдет. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен.

Да он же Владимир вез с собою камчадалского князца к Москве для подлинного о той земле уведомления, и тот иноземец говорил по-русски и в Кайгородском уезде оспую умер.

А у сибирских иноземцев у всех учтивости никакой нет — люди худые, чистоты никакой не имеют».

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВЛАДИМИРЕ АТЛАСОВЕ. УБИЙСТВО АТЛАСОВА¹

Вопрос об убийстве Владимира Атласова занимал всех исследователей его жизни и деятельности, так как известные ранее источники не давали полного решения и оставляли много темного как относительно самого факта убийства Атласова служилыми людьми, так и о причинах этого убийства. Но теперь акты «Памятников Сибирской истории XVIII в.» не оставляют никакого сомнения в факте насильственной смерти Атласова.

Во главе их следует поставить «челобитную царю служилых и промышленных людей, убивших в Камчадалском остроге казачьего голову Владимира Атласова, с объяснением причин этого убийства».

Из отписки Якутских воевод Якова Елчина и Ивана Татарина в марте 1712 г.² оказывается,

¹ Печатается с сокращениями и незначительной правкой по изданию: *Оглоблин Н.* Новые данные о Владимире Атласове // *ЧОИДР.* М., 1888. Кн. I. С. 24—30.

² См.: Отписка якутских воевод об учинении казни над служилыми людьми, убившими прикащиков Камчадалских острогов, с показанием количества ясачной казны, денег и запасов, оказавшихся в наличности после означенных прикащиков // *Памятники Сибирской истории XVIII века.* Книга первая. СПб., 1882. С. 472—486.

что Атласов убит 1 февраля 1711 г. и что для этого приезжали из Верхнекамчатского острога в Нижнекамчатский верховоды бунта — Данило Анцыферов и Иван Козыревский. Они приехали вечером во главе 31 человека, остановились в полуверсте от острога, а к Атласову послали «с ложною составною грамотою» трех служилых людей: Алексея Посникова, Григория Шибанова и Андрея Петровых. Эти-то три лица и были убийцами Атласова... Ограбивши затем животов Атласова, они стали их «делить по себе».

Воеводы замечают, что «в повинных своих челобитных» Данила Анцыферов с товарищи говорили: «убили-де они приказчиков — Владимира Атласова за то, будто он с казаками стал драться, а Петра Чирикова и Осипа Липина будто за изгони¹ и налоги их и за отерь у них денежного жалованья».

В «расспросных речах» одного из Камчатских мятежников описываемой эпохи Григория Переломова очень обстоятельно объясняются подлинные мотивы возмущения служилых людей и убийства трех приказчиков. Переломов прямо показывает, что Данило Анцыферов с товарищи убили Атласова, Чирикова и Липина «из живота, для соболей их и для шуб соболевых и лисиц красных», кои после убийства «по себе делили». Имущество убитых приказчиков, действительно, было очень велико и, конечно, собрано ими нечистыми путями. Оно было разбито на 75 «паев» [по числу участников бунта], и на каждый пай пришлось по «полтора сорока» соболей, по 20 красных лисиц и по 2 калана. Кроме того, осталось немало не разделенных в пай животов приказчиков, из которых предводители бунта взяли себе львиную часть. Не погнушался взять себе долю из «убойного живота» и находившийся в то время в Камчатке миссионер — почтенный архимандрит Мартиан [Мартириан]², вообще игравший какую то двусмысленную роль во все время камчатского бунта... На свою долю он получил, как говорит Переломов — «шубу соболею лапчатую», двух «дворовых людей» П. Чирикова — «камчадальской породы некрещеных ребят, иноземческим названием Щочка да Чистяк» да «Владимира Атласова дворовую ж девку крещеную Настасью»....

Затем Переломов показывает, что у бунтовщиков была мысль ограбить в Камчатских острогах

¹ Изгоня — обиды, притеснение, гонение (Словарь русского языка XVIII в.).

² Архимандрит Мартириан был начальником 1-й Камчатской миссии, отправленной [в 1705 г.] сибирским митрополитом Филофеем. Словцов (Историческое обозрение Сибири. 1886. Кн. 1, с. 203—204) говорит, что проповедь Мартириана в Камчатке была «неуспешна», и объясняет это казацкими междоусобицами и бунтами инородцев. К этим причинам следует присоединить и невысокие качества нравственной личности Мартириана. (Примеч. авт)

«государеву ясачную соболиную и лисичную казну, и пороховую, и свинцовую» и, вооружившись... всеми необходимыми запасами, хотели они «с атаманом своим Данилой Анцыферовым да с есаулом своим Иваном Козыревским, со всеми своими убийцами [бунтовщиками], со служилыми людьми идти на острова за переливы на море и жить [там], чем они хотели, многие лета и времена»... Таким образом, камчатскими бунтовщиками задумывалось полное отделение от своего государства и вольная жизнь в новых краях (как следует заключить из этого акта, замысел у них был пробраться, по-видимому, на Курильские острова). У них была правильная организация: были «атаман», «есаул», был товарищеский «круг» для решения общих дел, имелись свои «знамена» и проч.

Отписка в Якутск Камчатского приказчика Василия Севастьянова в декабре 1712 г. сообщает подробный перечень мягкой рухляди, отобранной казаками у Владимира Атласова. Одних соболей нашли у него более 1200 штук, 400 красных лисиц, 74 морских бобра, соболя шубы, «соболею одеяло» и пр.

Отписка туда же Камчатского приказчика Василия Колесова в июне 1713 г., говорит о судьбе убийц Атласова: «злому делу заводчик» Данило Анцыферов был убит возмущившимися «авачинскими мужиками» в походе на Авачин в 1712 г. Вместе с ним там же убито 24 казака, в том числе и главный убийца Атласова — Алексей Посников. Остальные двое убийц Атласова — Григорий Шибан [Шибанов] и Андрей Петровых — были приговорены к смертной казни, но дело ограничилось одним обрядом: их «клали на плаху» и затем сняли, так как «великий государь — пишет Колесов — пожаловал их для упрощения народу и для их прежних служб, смертную казнить не велел, а показнил я у них по 2 малых пальца у левых рук, и на козле они биты кнудом, и в проводку по улицам вожены»... Но Григорий Шибан все-таки не избежал смертной казни: после розыска по поводу убийства трех приказчиков, Иван Козыревский подал извет на Шибана, обвиняя его в каком-то «в ножевом дерзновении и резанье». Шибан сознался, и его «на плахе казнили».

Один Иван Козыревский — «есаул» Данилы Анцыферова — отделался счастливо: за свою усердную службу он был прощен и в наказание за прошлые вины сочтена ему посылка в трудный поход «для проведыванья от Камчатского носу за переливами морских островов и Апонского государства»...

ВИТУС БЕРИНГ

Витус Йонассен Беринг (1681—1741) — датчанин, снискавший славу как великий русский мореплаватель, двадцатидвухлетним выпускником Амстердамского кадетского корпуса поступил поручиком в русский флот. Участвовал в обеих войнах Петра I — с Турцией и со Швецией. Дослужился до капитана-командора. Одним из последних своих указов Петр I направил на Дальний Восток экспедицию, возглавить которую назначил В. Беринга.

Согласно секретной инструкции российского императора, Берингу было поручено установить, «соединяется или нет Азия с Америкой». Кроме того, следовало изучить побережье Ледовитого океана, собрать сведения о народах, населяющих Крайний Север и Дальний Восток, завязать торговые отношения с Америкой и Японией, ознакомиться с природными богатствами, флорой и фауной Севера, произвести географические описания малоизвестной тогда Восточной Сибири, наметить пути сообщения с отдаленными областями. Экспедиция проделала колоссальную работу: были проведены картографические исследования, изучена и нанесена на карту Камчатка, изучены города и неизвестные ранее народности, рельеф и гидрография, составлены карты. Но новыми большими географическими открытиями Первая Камчатская экспедиция так и не увенчалась.

В 1733 г. Сенат утвердил план Второй Камчатской экспедиции. Витус Беринг и Алексей Чириков должны были пересечь Сибирь и от Камчатки направиться к Северной Америке для исследования ее побережья. Мартыну Шпанбергу поручалось завершить картографирование Курильских островов и найти морской путь к Японии. В июне 1741 г. «Св. Петр» под командованием Беринга и «Св. Павел» под командованием Чирикова вышли в плавание, но через неделю суда потеряли друг друга и продолжили путь поодиночке. «Св. Петр» достиг берега Северной Америки, но на обратном пути был выброшен на остров, где пришлось зимовать. Из 75 членов экипажа погибло 30, среди них и В. Беринг.

Увы, Беринг не успел описать экспедицию — за него это сделал оставшийся в живых его помощник Свен Ваксель. Но картами двух российских экспедиций пользовались впоследствии все европейские картографы. Первый мореплаватель, подтвердивший точность исследований Беринга, знаменитый Джеймс Кук, отдавая дань уважения русскому командору, предложил дать имя Беринга проливу между Чукоткой и Аляской. Именем Беринга названы также море, архипелаг и остров.

Спустя двести пятьдесят лет со дня его смерти, летом 1991 г. на острове Беринга работала поисковая экспедиция, в числе которой были и специалисты в области судебно-медицинской экспертизы. Усилиями исследователей были обнаружены могилы первопроходцев. Затем специалисты-антропологи по останкам воссоздали достоверный портрет капитана-командора Витуса Беринга. Ведь на известном всем портрете из школьных учебников по географии изображен не великий путешественник, а другой Витус Беринг — известный датский историк, поэт и одновременно дядя знаменитого первооткрывателя.

* * *

В опубликованный в серии «Великие путешествия» том¹ вошли документы и отчеты участников Первой (1725—1730) и Второй (1734—1742) Камчатских экспедиций Свена Вакселя, Г. Миллера и С. П. Крашенинникова, а также обзорные труды историка российского флота и морских географических открытий В. Н. Берха и немецкого географа Ф. Гельвальда.

ОТКРЫТИЕ МОРСКОГО ПРОЛИВА МЕЖДУ АЗИЕЙ И АМЕРИКОЙ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ (ДЕЖНЕВ). ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА²

Решение вопроса о характере Азиатского континента экспедицией Беринга было первой крупной научной работой русского общества. Это было первое великое открытие, сделанное вошедшим в научное творчество государственным целым. Географическая карта начала XVIII в., времен Петра, резко отличалась от современной. Для Африки были нанесены на карту [общие] контуры, но ее внутренность не была известна.

Эти контуры для Азии не были известны даже в такой степени, как их знали для Африки. Весь северо-восток Азии был неизвестен; о положении Японии только догадывались. Север Америки и ее западная часть, как побережье, так и внутренность страны вплоть до Калифорнии, были почти совсем неизвестны. Где кончалась Азия севернее Китая и как близко к ней приближалась Америка, было неизвестно. Оставался невыясненным вопрос, не представляет ли Европа-Азия-Африка-Америка единое целое, одну сушу, непосредственно соединяющуюся перешейками. Мы знаем теперь из истории науки, что вопрос этот к этому времени был в действительности уже решен определенным образом, но он не был известен современной науке. Якутский казак С. Дежнев в 1648 г. объехал северо-восток Азии и из Ледовитого океана вышел в океан Тихий. Донесения Дежнева скрывались в приказах и канцеляриях Московского царства. На них не было обращено внимание. Местные люди в Восточной Сибири, несомненно, знали о существовании морского прохода из берегов Ледовитого океана в Анадырь и Камчатку, и едва ли об этом мог-

ли не знать центральное правительство и Петр. Хотя нельзя не отметить и другой источник аналогичных знаний. Сведения о свободном Северном море были известны в культурной среде дальневосточного образованного общества — Японии, Кореи, Китая. То, что было известно в XIV в. в Китае, проникло в Европу в неясных указаниях Марко Поло о «Соколиных островах», откуда китайские правители получали полярных соколов. Однако эти сведения толкуются и иначе, и «Соколиные острова» переносятся на далекий Запад, в область Таймыра и Тобольской губернии. Но в русской литературе конца XVII в. были и более точные сведения, которые были добыты ученым молдаванином Н. Г. Спафарием, обрусевшим и долго бывшим на русской службе. В «Описании Китайского государства», оставшемся в рукописи, в главе об Амуре — «Сказание о великой р. Амуре, которая разграничила русское селение с китайцами», — которая встречается в списках отдельно от всего сочинения, Спафарий дает совершенно правильное представление о его географическом положении и значении. Между прочим он пишет: «А на устье реки Амуре не только большие суда можно делати, но и корабли большие. И можно ходити в Китай и в Японский остров. Да и сверх того можно сыскати и другие острова, которые еще на свете не знатны и никто не проведал, для того что по Северному морю плавати нельзя, и из Восточного также не проведено». Это писал Спафарий в Москве в 1678 г. до потери Амуре по Нерчинскому договору (1689). Взгляды Спафария не были забыты — его работа распространялась в рукописях как XVII, так и XVIII в. Очень возможно, что часть сведений его попала в печать начала XVIII в. Витсен был в отношениях со Спафарием и жаловался в письмах к Лейбницу, что Спафарий боится давать точные сведения, считаясь с опасливостью московского правительства. Витсен же обратил впервые внимание и на указание Марко Поло. Он не был очень высокого мнения о знании китайцами северных областей Азии, находил в связи с вопросом о соединении Азии с Америкой, что оно ничтожно.

Несомненно, если Витсен мог знать результаты посольства Спафария, то тем более они должны были быть известны в Москве, где служил в Посольском приказе Н. Спафарий. Еще яснее указания местных сибирских обывателей.

Мы имеем целый ряд ясных и точных указаний на знакомство местных людей с возможностью объехать морским путем Азию. Очень возможно, что Дежнев не был единственным, и другие безвестные промышленники проходили тем же путем. И его донесение сохранилось случайно: он говорил о проходе между прочим, указывая на открытые им залежи моржовой кости на Анадыре.

¹ *Витус Беринг*. Камчатские экспедиции. М.: «Эксмо», 2012. 480 с.

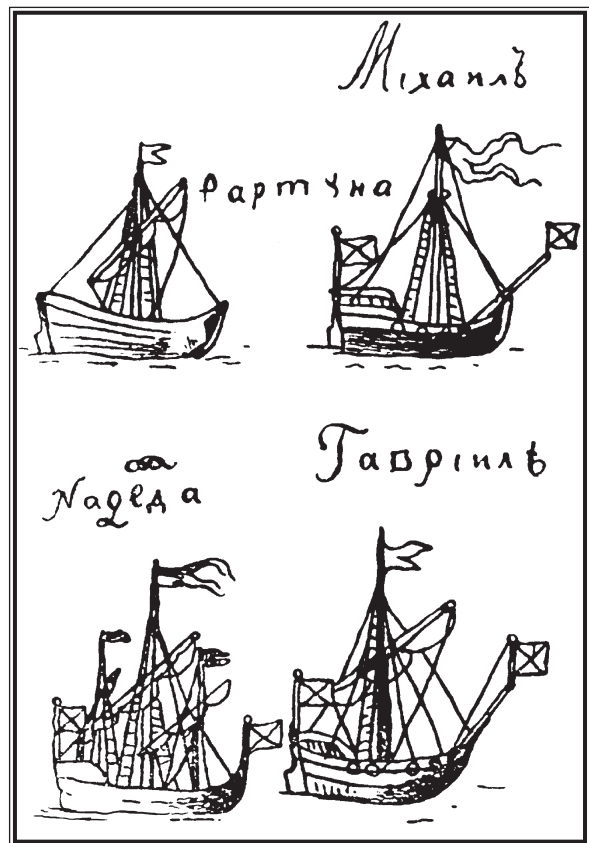
² Разделы из гл. IV труда «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии» (1914). Печатается с сокращениями по изданию: *Вернадский В. И.* Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. С. 93—107.

Сведения местных людей проникали даже в среду любознательных русских людей московского общества того времени и через них входили в научную среду Запада, наносились на местные самодельные карты или отражались на картах ученых-географов Запада. Еще в 1525 г. Павел Йовий со слов русского посла к папе Клименту VII, по-видимому образованного и бывалого, какого-то Дмитрия¹, указывал, что Россия окружена океаном, по которому, держась правого берега, можно доехать до Китая. Так, один из западноевропейских писателей о России XVII в., Ф. Авриль, передает свой разговор 1686 г. со смоленским воеводой, который указывал, что между Америкой и Азией лежит большой остров и что этим путем Америка могла населиться из Азии. По-видимому, часть сведений об Америке шла через чукчей: по их именам назывались области Америки, которые указывались на самодельных русских картах², например на интересном чертеже 1720 г. безграмотного казацкого офицера Шестакова (ум. 1730) или на карте дворянина Львова в Якутске, которые были в руках Миллера. Эти показания попали уже в 1730 г. в литературу на карте Страленберга, приложенной к его сочинению о Сибири, получившему большую известность. Он писал на этой карте об устье Колымы: «Отсюда русские... с большими трудами и опасностью жизни прошли в Камчатскую область».

Советский исследователь А. В. Ефимов обнаружил в рукописном отделе Библиотеки АН СССР две копии (в латинской и французской редакциях) карты якутского казацкого головы Афанасия Шестакова, которые датируются примерно 1676 г. Предполагается, что в их составлении принимал участие С. У. Ремезов. Иван Львов был в 1710—1714 гг. одним из приказчиков Анадырского острога. Его карта замечательна тем, что является одной из первых по времени карт Америки, составленных с русской стороны. В 1736 г. он передал свою карту в Якутске Е. Ф. Миллеру. Она послужила главным источником «Ландкарты Сибирской провинции...» геодезиста М. Зиновьева, а также карты Иоганна Баптиста Романа 1725 г., помещенной в его атласе, изданном

¹ Имеется в виду Дмитрий Герасимов.

² Первое картографическое изображение Чукотского полуострова, Камчатки и Западной Аляски было дано на карте С. У. Ремезова в его «Служебной чертежной книге», частично опубликованной А. И. Андреевым. На карте, видимо, нашли отражение данные из «сказки» Атласова; на ней впервые помещены сведения о Курильских островах («земля Курильска на озере и на островах»). Эти сведения были получены Атласовым от казака Луки Морозко, посланного в 1695 г. на Камчатку. Советские исследователи датировали карту 1700—1701 гг. Карта Ремезова была в 1730 г. опубликована шведским офицером Таббертом (Страленбергом), жившим в Тобольске в 1710-х гг.

Суда, построенные на охотских верфях Второй Камчатской экспедиции: шитик «Фортуна», бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп(ка) «Надежда», бот «Святой Гавриил».

Рисунок М. П. Шпанберга

в 1759 г. в Нюрнберге (*Homan P. Atlas geographicus universalis. Norimbergae, 1759, v. 1*). Данные карты И. Львова попали к Роману через Я. В. Брюса, который в 1725 г. по распоряжению Петра I переслал ему карту, составленную в 1724 г. И. К. Кириловым по этим материалам. Карта Ивана Львова найдена А. В. Ефимовым в Центральном Государственном архиве древних актов (Иркутская губерния, № 26, «Карта, изображающая Анадырский острог и Анадырское море») и впервые опубликована в кн.: *Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане.* — М., 1948.

Пленный шведский офицер Страленберг прожил 13 лет в Тобольске и собирал там сведения отовсюду. Часть данных на его карте принадлежит не ему, но ученому-натуралисту Мессершмидту, посланному в 1717 г. в Сибирь Петром Великим.

Сохранились известия, что при Петре и местной властью собирались сведения о северовосточ-

Карта Тартарии с изображением Анианского пролива.

Из атласа Абрахама Ортелия. 1570 г.

ных странах Сибири и местах, лежащих за Сибирью. Так, в 1710 г. взята сказка [запись] о поездках Т. Стадухина на восток от Колымска; она сохранялась в делах Якутской воеводской канцелярии и впервые опубликована в 1742 г. В 1718 г. собирав сведения в Анадыре от чукчей отправленный туда губернатором князем Гагариным подьячий (в капитанском ранге) П. Татаринов. Татаринов указывал на нахождение против Чукотского мыса большого острова, земли с большими реками, лесами, густонаселенной, богатой соболями. Наряду с этим Татаринов сообщает и о нахождении там хвостатых людей и людей с птичьими ногами...

И все же донесением Татаринова, как увидим, пользовался Беринг, как пользовался он и его спутники и всеми другими показаниями, собранными в Сибири. На основании их Беринг в 1725 г. писал из Енисейска в Адмиралтейств-коллегию: «Великим коштом крепко станет экспедиция: Сафонов и Шестаков ведают, каков тракт; а ежели б опре-

делено было идти с устья Колымы до Анадыря, где всемерно пройти возможность надеюсь, о чем новые азийские карты свидетельствуют и жители сказывают, что преже сего сим путем хаживали, то могло бы быть исполнено желаемое с меньшим коштом...» По-видимому, его предложение не встретило сочувствия в Петербурге.

Таким образом, несомненно, поездка Дежнева или аналогичные ей поездки других на местах не были забыты. Предание о них было живо в это время в Сибири и сыграло свою большую — психологическую — роль в путешествии Беринга.

Но имя Дежнева здесь нигде не названо. Его впервые открыл академик Миллер, бывший в Сибири в связи со второй экспедицией Беринга. В 1736 г. им была найдена часть донесений Дежнева в Якутском архиве и опубликована — первая в 1742 г. и более подробно только в 1758 г. в изданиях Петербургской академии наук, через 104 года после путешествия Дежнева. Значение этого путе-

шестивия долго не признавалось современниками Миллера. Гмелин¹, говоря о его поездке, не называет в 1752 г. даже имени Дежнева и пишет о поездке так: «Даже имеются следы, что какой-то человек на суденышке, которое было немногим больше, чем рыбацье, проехал от Колымы мимо Чукотского носа до Камчатки». Значение путешествия Дежнева в XVIII в. правильно оценили только Миллер и Ломоносов. Кун, выдвинувший работы Беринга, совершенно не упоминал о Дежневе. Его офицеры сомневались в существовании этого казака и его поездки. И в XIX в. значение плавания Дежнева долго не признавалось, и лишь в 1890 г., через 252 года после этой поездки, были напечатаны Оглоблиным документы, несомненно подтверждающие поездку Дежнева.

Дежнев умер, не сознавая выпавшего ему на долю исторического дела. Прошло больше двух столетий — 230 лет — после него, прежде чем Норденшельду на «Веге» в 1878—1879 гг. удалось успешно пройти не только его путем, но сделать его как часть еще более трудного пути, из Атлантического океана в Тихий. Другие попытки были неудачны.

По-видимому, в XVIII столетии одному энергичному русскому купцу Шалаурову из Иркутска удалось с устьев Лены пройти счастливо Берингов пролив, но он погиб на зимовке у мыса Шелагского, где позже были найдены его останки. Шалауров пытался пройти с устья Лены Камчатку в 1761—1763 гг.; он потерпел неудачу среди тяжелых лишений, в борьбе с суровой природой. Потеряв все средства в этой экспедиции, он уехал в Москву и, набрав нужные деньги, в 1766 г. вновь отправился в путешествие, из которого ему не было суждено вернуться. С другой стороны, еще в 1820-х гг., до Норденшельда, Шишмарев из Берингова пролива прошел до мыса Сердце-Камень у входа в Ледовитый океан. Путь Дежнева был забыт и не дал прямых

данных для решения вопроса о соединении Азии с Америкой, который был чужд русским людям или русской государственной власти XVII столетия.

А когда позже, через 50—60 лет, при Петре он был поставлен на разрешение — время резко изменилось. Русским людям пришлось решать его в другой обстановке. Для этого не нужно было повторять путь Дежнева.

* * *

Уже в 1719 г. Петр Великий, послав геодезистов Евреинова и Лужина на Камчатку и на отыскивание лежащих в море островов, поставил им на решение вопрос: «Сошлась ли Азия с Америкой?» Может быть, одновременно или раньше сделана была им попытка пройти морем в Сибирь из Архангельска².

Но мысль Петра к этим вопросам направлялась гораздо раньше. Мы уже видели, что этот вопрос стоял на первом месте среди географических вопросов, побуждавших многих современников ждать его разрешения от новой России. Его ставил уже в 1697 г. Лейбниц в одной из записок, составленных им для приближенных Петра, должно быть Лефортова³, его же касался он в 1711 г. в переписке с Брюсом, несомненно, обсуждал его с Петром Великим при свидании в Пирмонте в 1716 г. Сохранилось известие, что в 1717 г. побуждали Петра к научному разрешению этого вопроса его голландские друзья.

Однако Петр действовал здесь отнюдь не из-за одних научных соображений — это не было в его характере.

Его побуждали к этому вопросы государственной пользы и выгоды. Он должен был знать, что находится за пределами его царства и нет ли на Дальнем Востоке удобного морского пути в те страны, которые давно привлекали к себе внимание всех энергичных морских народов.

Прежде всего, Петру надо было точно и ясно выяснить положение своего государства в мировой сфере возможностей. То, что ясно нам теперь, тогда было неизвестно.

Экспедиция Евреинова и Лужина явилась продолжением аналогичных попыток, сделанных раньше. Еще в 1710 г. шли приказания в Охотск — исследовать морским путем прилежащие острова, и из Охотска казак Соколов достиг морем Камчатки. Сохранились известия об отдельных более

¹ Иоганн Георг Гмелин (1709—1755) — немецкий естествоиспытатель. Провел на русской службе 20 лет, приехав по приглашению Петербургской академии наук в 1727 г. практически одновременно с великим математиком, тогда 19-летним, Леонардом Эйлером и недоучившимся студентом Герардом Фридрихом Миллером. Последний через несколько лет стал товарищем Гмелина по научному путешествию по Сибири. За первые три года, проведенные в России, Гмелин успел поработать в Кунсткамере и кабинете натуральной истории, составить каталог минералов, начал работу по составлению каталога древних окаменелостей, участвовал в издании трудов профессора ботаники И. Х. Буксбаума. В 1731 г. И. Гмелин становится действительным членом Петербургской Академии в звании профессора химии и натуральной истории. А в 1733 г. принимает должность одного из натуралистов Второй Камчатской экспедиции. Другими были Г. В. Стеллер и С. П. Крашенинников. За 10 лет работы Гмелин проехал по Сибири около 34 000 км и положил начало ее научному исследованию. В 1747 г. вернулся в Германию.

² Об этой экспедиции ничего не известно. Два вышедших из Архангельска на восток корабля не вернулись.

³ «...Reconnaitre les cotes surtout dans le Nord est autant qu'il se peut pour apprendre si l'Asie est jointe a l'Amerique, on si on peut passer entre eux». («...Изучить берега, особенно на северо-востоке, чтобы узнать, не соединены ли Азия с Америкой, или между ними можно проехать».)

или менее удачных поездках И. П. Козыревского, пленных шведов — Е. Буша, А. Молина, дворянина Сорокоумова. Герье указывает Вагина и Пермякова, достигших какого-то острова (1711), казака Крупышева, который был заброшен в Америку до Гвоздева. Наибольшее значение имела экспедиция И. П. Козыревского. Козыревский — сын якутского казака, внук поляка — в 1712—1713 гг. открыл Курильские острова. Сохранились известия, что Козыревский предпринял эту морскую поездку, чтобы заглазить свое участие в восстании против В. Атласова в 1711 г. на Камчатке, где Атласов был убит. На Камчатке Козыревский был по крайней мере 10 лет; с 1701 г. Козыревский имел поручение не только отыскать неизвестные острова, но и узнать о Японии. По возвращении из экспедиции он постригся в монахи в построенной им на Камчатке пустыни. Он сам так говорит об этой поездке:

«В 1713 году до монашества своего посылай я был за проливы против Камчатского носа для проведения островов и Японского государства, также новых земель всяких народов; следовал туда мелкими судами, без мореходов, компасов, снастей и якорей. На ближних островах живут самовластные иноземцы, которые, не сдавшись наговор наш, дрались с нами: они в воинском деле жестоки и имеют сабли, копыя и луки со стрелами. Милостью господ бога и счастьем его императорского величества мы оных иноземцев имали в полон и брали их платье шелковое, и дабинное, и кропивное, и золото». При поездке в Тобольск с донесением и по делам монастыря Козыревский был задержан в Якутске местным архимандритом Феофаном, не отпущен в Тобольск и был занят делами различных монастырей епархии. Лишь в 1730 г. Козыревскому удалось выбраться в Москву, повидимому, в связи с подготовлявшейся Великой Сибирской экспедицией. Здесь Козыревский дал ряд сведений о Японии, прибрежных островах и Камчатке. После 1730 г. сведения о Козыревском исчезают. В его истории многое остается темным, так как сохранились, например, указания, что он получал инструкции от Петра. Его сведения, несомненно, сыграли большую роль в подготовке экспедиции Беринга, которому Козыревский доставил докладную записку.

Все эти экспедиции Петра имели практическую цель. Едва ли можно сомневаться, что ею было искание золота или серебра. В этих поездках видим мы отдаленный отзвук той легенды о богатых золотом и жемчугом островах Зипангу (Японии), лежащих за морем, за Китаем, которая была в XIV столетии принесена в Европу Марко Поло и служила вековой приманкой великих путешествий XV—XVIII столетий, сделала больше для географических открытий,

чем какие бы то ни было другие, более реальные интересы.

Созданная капризом истории легенда о Зипангу есть одна из тех форм человеческого мечтания о силе, счастье и могуществе, которые сыграли и, может быть, играют в истории научных исканий важную роль. Они заставляют напрягать волю, подыматься мысль. Проходят поколения упорных стремлений, пока человек убеждается в призрачности сверкающей перед ним цели. Но попутно при этих исканиях делаются великие открытия, и под их влиянием, за их реальным содержанием более или менее быстро блекнет и теряется вызвавший эти открытия призрак.

Таковую роль в астрономии играли гороскопы, в химии — искания философского камня и эликсира жизни, в физике — задания магии, в математике — задача квадратуры круга. Таковую роль в открытиях географии играли различные причудливые легенды, одной из которых была легенда о Зипангу. Она получила в глазах европейцев Нового времени большее значение, чем придавал ей Марко Поло, передававший преувеличенные рассказы о богатстве Японии, которые были распространены при дворе монгольских владык Китая, пытавшихся завоевать Зипангу.

За золотом Китая и Зипангу шел еще Колумб. За ним стремились все те испанские, английские, голландские, французские моряки и искатели приключений, которые подымались с юга в Тихий океан или пытались проникнуть в него с севера. Легенда эта имеет свою многовековую историю, на которой здесь нет возможности останавливаться. Никакого реального основания она не имела, так как в этих странах — в Японии и Китае, как мы знаем теперь, было мало золота. То золото, которое здесь циркулировало, было собрано вековой охраной в замкнутой культурной области. Оно было ничтожно по сравнению с теми его запасами, которые были позже, уже в XIX столетии, найдены в странах, быстро проходимых в стремлении к призракам красивой легенды.

И Петр в поисках золота искал его не там, где оно было. Петр внимательно следил за событиями в Средней Азии и был о них хорошо осведомлен. Его интересовала Индия, песочное золото, шедшее из Бухарин и внутренних провинций Азии. За золотом он посылал князя Бековича-Черкасского в Хиву, в экспедицию, кончившуюся печально не по вине Петра; и почти одновременно с той же целью, в 1715 г., по направлению к Восточному Туркестану, к Яркенду, был двинут Бухгольц с военной силой. Как известно, и эта экспедиция кончилась неудачей. Однако она привела к занятию степных областей Западной Сибири. Обе экспедиции были

Карта Северо-Восточной Сибири.

Из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. 1699—1701 гг.

эпизодами, но мысль не была оставлена, и, как мы увидим, географическая разведочная, подготовительная работа продолжалась и в областях Каспия, и в областях азиатских, прилежавших к Западной Сибири. Стремление в Индию с суши было для Петра проявлением такого же морского стремления западноевропейских государств, с той же целью и с теми же стремлениями государственной выгоды.

Создав флот, Петр стремился к тому же и морем. Он думал искать золото в странах Тихого океана. Одним из предсмертных, неисполненных его распоряжений была экспедиция за золотом в Мадагаскар. Смерть его застала корабли готовыми к отплытию. Ту же цель преследовал Петр и на дальнем востоке своих владений. Соймонов в 1728 г. вспоминал разговор свой с Петром на Каспии (вероят-

но, в 1722 г.), когда он указал Петру: «А как вашему величеству известно, сибирские восточные места, и особенно Камчатка, от всех тех мест [Восточной Индии], и Японских, и Филиппинских островов, до самой Америки по западному берегу остров Калифорния, уповательно от Камчатки не в дальнем расстоянии найтись может; и потому много способнее и безубыточнее российским мореплавателям до тех мест доходить возможно было, против того сколько ныне европейцы почти целые полкруга обходить принуждены». Те мои слова его величество прилежно все слушать изволил; но как скоро я речь мою окончил, так скоро мне изволил сказать: «Слушай, я то все знаю, да не ныне, да то далеко»». Продолжать разговор на эту тему Петр Соймонову не дал, но перевел на другое, спросил, был ли он

в Астрабадском заливе, и затем сказал: «Знаешь ли, что от Астрабада до Балха и Водокшана [Бадакшана] и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарин средина всех восточных коммерций. И видишь те горы? Ведь и берег подле оных до самого Астрабада простирается: и тому пути никто помешать не может».

В этой обстановке началось стремление морем на восток. В указе Евреинову и Лужину было сказано: «Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией, что надлежит дело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить...» Здесь бросается в глаза указание ехать «куда вам указано» — намек на тайное поручение. По-видимому, Евреинову и Лужину было поручено убедиться в существовании какого-то минерала, который, по указанию (1712—1713) И. П. Козыревского, добывался японцами на Курильских островах. Ибо в сохранившемся описании поездки Евреинова и Лужина видно, что, рискуя всем, вопреки требованиям капитана судна, они считали себя обязанными высадиться на одном из Курильских островов. После его посещения, что было сопряжено с приведением судна в негодное состояние, они считали свою миссию законченной и вернулись назад. Вероятно, Козыревский имел указания на остров Медный, позже открытый и изученный русскими, на берегу которого в XVIII в. находили большое количество самородной меди.

Через несколько лет, незадолго перед смертью, Петр вновь вернул к решению поставленной в 1717 г. географической задачи. На этот раз, в 1724 г., во главе ее был поставлен находившийся на русской службе датский моряк Беринг. В собственноручной записке от 5 января 1725 г., написанной за три недели до смерти, Петр писал: «Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах возле земли, которая идет на норд по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. И для того искать, где она сошлася с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оный кюст¹ называют, и взять на письмо, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда».

Задача поставлена была ясно и просто: Петр искал с севера тот путь, к которому европейцы подходили с юга. Он хотел соединиться Европой, с новой

открывающейся перед нами культурой не только с запада, но и с востока.

Экспедиция под начальством Беринга, при офицерах Шпанберге, Чирикове, мичмане Чаплине, ведшем журнал путешествия, выехала из Петербурга частью незадолго перед смертью Петра Великого, частью после его смерти, в начале 1725 г. Однако дальнейшее снаряжение ее потребовало много времени. Из Камчатки бот Беринга «Святой Гавриил» мог выйти только 20 июля 1728 г., т. е. через 3,5 года. Это не были потерянные годы! Приходилось перевозить лес, пушки, снаряжение по неизвестной, дикой, холодной стране без дорог; строить корабли в безлюдных местностях. Указания центрального правительства противоречили знанию местных людей; не доверяя последним или боясь не исполнить государев указ — «слово и дело», что не раз бывало в ученых поездках того времени, Беринг сделал ряд ошибок в ведении экспедиции. Нельзя, однако, отрицать, что он еще в начале поездки предлагал Дежневский путь как более легкий, — мы не знаем, какие указания он получил в ответ на свое предложение из Адмиралтейств-коллегии. До Камчатки — Нижнекамчатка — экспедиция добралась с огромными лишениями, потеряв более 500 лошадей, часть груза, изголодавшись. Умерло от лишений несколько десятков человек, было много больных и бежавших. В числе умерших был геодезист Лужин.

В Нижнекамчатке Беринг мог убедиться в существовании вблизи Камчатки населенной земли. В Камчатку попадали оттуда деревья, приносимые морем и неведомые на месте; несомненно, существовали сношения чукчей с американскими туземцами, и эти последние бывали на азиатском берегу. Берингу это стало известно из рассказов туземцев. Я уже упоминал, что он знал и о поездках русских из Колымска на Анадырь.

Таким образом, Беринг отправлялся на восток не наугад. Плавание его было исключительно счастливое. В своем донесении императрице Анне Беринг пишет: «А 15 того же августа пришли в ширины северной 67 градусов 18 минут, рассуждая, что по всему виданному и по данным инструкции блаженные и вечностойные памяти его императорского величества исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился, а ежели еще идти далее, а случились бы противные ветры, то не можно, паки того лета возвратиться до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было бы не без причин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошний народ не под державою Российского государства самовластен и союза с нашими ясачными инородцами не имеет. А от устья Камчатки и до сего места, откуда возвратились по берегу мор-

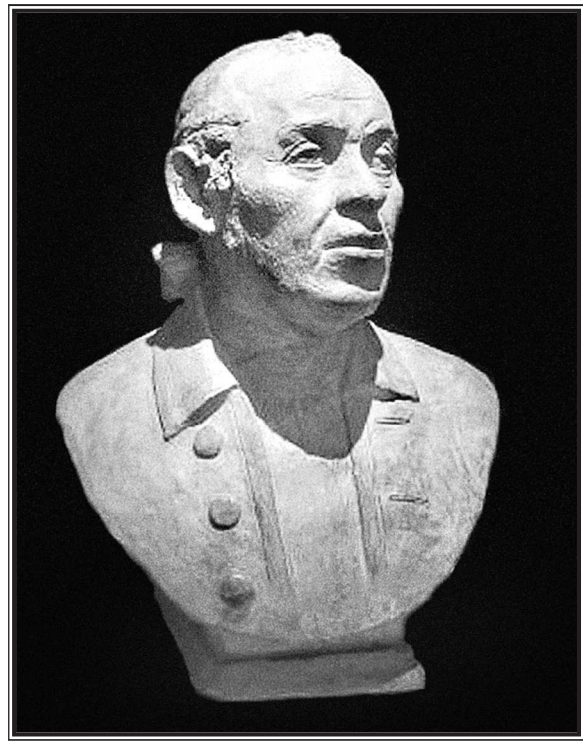
¹ *Kilste* — побережье (нем.)

скому, великие высокие каменные горы и в лето изпод снегов не открываются». В донесении Адмиралтейству он указывает, что на широте $64^{\circ}30,7'$ он встретил чукчей, которые сказывали, что «земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы, и всюду прилегло море и великие отмели».

Беринг счел задачу своей экспедиции законченной, вопреки мнению своего помощника, лейтенанта А. И. Чирикова, который, по-видимому, смотрел на дело глубже и правильнее Беринга. Ни Беринг, ни Шпанберг в своих донесениях не признавали близости к ним Америки, куда они могли уйти. Другое видно из мнения Чирикова. [После совещания, [на котором] он остался [в меньшинстве], Чириков писал: «Понеже известия не имеются, до которого градуса ширины из Северного моря, подле восточного берега Азии, от знаемых народов европейским жителям походы бывали; и по оному не можем достоверно знать о разделении Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды». Далее Чириков указывает, что, если не дойдут до Колымы, надо зимовать «наипаче против Чукотского Носу, на земле, на которой, по полученной сказке от чукчей, через Петра Татаринова, имеется лес».

Чириков остался в меньшинстве. Беринг счел свою задачу в общих чертах законченной, принимая во внимание показания местных жителей. Он встретился здесь, на море, с людьми — чукчами, к которым русские подходили с суши, приплывали с Колымы. Ясно видно это из записей младших офицеров. Так, в кратком дневнике мичмана Петра Чаплина, изданном уже в XIX в., ярко отразились эти впечатления.

8 августа Чаплин записывает: «В 7 часу пополуночи увидели лодку, гребущую от земли к нам, на которой сидит людей 8. И пригребли близко к боту нашему, спрашивали, откуда мы пришли и чего ради... А о себе сказывали, что они чукчи, что живет их, чукч, на берегу многолюдно, и сколько земли простирается в восточную сторону, не знают, а про русских-де людей давно слышали, а Анадырь-река далече от них на запад. Про острова сперва не сказывал (*sic*), а потом сказал, что есть островок, которого в красный день отшел недалече, отсюда к востоку землю видать <...> А говорили с ними толмачи наши коряцким языком. А сказывают, что мало собою речь признавают, и затем от них осведомиться подлинно, о чем потребно, не могли». 9 августа экспедиция, по Чаплину, была на $64^{\circ}19'$ широты, 11-го увидели землю на *SSO*, «которую, чаем, быть остров». 16 августа Чаплин записывает: «Ширина места $65^{\circ}8' W$. В 3 часа господин капитан объявил, что надлежит ему против указу во испол-

Витус Йонассен Беринг.

Скульптурный портрет-реконструкция

нение возвратиться, и, поворотив бот, приказал держать на *StO*».

Стоявший во главе русской экспедиции капитан Иван Иванович Беринг, родом датчанин, в это время уже 24 года находился на русской службе. Это был скромный, набожный, образованный человек, биография которого известна нам мало. Известно лишь, что до поступления на службу в Россию Беринг уже плывал в дальних морях, был в Ост-Индии. Беринг был одним из тех иностранцев, которые в XVIII в. вошли в состав русского общества, сроднившись и слившись с ним, придали русскому обществу новый облик, ввели в его недра традиции иной культуры и иных переживаний. Беринг до самой своей смерти верно служил своей новой родине, здесь осталась его семья, и еще в начале XIX столетия были известны его потомки.

Беринг мог исполнить свою задачу только потому, что встретил в Сибири контингент подготовленных вековой работой землепроходства энергичных моряков. Его помощниками явились образованные молодые русские офицеры, какими были Чириков и Чаплин. Так здесь, в этой экспедиции, встретились три главных течения, слагавшие новое русское общество, — образованные иностранцы, по-новому

обученные русские и энергичные работники, созданные предыдущей историей.

Современники не сразу поняли значение этой поездки. Хотя есть указания, что ее результаты были немедленно утилизированы государством. Так, всеми данными Беринга воспользовался граф С. Владиславич, ведший в это время переговоры в Китае. Беринг пересылал ему исправленные чертежи, и на основании их Владиславич пытался выяснить правильное положение Амура на Азиатском материке. Результаты [экспедиции] Беринга отразились на карте Сибири, составленной по поручению графа Владиславича геодезистом М. Зиновьевым (1727) и присланной тогда же в Петербург С. Колычевым, под надзором которого она была составлена. Карта эта осталась в рукописи, но, по видимому, ею пользовались для своего атласа Кирилов (1737) и Академия наук (1738). На этой карте северо-восток Азии представлен более правильно, чем это было раньше.

Сам Беринг не считал свою задачу законченной. Он сейчас же начал хлопотать о снаряжении новой большой экспедиции для исследования азиатских и американских берегов открытого им свободного моря. Пока шли эти переговоры и дело двигалось медленно в петербургских канцеляриях, по его следам на берегах Тихого океана в Америку стали пробиваться русские промышленники и искатели приключений. В 1730 г. господин капитан Д. И. Павлуцкий¹, «начальник Камчатской земли» (совершивший поход на Чукотку), снарядил экспедицию для исследования «Большой Земли», как в это время называлась Америка в официальных бумагах сибирских канцелярий. В 1732 г.² одно из посланных Павлуцким судов — «Восточный Гавриил»³, под командой подштурмана Федорова и геодезиста Гвоздева, — достигло Америки. Федоров и Гвоздев открыли сперва острова, названные одно время на карте островами Гвоздева, а теперь называемые островами Диомида. Это были первые европейцы, проплывшие из Азии в Северную Америку. Долгое время память о Гвоздеве сохранялась, и на карте Америки его именем назывался лежащий против мыса Дежнева мыс Аляски, теперь называемый мысом Принца Уэльского.

Михаил Спиридонович Гвоздев был одним из тех геодезистов, которые совершили огромную работу, связанную с составлением географической карты Российской империи. Гвоздев с 1721 по 1725 г. сни-

мал Новгородскую провинцию, в 1727 г. был послан в Сибирь, в неудачную экспедицию казака Шестакова — предшественника Павлуцкого. Он оставался в Сибири больше 25 лет, до 1754 г., когда был назначен учителем вновь учрежденного в Петербурге Морского корпуса. О подштурмане И. Федорове мы ничего не знаем — он умер в 1733 г. вскоре после возвращения из поездки.

Экспедиция Федорова и Гвоздева была плохо снаряжена, оба командира все время ссорились, их донесение не обратило первое время на себя внимания и застряло в Охотской канцелярии. Лишь после прибытия Беринга, через несколько лет, оно было вновь отыскано. Гвоздев, однако, отказался составить карту пройденного пути, считая свои и Федорова наблюдения недостаточными, и карта — едва ли очень хорошая — по их реляциям была составлена капитаном Шпанбергом, участником первой и второй экспедиций Беринга. Донесения Гвоздева — очень скудные — были напечатаны уже больше чем через 100 лет, в XIX столетии. Вот как Гвоздев описывает «Большую Землю» — Америку: «...и пришли по оной земле, и стали на якорь (от земли верстах в четырех), и против того на земле жилищ никаких не значило... и пошли подле земли к южному концу, и от южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы, и ко оному жилью за противным ветром во близость подойти невозможно; и пошли подле Земли по южную сторону, и стало быть мелко...» Один из их спутников, И. Скурихин, в «сказке», поданной в Охотскую канцелярию в 1741 г., давал следующие дополнения к этой картине: «...земля великая, берег желтого песку, жилья юртами по берегу и народу, ходящего по той земле, множество. Лес на той земле великой, лиственничной, ельник и топольник...»

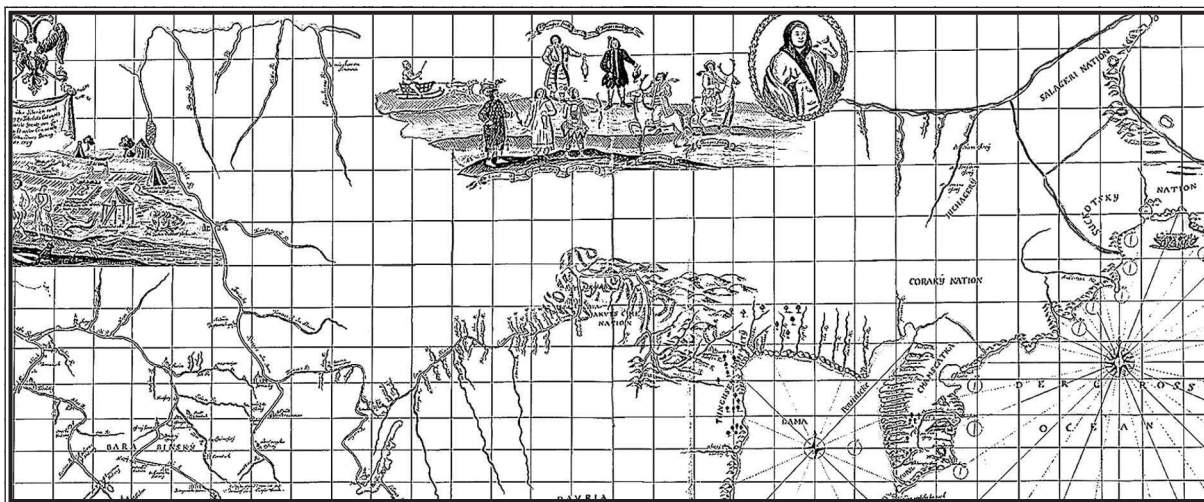
Эти показания не выходят за пределы тех, которые давались землепроходцами в XVI—XVII вв. в воеводских канцеляриях Московской Руси. Ими, однако, руководствовались в 1741 г. Беринг и Чириков во время своей попытки достигнуть «Большой Земли». Для них они и были извлечены из Охотской канцелярии.

Берингу в Петербурге, после его возвращения, удалось добиться второй экспедиции. В 1733 г. он выехал из новой столицы и имел вместе с капитаном Чириковым и академиком Делилем де ла Крайером поручение: выстроить в Охотске или Камчатке пакетботы для «обыскания американских берегов, дабы они всеконечно известны были». Эта экспедиция составляла часть грандиозного предприятия — Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг., имевшей целью достижение не только Америки, но и Японии, описание всех северных берегов России вплоть до Архангельска. В инструк-

¹ Дмитрий Иванович Павлуцкий (ум. в 1747) — драгунский капитан, помощник начальника экспедиции Афанасия Федотовича Шестакова, после гибели которого в 1730 г. взял руководство ею на себя.

² Оно вышло из Большерецкого острога 23 июля 1732 г.

³ По другим источникам, «Святой Гавриил».

Карта, составленная Берингом по результатам экспедиции в 1729 г.

ции Шпанбергу, который должен был ехать в Японию, говорилось о необходимости всеми мерами расположить к себе японцев, «дабы своею дружбой перемотать их застарелую азиатскую нелюдскость». В 1739 г. Шпанберг и Вальтон доехали до Японии, но результатов эта поездка не имела. Описание берегов от Архангельска до Камчатского побережья должна была быть произведена «для подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, тако ж имеется ли проход Северным морем...» Я вернусь еще к результатам этого великого предприятия, теперь же остановлюсь только на той его части, которая касается открытия Америки.

Выехать в море Беринг решился только в 1741 г., через 8 лет после начала экспедиции. Это произошло не только от огромных трудностей задачи. Правда, много труда было потрачено на привоз материала за тысячи верст, постройку судов в местности безлюдной и глухой, при бездорожье. Но главная вина была в нерешительном характере Беринга, в неумении его справляться с людьми, в ссорах участников экспедиции, в затруднениях и тормозах многочисленных властей. Как бы то ни было, наконец в 1740 г., в сентябре, на двух пакетботах Беринг и Чириков вышли из Охотска, пришли в Камчатку, где Беринг основал Петропавловск, и здесь зазимовали. 4 июня 1741 г. они вышли в Америку, но по пути разделились. Они оба достигли или видели «Большую Землю». Беринг пристал 20 июля к большому острову, по-видимому Каяку, и с моря мог видеть еще раньше гору Святого Ильи на Американском континенте. Но Беринг считал задачу выполненной, не исследуя новую землю. Он сейчас же поворотил назад, на обратном пути претерпел ряд

бедствий, корабль его потерпел крушение около острова, получившего теперь имя Беринга. На этом острове Беринг в страшных страданиях умер в декабре 1741 г. Остатки его экспедиции вернулись в Охотск в 1742 г. Счастливей был Чириков: он взял правильный курс и на сутки раньше Беринга пристал к материке Америка, но посланные на берег люди погибли¹, и в октябре 1741 г., после больших лишений, но в общем благополучии, Чириков вернулся в Петропавловск. В 1742 г. — неудачно — Чириков пытался вновь пройти в Америку, а Шпанберг — в Японию. Но в 1743 г. по «высочайшему повелению» действия сибирских экспедиций были приостановлены и фактически закончились.

Вопрос был решен, но сейчас же заброшен. Результаты полученные не были опубликованы, хранились как величайшая тайна. Во главе правительства стоял не Петр. Медленное и малое использование достигнутого при исключительно трудной работе было следствием того развала государственной власти, какой царил в России в первой половине XVIII в. после смерти Петра; ряд неудачных, бесталанных правительств сменяли друг друга; дворцовые революции и интриги расшатывали страну. Лишь благоприятная внешняя конъюнктура и глубокая творческая работа, шедшая в среде русского общества и народа, совершили вопреки всему дальнейший рост и укрепление новой культуры

¹ В момент обнаружения земли судно Чирикова находилось ближе всего к мысу Бартоломе. А. Чириков и его спутники видели мыс Аддингтон и остров Форрестер — район, прилегающий к острову Принца Уэльского. Высадка на берег, по-видимому, произошла в районе бухты Такание, на западе острова Якоби. Судьба двух шлюпок, направленных к берегу, осталась неизвестной.